

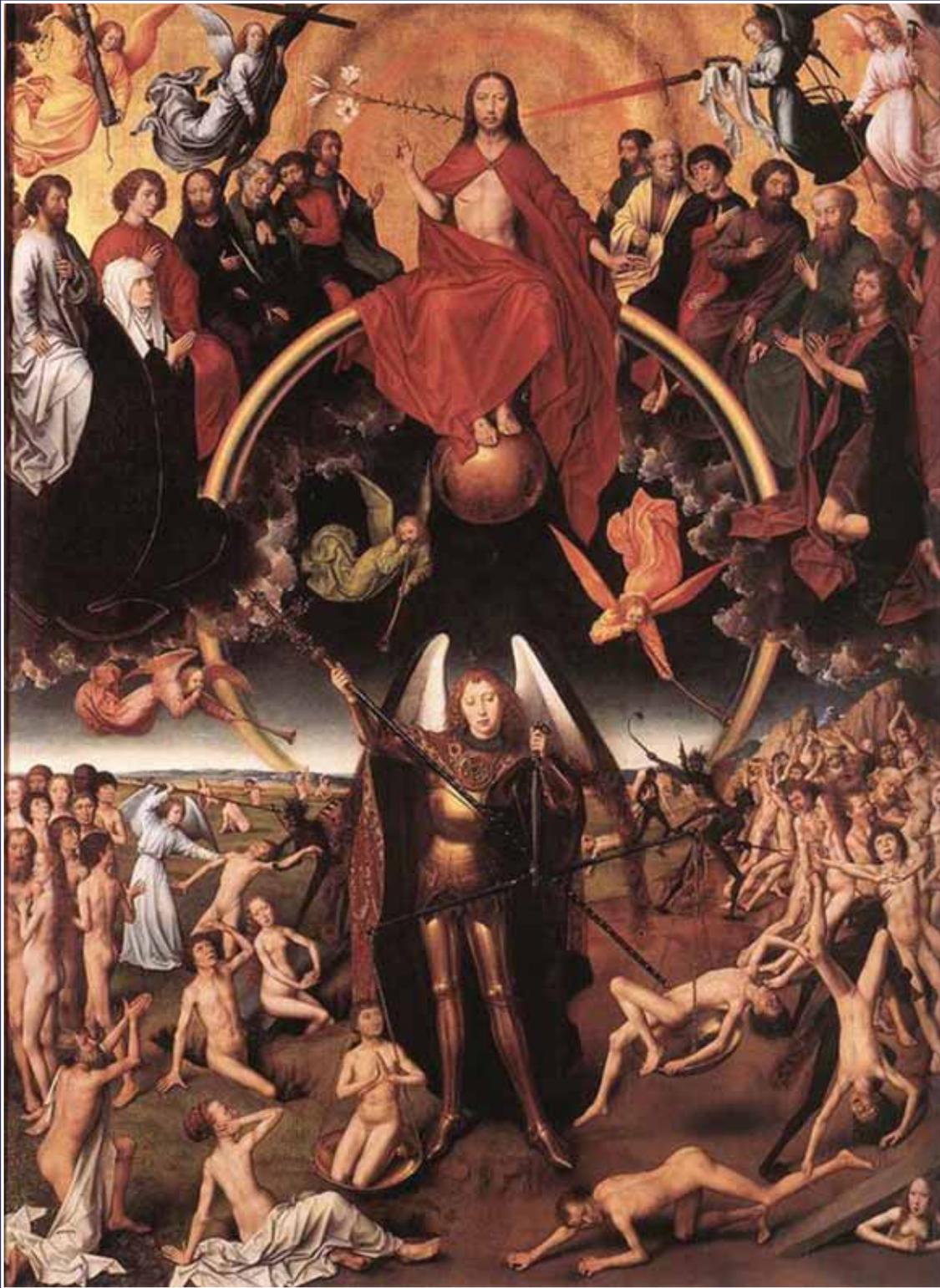
«Имя собственное».
Третьяковы

*«В моем конце —
мое начало».*
Мария Стюарт

«Авантюрист или маг?»
Алессандро Калиостро

История шедевра.
«Страшный суд»
Ганса Мемлинга

«Защитница».
Криминальный роман
Иосифа Гольмана

О жизни и творчестве
художника Ганса Мемлинга читайте на стр. 66

Российские династии	
<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Третьяковы 4
Это интересно	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Первый во льдах 16
Неизвестное об известном	
<i>Алла Зубкова</i>	Авантюрист или маг? 24
Мистический рассказ	
<i>Кристина Каримова</i>	Удиви меня 36
Минувшее	
<i>Денис Логинов</i>	«В моем конце — мое начало» 52
Шедевры	
<i>Ирина Опимах</i>	Ганс Мемлинг «Страшный суд» 66
Звезды не гаснут	
<i>Валерия Быкова</i>	Святая и грешная 78
Поэзия	
<i>Полина Рожнова, Марина Новикова</i>	Стихи 91
Посмеемся вместе	
<i>Юрий Лопусов</i>	Уроки английского 94
<i>Александр Силаев</i>	Охотник 116
Рассказ	
<i>Пол Гэллико</i>	«Снежный» гусь 100
Поэзия	
<i>Борис Рябухин</i>	Стихи 119
Криминальный роман	
<i>Иосиф Гольман</i>	Защитница 122
Кроссворд. Эрудит	188

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Фотоэтюд Александра Комарова
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 7650 экз.

Зак. №6243

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.11.2014

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Светлана Бестужева-Лада

ТРЕТЬЯКОВЫ

Имя собственное

В России вряд ли найдется человек, который хотя бы раз в жизни не слышал это словосочетание — Третьяковская галерея. Она принадлежит к числу крупнейших музеев мира и популярность ее вполне сравнима с Лувром. Хотя это не дворец, а специально выстроенное для музея здание в тихом Лаврушинском переулке, в одном из древнейших районов Москвы — Замоскворечье.

В Третьяковской галерее собраны произведения исключительно русского искусства тех художников, которые внесли свой вклад в его историю. Так было задумано основателем галереи, московским купцом и промышленником Павлом Михайловичем Третьяковым, такой сохранилась она до наших дней. И хотя трудно представить себе, что огромное собрание произведений искусства — детище одного человека, приходится признавать: Третьяковка (как ее привычно называют в обиходе) сохранила имя своего создателя и обессмертила это имя собственное, ставшее нарицательным.

Датой основания Третьяковской галереи принято считать 1856 год, когда молодой купец Павел Третьяков приобрел первые работы русских художников. Но тогда это была только мечта, осуществить которую в полном объеме еще предстояло.

«Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие, — писал собиратель в 1860 году, добавляя при этом: ... я желал бы оставить национальную галерею, т.е. состоящую из картин русских художников».

Его мечта осуществилась спустя десятилетия: 12 сентября 1892 года известный московский предприниматель и меценат Павел Михайлович Третьяков передал в собственность городу Москве свою картинную галерею, уже тогда знаменитую Третьяковку. Поистине царский дар, сделанный потомком небогатого купца, перебравшегося с семейством в Москву из Малого Ярославца во второй половине XVIII века, в царствование Екатерины II

Начало династии столичных предпринимателей положил Елисей Мартынович Третьяков, купец самой низкой — третьей — гильдии, то есть мелкий торговец. Его дело продолжил, слегка расширив, сын Захар. А вот внук Михаил сумел уже выбиться во вторую гильдию, изготавливал и продавал ткани, владея пятью лавками в Старых торговых рядах на Ильинке. Но собственным домом так и не обзавелся, довольствуясь съемной квартирой.

Семья Третьяковых жила весьма скромно, хотя девять их детей получили неплохое по тем временам домашнее образование. При этом отец частенько присутствовал на уроках, устраивал внезапные экзамены и вообще держал отпрысков в строгости. Двое старших сыновей — Павел и Сергей — уже с четырнадцати лет просиживали целый день в отцовских лавках, набираясь практического опыта и приобретая деловые навыки.

Михаил Захарович скончался в 1850 году, наказав детям продолжать его дело и во всем слушаться мать — Александру Даниловну. Павлу было тогда семнадцать, а Сергею пятнадцать лет. Сыновья оказались послушными: с помощью матери повели дела так, что уже через год после смерти отца семья переехала, наконец, в собственный дом в Лаврушинском переулке в купеческом Замоскворечье. Это был окруженный садом старый двухэтажный особняк.

Справедливости ради стоит сказать, что делами, в основном, зани-

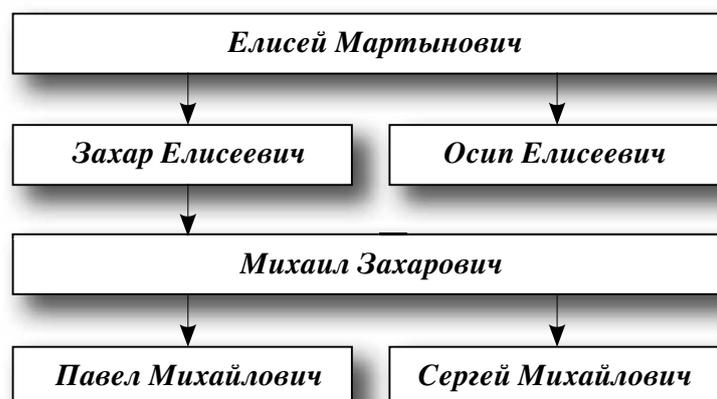
мался Сергей, во всяком случае, проявлял больше активности, чем Павел, и не отвлекался на посторонние предметы. Каковым, безусловно, можно считать появившийся с молодых лет интерес к живописи у старшего брата. Нет, сам он не рисовал и даже не пытался это делать, но не пропускал в Москве ни одной выставки живописи, а бывая по делам фирмы за границей, обязательно посещал местные картинные галереи. А с 1856 года начал приобретать первые картины, предпочитая молодых и малоизвестных еще авторов, не из-за нехватки денег, а в соответствии со своей собственной эстетической концепцией.

«Мне не нужно ни богатой природы, ни великолепной композиции, ни эффектного освещения, никаких чудес. Дайте мне хоть лужу грязную, но чтобы в ней правда была, поэзия, а поэзия во всем может быть, это дело художника».

В начале 1860-х годов образовалось «Московское общество любителей художеств», объединившее как профессионалов, так и любителей-меценатов. Павел Третьяков был избран постоянным членом Комитета этого общества и на всех конкурсах и выставках неизменно поддерживал художников реалистического направления.

Третьяков прекрасно понимал, что его увлечение живописью требует немалых средств, и со временем стал более активен в предпринимательстве. *«Я менее чем кто-нибудь, желал бы бросать деньги и даже не должен сметь этого делать, — пи-*

Схема основных ветвей рода Третьяковых по мужской линии

сал он, — мне деньги достаются большим трудом, часть физическим, но более нравственным, и, может быть, я не в силах буду долго продолжать торговые дела, а раз кончив их, я не в состоянии буду тратить на картины ничего».

Оба брата продолжали отцовское дело, сначала торговое, а потом и промышленное. Их собственностью стала известнейшая Новая Костромская мануфактура льняных изделий. Лен в России почитался коренным русским товаром и всегда конкурировал с иноземным американским хлопком.

Торговые и промышленные дела Третьяковых шли успешно, но все-таки эта семья никогда не считалась одной из самых богатых в России. 1860-е годы стали временем экономического и промышленного подъема, который не мог не отразиться и на предпринимательской деятельности Третьяковых. В Москве им принадлежало четыре мануфактур-

ных магазина, отделения и конторы семейной фирмы открывались во все новых городах.

В Костроме Третьяковы основали Товарищество Большой Костромской мануфактуры. В финансовой сфере Павел Третьяков принял активное участие в создании первого в городе Московского купеческого банка и до конца жизни являлся членом его совета. Третьяковы были также среди учредителей второго коммерческого банка Москвы — Московского купеческого общества взаимного кредита, имели большое влияние и в правлении Московского учетного банка.

Мало кому известно, что на предприятиях Третьяковых практически не было конфликтов между рабочими и хозяевами, они, как никто, умели без особой огласки их улаживать. Когда на хлопчатобумажной фабрике в Москве вспыхнула забастовка, Третьяковы почти немедленно втрое увеличили сдельную оплату и сни-

*Сергей
Михайлович
Третьяков*

зили цены на продукты в фабричной лавке.

Занимались Третьяковы и традиционной для московского купечества благотворительностью, причем в значительных размерах. На их средства содержалось Арнольдовское училище для глухонемых детей, для которого было выстроено трехэтажное здание на Донской улице.

Павел Третьяков принимал также участие в деятельности Православного миссионерского общества, занимался попечительством бедных, состоял членом Коммерческого суда и, конечно, был членом разных обществ — художественных, благотворительных, коммерческих. Но при этом вел весьма скромный образ жизни и никогда не придавал своим благотворительным делам широкой огласке. Дом в Лаврушин-

ском переулке так и не стал светским салоном, хотя здесь бывали многие известные люди.

Совсем иной образ жизни царил в богатом особняке Сергея Третьякова на Пречистенском бульваре. Вот там действительно постоянно собиралась «вся Москва», блестящая публика стекалась на пышные приемы и балы. Сергей Михайлович, не скрываясь, добивался популярности — и в 1877 году был избран городским головой.

Пока брат тратил деньги на светскую жизнь, Павел Третьяков продолжал пополнять свою коллекцию живописи, одновременно материально поддерживая перспективных, но пока еще неизвестных художников, особенно выделяя группу художников-передвижников, которая прославилась своим открытым прене-

*Павел
Михайлович
Третьяков*

брежением к традициям Академии художеств.

По каждой картине он составлял собственное мнение, но при покупке нового полотна для коллекции всегда советовался с людьми, чье мнение очень ценил: с Крамским, Стасовым и другими.

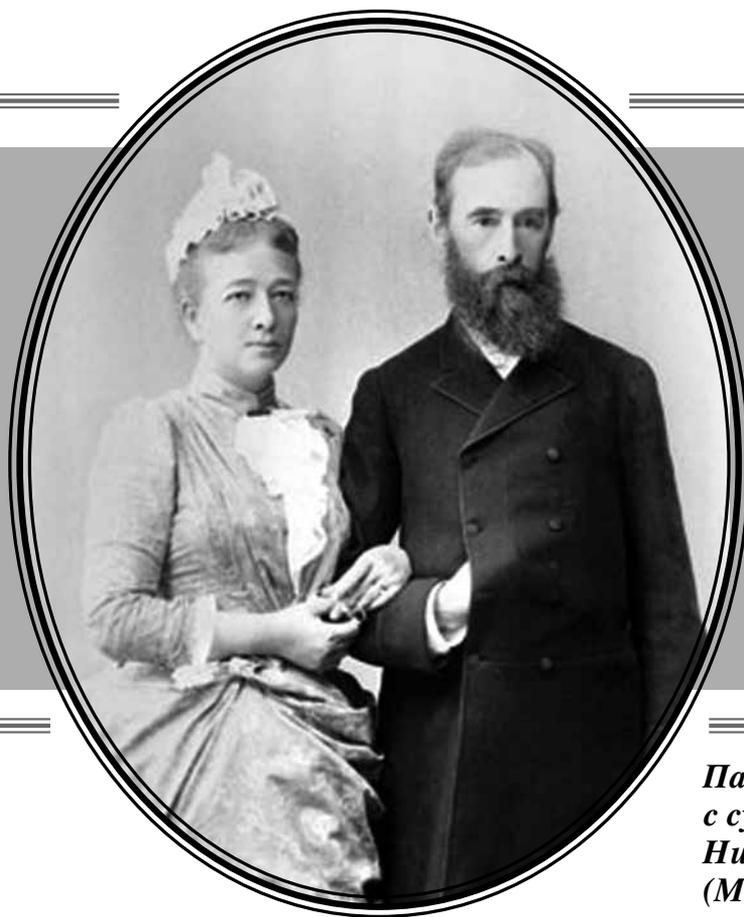
Иногда Павел Михайлович покупал картины по особой просьбе людей, которых особенно уважал, так в третьяковской коллекции появился цикл работ художника Ге на евангельские темы, приобретенный по настоятельной просьбе Льва Толстого.

Хотя Третьяков и не стремился к популярности, попасть в число его избранников мечтал любой художник России, поскольку коллекционер был истинным патриотом — и не только на словах. Его раздража-

ло слепое преклонение перед искусством Запада.

«Многие положительно не хотят верить в хорошую будущность русского искусства и уверяют, что если иной какой художник наш напишет недурную вещь, то так как-то случайно, и что он потом увеличивает собой ряд бездарностей, — писал Третьяков. — Я иного мнения, иначе я не собирал бы коллекцию русских картин».

Очень большие деньги были потрачены Павлом Третьяковым на приобретения полотен русских художников XVIII — первой половины XIX века, целиком был приобретен цикл картин художника Верещагина о Туркестане. Коллекцию мог увидеть любой желающий, но... полотна висели в жилом доме в Лаврушинском переулке, и нескончаемая ве-

*Павел Михайлович
с супругой — Верой
Николаевной
(Мамонтовой)*

реница посетителей приносила массу неудобств членам семьи и самому хозяину дома.

Только в 1874 году братья Третьяковы выстроили новое двухэтажное здание специально для картинной галереи, а за тридцать лет своего существования это здание перестраивалось и расширялось под увеличивающуюся коллекцию пять (!) раз. В 1906 году фасад Третьяковки был декорирован в русском национальном стиле по эскизам художника Васнецова. Причем денег за вход с публики не брали, хотя и содержание галереи, и пополнение коллекции требовали больших затрат.

«Я трачу на картины, тут цель серьезная, может быть, она исполняется недостаточно умело, это дру-

гое дело, да к тому же деньги идут трудящимся художникам, которых жизнь не особенно балует, но когда тратится ненужным образом хотя бы рубль — мне это досадно и это раздражает меня», — такова была позиция мецената.

Сергей Третьяков тоже был коллекционером, но его больше привлекала западноевропейская живопись, прежде всего — работы французских мастеров XIX века. Немногочисленные приобретенные картины русских мастеров он тут же дарил брату. Но 25 июня 1892 года Сергей Третьяков скоропостижно скончался, написав в завещании, помимо всего прочего, следующее:

«Так как брат мой Павел Михайлович выразил мне свое намерение

пожертвовать городу Москве свою художественную коллекцию и в виду сего представить в собственность Московской городской думы свою часть дома, обще нам принадлежащего, то я часть этого дома, мне принадлежащую, представляю в собственность Московской городской думе».

Павел Третьяков рассчитывал, что его галерея перейдет Москве только после его смерти. Но внезапная смерть брата подтолкнула его принять другое решение. 31 августа 1892 года Павел Михайлович обратился в Московскую думу с официальным письмом:

«Озабочиваясь, с одной стороны, скорейшим выполнением воли моего любезного брата, а с другой — желая способствовать устройству в дорогом для меня городе полезных учреждений, содействовать процветанию искусства в России и вместе с тем сохранить на вечное время собранную мною коллекцию, ныне же приношу в дар Московской городской думе всю мою картинную галерею и передаю в собственность города принадлежавшую мне часть дома».

Сделав соотечественникам такой щедрый подарок, он почти сразу же уехал за границу — до конца года. Вслед ему полетели письма такого вот содержания:

«... Весть о вашем пожертвовании давно облетела Россию, и во всяком, кому дороги интересы русского просвещения, вызвала живейшую радость и удивление к значительности принесенных Вами в его пользу усилий и жертв».

По возвращении домой Павел Третьяков приступил к кропотливой работе по составлению каталога своей коллекции. Выяснилось, что Третьяковка хранит 1276 картин, 471 рисунок и 9 скульптур практически всех школ и направлений русского изобразительного искусства XVIII–XIX веков. Страховая стоимость коллекции была оценена, приблизительно, в полтора миллиона рублей, однако целиком все расходы на создание художественной галереи составляли около четырех миллионов рублей.

После передачи своего собрания городу меценат продолжал пополнять его. В ноябре 1898 года он приобрел для галереи картину Васнецова «Богатыри». Это было последним вкладом коллекционера — 4 декабря 1898 года Павел Михайлович Третьяков скончался. Его последними словами были:

— Берегите галерею и будьте здоровы.

Третьяков умер именитым, почетным гражданином города Москвы, немало приумножив капитал своих предков. Но если он и задумывался о росте своего состояния, то исключительно ради любимого детища — галереи. Согласно его завещанию, Третьяковка получала достойное содержание, причем Павел Михайлович особо подчеркивал то, что учащиеся могли посещать его галерею бесплатно, а все остальные за очень небольшую входную плату — случай в России беспрецедентный.

Кроме того, Третьяков завещал *«... сто пятьдесят тысяч рублей для употребления процентов с этой сум-*

мы на ремонт галереи, сто двадцать пять тысяч рублей для приобретения на проценты с этой суммы живописных и художественных произведений для пополнения коллекции...» Галерее были завещаны также иконы и недвижимое имущество.

Оценивая итоги жизни Павла Михайловича Третьякова, художник И.Е. Репин писал:

«Он довел свое дело до грандиозных, беспримерных размеров и вынес один на своих плечах вопрос существования целой русской школы живописи. Колоссальный, необыкновенный подвиг!»

Немудрено, что после смерти своего создателя галерея фактически осиротела. Руководил ею Совет галереи, среди членов которых не было единодушия и согласия. Только в 1905 году после избрания попечителем галереи художника и коллекционера Остроухова стали регулярно приобретаться произведения и старых русских мастеров, и представителей новых направлений в живописи.

Новый попечитель считал, что *«следует первое время быть спокойнее и разборчивее. За Павлом Михайловичем была многолетняя репутация и собственные средства... Мы же не имеем права увлекаться»*.

Действительно, близко общаясь с огромным числом художников, Третьяков охотно выслушивал их советы и замечания, но поступал всегда по-своему и решения свои не менял, равно как и не терпел постороннего вмешательства в свои дела. Со временем отменный вкус и строгость отбора принесли ему заслуженный

и неоспоримый авторитет и дали привилегии, которых не имел ни один другой коллекционер: право первым смотреть новые работы художников непосредственно в их мастерских.

Приход Павла Михайловича всегда был волнующим событием для художников, как маститых, так и начинающих. Затаив дыхание, они ждали знаменитой третьяковской фразы, произнесенной тихим голосом:

— Прошу вас картину считать за мной.

Это было практически официальное общественное признание художника и ценности его работы.

«Признаюсь Вам откровенно, — писал ему в 1877 году Репин, — что если уж продавать, то только в Ваши руки, в Вашу галерею не жалко, ибо говорю без лести, я считаю за большую для себя честь видеть там свои вещи».

Третьяков никогда не покупал, не торгуясь, но часто художники сами снижали первоначальную цену, чтобы посылить поддержать меценатскую деятельности коллекционера. Как считали, например, Нестеров и Бенуа, *«не появись в свое время П.М. Третьяков, не отдайся он всецело большой идее, не начни собирать воедино Русское Искусство, судьба его была бы иная: быть может, мы не знали бы ни "Боярыни Морозовой", ни "Крестного хода...", ни всех тех больших и малых картин, кои сейчас украшают знаменитую Государственную Третьяковскую галерею... Без его помощи русская живопись никогда не вы-*

*Семья Павла Михайловича Третьякова.
Слева направо: Вера, Иван, Вера Николаевна, Михаил, Мария,
Мария Ивановна, Павел Михайлович, Александра, Любовь. 1884 г.*

шла бы на открытый и свободный путь, так как Третьяков был единственный (или почти единственный), кто поддержал все, что было нового, свежего и дельного в русском искусстве».

Третьяков покупал картины, даже если выступали против авторитеты вроде Льва Толстого, который не принимал религиозной живописи Васнецова. Павел Михайлович прекрасно понимал, что создаваемый им музей должен не столько соответствовать чьим-то личным вкусам и симпатиям, сколько отражать реальную картину развития отечественного искусства. А вкусы создателя галереи развивались и эволюционировали вместе с самим искусством.

В 1913 году попечителем галереи стал известный художник и историк искусства Игорь Грабарь, после чего решено было перестроить всю экспозицию по научному принципу, на уровне крупнейших европейских музеев. Только так, по мнению Грабаря, *«могла раскрыться в строгой последовательности эволюция искусства, чтобы при этом посетитель с наименьшей затратой времени и энергии мог получить наиболее ясное представление о содержании данного музея...»*

Если раньше новые поступления выставлялись отдельно и не смешивались с основным собранием П.М. Третьякова, то теперь развеска всех произведений подчинялась общему историко-хронологическому

*Сергей Михайлович
Третьяков*

и монографическому принципу, соблюдаемому и поныне. Как соблюдается и принцип размещения картин каждого художника в одном зале. Кроме того, была создана постоянно действовавшая реставрационная мастерская.

Новый период в истории Третьяковской галереи начался после национализации галереи в 1918 году, превратившей ее из муниципальной собственности в государственную и закрепив за ней ее общенациональную значимость. Правда, на некоторое время попечителю Грабарю пришлось превратиться из научного руководителя в снабженца и сосредоточить внимание в основном на сохранности бесценного фонда.

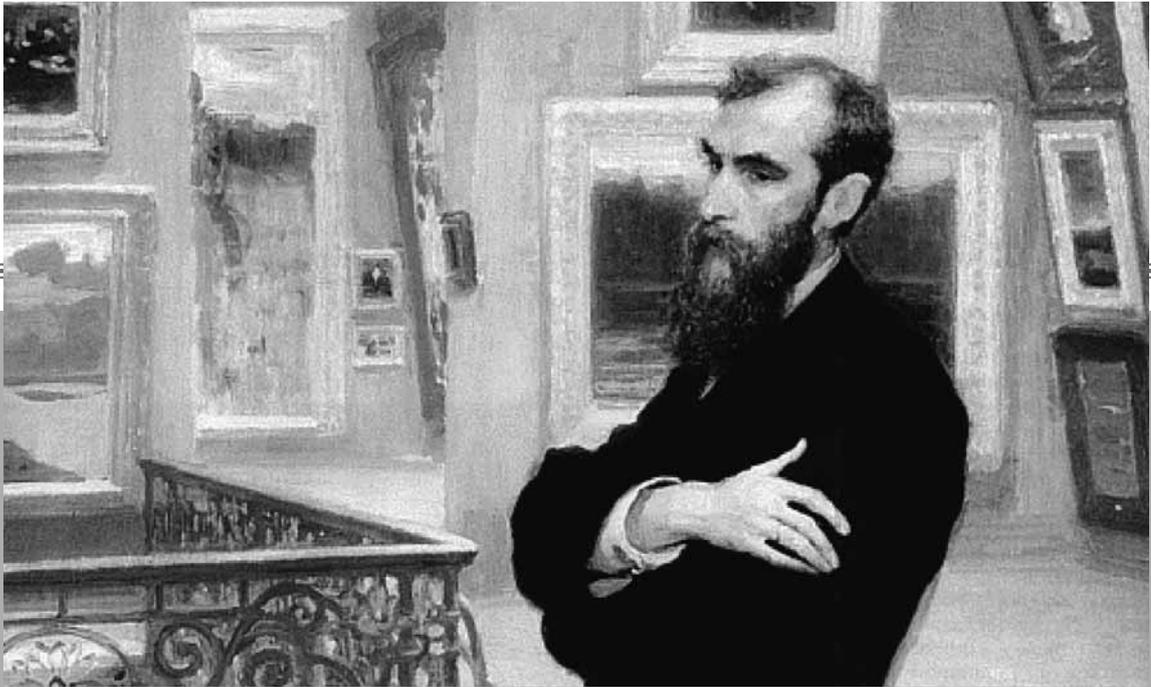
Быстрый рост коллекции Третьяковской галереи уже в 1930-е годы

породил вопрос о расширении ее помещений. Пристраивались, где это было возможно, новые залы, перестраивались примыкавшие к галерее жилые дома и иные постройки. Но число экспонатов все равно увеличивалось быстрее, чем предназначенные для них помещения. Запасники уже буквально ломились от полотен и скульптур.

Начали разрабатываться проекты реконструкции Третьяковской галереи, включавшие в себя то проект сноса всех соседствующих с галереей зданий и расширение ее вплоть до набережной Обводного канала, то постройки нового здания на новом месте и переноса в него всей коллекции Третьяковской галереи (этот проект был реализован в 1950-х годах на Крымском валу). При всем при этом, ликвидировать старое здание никто не осмеливался — слишком мощной была аура этого места и имени Третьякова.

В результате бесконечных и очень острых дискуссий было принято решение о сохранении за Третьяковской галереей исторического помещения в Лаврушинском переулке. Но оно требовало уже капитального ремонта, и в начале 1980-х годов началась его реконструкция и расширение. Прошло долгих пятнадцать лет, прежде чем реконструкция была полностью завершена, и в апреле 1995 года Третьяковская окончательно открылась для посетителей.

В процессе перестройки здания галереи в Лаврушинском переулке новую жизнь обрели многие нахо-

*Павел Михайлович
Третьяков*

дящиеся в непосредственной близости к галерее историко-архитектурные памятники, включенные теперь в ее состав. Так, восстановленной после разорения 1930-х годов и отреставрированной церкви Святителя Николая в Толмачах (XVI-XIX вв.) был придан статус «домовой церкви» при музее, в старинных городских постройках XVIII и XIX веков по Лаврушинскому переулку расположены дополнительные музейные экспозиции русской графики и древнерусского искусства. Нынешнее собрание Третьяковской галереи насчитывает более 100 тысяч произведений

Если бы Третьяков мог видеть, каким стало его любимое детище, наверняка бы порадовался от всей души. Ведь представить себе сей-

час Москву без Третьяковки просто невозможно. Имя собственное давно уже стало именем нарицательным.

Но возникает закономерный вопрос: почему современная эпоха не способствует появлению новых меценатов — собирателей и хранителей произведений искусства? Ведь меценатство в дореволюционной России было существенной, заметной стороной духовной жизни общества. Надо заметить, что меценатами не рождаются, ими становятся. Как стал в свое время Павел Михайлович Третьяков и многие другие.

Посмотрим, появятся ли в новой России новые Третьяковы и Морозовы... □

Евгения Гордиенко

ПЕРВЫЙ

ВО ЛЬДАХ

«Он навеки займет особое место в истории географических исследований... В нем жила какая-то взрывчатая сила. На туманном небосклоне норвежского народа он взошел сияющей звездой. Сколько раз она загоралась яркими вспышками! И вдруг сразу погасла, а мы не можем отвести глаз от опустевшего места на небосводе», — именно такими словами характеризовал своего соотечественника и ученика Руаля Амундсена великий Фрицьоф Нансен.

Амундсен и вправду был схож со звездой — неизмеримо далекий от всего, что принято называть обычным, жизненным, и, в то же вре-

мя, достигший небывалых высот в своем деле — мало кому из исследователей удалось открыть столько, сколько открыл Амундсен.

Но при этом характером он обладал весьма своеобразным... «Предусмотрительность и осторожность одинаково важны: предусмотрительность — чтобы вовремя заметить трудности, а осторожность — чтобы самым тщательным образом подготовиться к их встрече... Победа ожидает того, у кого все в порядке, и это называется удачей», — так говорил он, собираясь в новое путешествие.

Амундсен действительно был невероятно обстоятельным человеком — так, как он готовился к экспедициям, не готовился никто. Еще бы, он жил открытиями, путешествиями с пятнадцати лет, после того как впервые прочитал книгу английского полярного исследователя Дж. Франклина об экспедиции, обследовавшей арктическое побережье Северной Америки. Последняя экспедиция Франклина — по изучению Северо-Западного прохода — закончилась трагически. Никому не удавалось пройти этот путь целиком, и Амундсен загорелся этой идеей. Вообще, в исследованиях его гораздо больше привлекала составляющая «достижения», нежели желание сделать какие-либо научные открытия. Ему нужно было достичь, добраться, покорить! Причем, непременно, — первым. Если он узнавал, что какая-то «вершина» уже покорена другим героем, он тут же терял к ней всякий интерес.

Но до реализации мечты пятнадцатилетнего Амундсена оставалось еще много времени — по настоя-

нию матери ему пришлось поступить в медицинский университет, который он, правда, бросил сразу после ее смерти. Но даже во время учебы Руаль не уставал закаливать свой организм, понимая, что арктический исследователь должен иметь прекрасную физическую подготовку.

Бросив университет, он отправился на военную службу, а затем самостоятельно изучил штурманское дело, попутно служа матросом на промысловых судах.

Из этих плаваний он вынес немало полезных знаний: в частности, он понял, что для покорения Северо-Западного прохода не подойдет громоздкое судно с большой командой. Исходя из этого, он приобрел небольшой корабль «Йоа» и взял с собой только шесть человек. Этим шестерым он доверял безоговорочно и был уверен, что может положиться на всех вместе и на каждого в отдельности. Команда при этом была жестко предупреждена, что на борту имеют силу слова только одного человека — капитана и руководителя экспедиции.

Амундсен выбивал деньги на первую экспедицию где только мог — что-то брал под залог судна, в чем-то помог Нансен, посоветовав, правда, усилить научную составляющую исследования. В итоге, «Йоа» покидало порт Осло тайком, будучи по уши в долгах. Но капитан судна считал, что он непременно добьется успеха, а победителей не судят.

Больше трех лет длилось это путешествие, какое-то время иссле-

Справа:
маршрут
арктической
экспедиции

Маршрут
антарктической
экспедиции

дователей даже считали погибшими, но Амундсен добился того, чего хотел, — Северо-Западный проход был покорен! Для капитана это не прошло даром. Амундсен говорил, что на вид ему тогда давали лет шестьдесят, хотя было ему всего тридцать три.

Не добавило здоровья и то, что премию за поход Амундсен так и не получил — как оказалось, за много лет до этого она была выплачена другому путешественнику, Р. Мак-Клуру. Чтобы рассчитаться с долгами, в которые он влез ради этой экспедиции, Амундсен в течение двух лет ездил по Европе и Америке с лекциями об экспедиции.

Разумеется, дома ему после этого не сиделось. Он намеревался повторить путь Нансена на «Фраме» и все же достичь Северного полюса, до которого не дошел Нансен.

Хотя сам Нансен в то время собирался отправиться к Южному полюсу, он благородно уступил «Фрам» Амундсену, считая, что его задача важнее. Кто же знал, как все обернется на самом деле...

Уже в процессе подготовки к экспедиции Амундсен узнал, что Северный полюс был покорен Робертом Пири. Разумеется, он тут же утратил всякий интерес к этому исследованию — ему непременно надо было

быть первым! Для всех он продолжал готовить свое путешествие на «Фраме» к Северному полюсу, на самом же деле собирался покорить Южный полюс! Об этом его решении знали всего лишь несколько доверенных лиц. Мир же (и Нансен в том числе) узнал об этом только тогда, когда после Мадейры корабль повернул на юг, а не на север. Сенсация подогревалась еще и тем, что с такими же целями на юг отправилась экспедиция англичанина Роберта Скотта.

Амундсен понял, что нельзя терять ни минуты! Он должен обогнать Скотта! Своему брату Леону Руаль оставил письма к королю Хокону

(кстати, пожертвовавшему на экспедицию 30 000 крон из своих личных средств) и Нансену, в которых приносил извинения за смену курса. Скотту же, стоявшему на якоре в Австралии, просто телеграфировал: «Фрам» на пути к Антарктиде».

Вот тут Амундсен оказался в своей стихии — гонка была ему по душе. Он знал, что отлично подготовлен к экспедиции, что у него будет достаточно сил и ресурсов, чтобы осуществить свой план, достичь Южного полюса и вновь стать первым! Единственный, перед кем он испытывал нечто, похожее на стыд, был Нансен. Амундсен написал ему

покаянное письмо, где просил прощения за свой поступок, но объяснял его тем, что покоренный уже Северный полюс не интересен мировой общественности, в то время как открытие Южного дает возможность для него, Амундсена, собрать средства на новые экспедиции и исследования. Звучало все это неубедительно, но Нансен проявил благородство и только пожалел, что Амундсен не поделился с ним этим планом раньше — возможно, он смог бы помочь ему рядом советов...

Пять человек, четверо саней, пятьдесят четыре собаки — вот состав партии, которая 19 октября 1911 года стартовала к Южному полюсу. На протяжении всего пути заранее были сделаны склады с продовольствием. С собой взяли продуктов на 60 дней — за этот срок Амундсен рассчитывал добраться до полюса и вернуться обратно.

Перед последним рывком он велел застрелить двадцать четыре собаки, которые теперь стали не нужны, поскольку путь стал намного легче. «24 наших мужественных товарища» — так он их называл. За этот поступок Амундсена многие невзлюбили и обвиняли в излишней жестокости.

17 декабря партия достигла полюса, где поставила палатку и водрузила норвежский флаг. В палатке было оставлено письмо норвежскому королю и записка «Добро пожаловать», предназначавшаяся Скотту...

Как известно, экспедиция Скотта погибла во время обратного пути

*«Йоа»
под
парусами*

после покорения полюса, поэтому за эту записку Амундсена потом многие осуждали. Сам же он, несмотря на живший в нем всегда дух соревновательности, был очень опечален гибелью Скотта и говорил, что из-за этого трагического события не испытывает настоящей радости по поводу своего открытия.

По возвращении Амундсен первым делом отправился к Нансену просить прощения, но тот лишь благородно поздравил его с открытием и успешным окончанием экспедиции. А вот от короля он получил устный выговор — и за самовольство, и за ерническую записку Скотту.

*«Фрам»
во льдах*

Амундсен предпринял еще одну попытку пройти к Северному полюсу — больше для того, чтобы оправдаться перед Нансеном, но экспедиция началась не очень удачно, кораблю пришлось встать на ремонт в Сиэтле, и, в итоге, через четыре года после начала путешествия Амундсен передал управление капитану Вистингу. В жизни же самого Амундсена начиналась новая эра — эра воздухоплавания.

Он получил первые в Норвегии права на управление самолетом и не замедлил ими воспользоваться. В 1925 году экспедиция на двух гидросамолетах отправилась к полюсу. Этот полет едва не стоил Амундсену жизни: им пришлось совершить вынужденную посадку на лед, после чего один из самолетов для использования уже не годился. На втором полярникам удалось выбраться только благодаря тому, что в течение почти месяца они подготавливали взлетно-посадочную полосу. Да и то — дотянуть им удалось только до воды, где их подобрало рыбацкое судно.

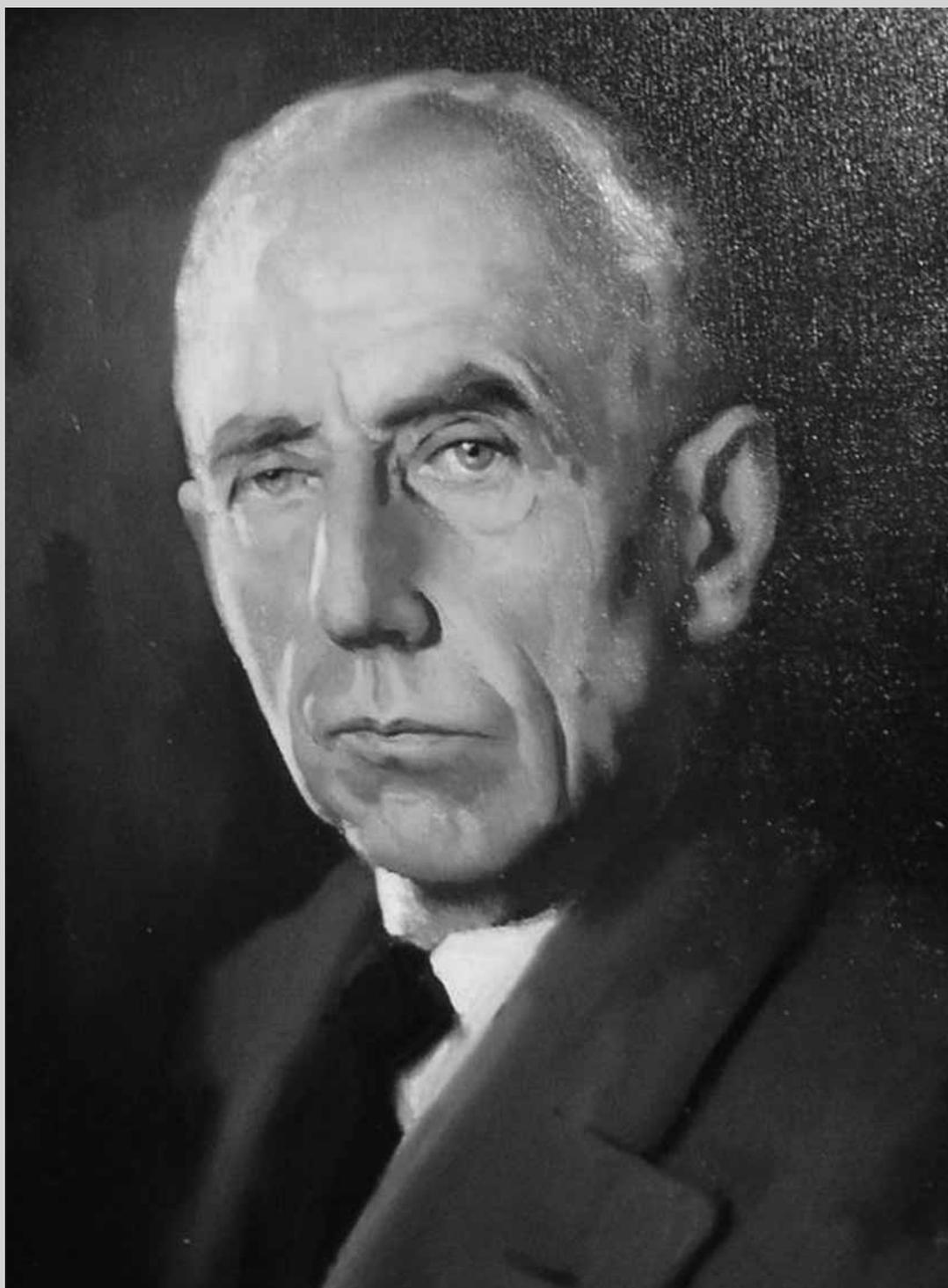
Но неудачи никогда не останавливали Амундсена. Уже через год, вместе с итальянцем У. Нобиле, на сконструированном им (Нобиле) дирижабле «Норвегия» Амундсен отправился в трансарктический полет. Эта экспедиция была успешной, но после нее Амундсен и Нобиле поссорились: норвежец считал, что его роль в экспедиции незаслуженно принижена. В подготовке

следующей экспедиции — на дирижабле «Италия» — Амундсен уже не участвовал.

Он отправился в свой дом в Бунне-фьорде, под Осло, где и зажил отшельником, все больше и больше замыкаясь в себе. Ему было за сорок, он достиг в жизни всего, чего хотел. Семьи у него не было, да и вообще Амундсен ни разу не был замечен в длительной связи хотя бы с одной женщиной...

Продав все награды, ордена, он открыто поссорился со многими бывшими соратниками. Даже Нансен, относившийся к своему ученику с уважением, отмечал: «У меня складывается впечатление, что Амундсен окончательно утратил душевное равновесие и не вполне отвечает за свои поступки».

А «Италия», возглавляемая У. Нобиле, потерпела крушение. Руководителя экспедиции и его соратников долго не могли найти. Тут уже Амундсен забыл обо всех своих разногласиях с бывшим коллегой и отправился на поиски пропавшего товарища. Но средств на свой самолет и экипировку у него не было, поэтому он воспользовался предложением француза Гильбо лететь на его двухмоторном гидроплане. Это было первое путешествие Амундсена на машине, которую он готовил не сам. И оно же стало для него последним. Вскоре связь с самолетом прервалась, а через несколько месяцев его обломки были найдены в море. По иронии судьбы, экспе-

диция Нобиле, спасти которую хотел Амундсен, была благополучно найдена.

Сам же он остался в тех местах, которые всегда любил. В одном из интервью Амундсен в ответ на во-

прос, что же его привлекает в полярных областях, сказал итальянскому журналисту: «Ах, если бы вам когда-нибудь довелось увидеть своими глазами, как там чудесно, — там я хотел бы умереть». □

АВАНТЮРИСТ

ИЛИ МАГ?

Алла Зубкова

Граф Калиостро ...

Не правда ли, уже в самом звучании этого имени заключено нечто таинственное, загадочное, будоражащее. Великим чудотворцем, врачевателем и предсказателем называли его одни. Авантюристом, мошенником и шарлатаном считали его другие. «Другом человечества» именовал себя он сам. Еще при жизни этот человек стал героем,

Весной 1778 года удобная дорожная карета, украшенная графскими гербами, без усталости колесила по дорогам Западной Европы. Города и замки, простолюдины и аристократы в равной степени были возбуждены появлением необычного визитера. Еще бы! Господин, именовавший себя графом Калиостро, демонстрировал вещи, казалось бы, невысказанные. Но прежде немного о внешности мага, тоже поистине удивительной. Невысокого роста и плотного телосложения, он отличался необычайно благородной осанкой и изысканностью движений, а его смугловатое лицо дышало энергией и силой. Он вдохновенно и необычайно красноречиво изъяснялся на четырех-пяти европейских языках, правда, на всех с легким иностранным акцентом. На публике маг чаще всего появлялся в длинном черном шелковом облачении, на котором были вышиты древнеегипетские письмена. Голову его венчал сложный убор в виде восточного тюрбана, украшенный драгоценными камнями. На груди красо-

валась цепь из изумрудов, с прикрепленными к ней металлическими изображениями священных жуков — скарабеев. На поясе, сотканном из красного шелка, висел рыцарский меч с крестообразной рукоятью. Драгоценные перстни украшали голубые руки. При всей своей импозантности внешность Калиостро могла бы показаться несколько опереточной, но попытки злословить на его счет замирали на устах самых ехидных и недоверчивых, ибо граф мог творить чудеса. Чего стоили, к примеру, его «демонстрации» с так называемыми «голубками». Для этой цели избирали наиболее милых мальчиков и девочек. Их одевали в белоснежные одежды, давали выпить специальный эликсир, от которого они впадали в полусонное состояние. Затем Калиостро возлагал им на головы руки, беседовал с ними, и те обретали дар пророчества и ясновидения, отвечая на вопросы, предлагаемые публикой. Причем практически всегда попадали в цель. Разумеется, с точки зрения

по меньшей мере, десятка пьес. Одна из них принадлежала перу великого Гёте. Три (!) разоблачительные комедии сочинила о нем русская императрица Екатерина II. Александр Дюма-отец написал о нем целых три романа, а «король вальсов» Иоганн Штраус — оперетту «Калиостро в Вене». Так кто же был этот удивительный противоречивый человек, способный и сегодня вызывать у нас самый острый интерес к своей персоне? Задать этот вопрос легче, чем ответить на него. И все-таки...

современной науки, чудеса мага можно объяснить использованием наркотических средств, гипнотических состояний, транса, внушения, сомнамбулизма. Но ведь все это было, так сказать, лишь фоном. И на этом фоне действительно звучали удивительно точные предсказания и откровения, пусть и высказанные устами загипнотизированных детей. Как это объяснить? Загадка... Ну а сеансы массового исцеления? В Страсбурге за три года, которые он там прожил, Калиостро излечил, в общей сложности, более полутора тысяч человек (по другим данным, намного больше). Палками и костылями, которые пациенты оставляли в доме целителя (платы со страждущих он никогда не брал), лакей графа постепенно заполнил огромный чулан. Разумеется, Калиостро лечил и богатых, однако с них брать деньги не стеснялся. Местные «эскулапы» исходили злобой, обвиняли его в шарлатанстве, в том, что он брался лечить только «легких» больных, но многим граф действительно принес облегчение. Да, конечно, говоря о фактах исцеления, не следует упускать из виду то, что маг в полной мере использовал фактор повышенной внушаемости, ведь больные верили в его возможности абсолютно. Тем не менее, приходится констатировать, что Калиостро, видимо, в самом деле обладал удивительным гипнотическим даром, а, быть может, также и телепатическими способностями, о которых и со-

временной науке известно не так уж много.

Поражает также и точность некоторых его предсказаний. Он, к примеру, сумел довольно точно назвать дату смерти австрийской императрицы Марии-Терезии. Кстати, часто упоминаемое пророчество Калиостро, касающееся разрушения Бастилии, на самом деле им никогда не делалось. В одном из своих писем изгнанный из Франции граф лишь упомянул о том, что сможет вернуться в Париж только после того, как рухнут стены этой самой знаменитой в стране тюрьмы.

Разумеется, настоящий «маг» даже в конце XVIII столетия не мог не заниматься превращением неблагородных металлов в золото и серебро. Везде, где граф останавливался на более или менее продолжительное время, он оборудовал себе лабораторию. За плотно занавешенными окнами в специальной алхимической печи ярко пылало пламя, в тиглях плавилась какие-то металлы, в колбах и ретортах булькали разноцветные жидкости. Ведя ученые разговоры с аристократами, увлеченными алхимией, маг любил намекнуть, что массивные золотые табакерки, украшенные бриллиантами, равно как и драгоценные перстни на холеных пальцах, его собственного изготовления. Иногда он допускал избранных в свою лабораторию, но как при этом выходил из положения, объясняя неудачу опыта, нам неизвестно. Впрочем,

недаром его называли «Фигаро от алхимии».

Однако философский камень, с помощью которого кудесник, по его утверждениям, мог добывать золото и даже бриллианты, был еще не самым удивительным секретом, которым он обладал. Великий мистификатор, по его словам, владел тайной, если не вечной, то очень-очень долгой жизни. Пять тысяч пятьсот пятьдесят семь лет, пятикратный век библейского патриарха Мафусаила, вас устраивает? Тогда за дело. Вот

могли быть мужчины, не моложе пятидесяти, и дамы, не моложе тридцати шести лет. Ну, и, разумеется, достаточно богатые, чтобы заплатить немалую сумму за божественное лекарство. Кстати, указанную процедуру следовало проводить каждые ... пятьдесят лет. Каково? Сам Калиостро утверждал, что появился на свет через двести лет после Великого потопы. В разговоре со своими именитыми поклонниками он мог невзначай упомянуть о деталях своего знакомства с библей-

Местные «эскулапы» исходили злобой, обвиняли Калиостро в шарлатанстве, но многим больным граф действительно приносил облегчение. Он в полной мере использовал фактор повышенной внушаемости, и больные верили ему абсолютно. Видимо, он на самом деле обладал удивительным гипнотическим даром, а, может, даже телепатическими способностями, о которых и сегодня мало что известно

рекомендации мага. Во время майского полнолуния в сопровождении лишь одного близкого человека вам следует удалиться в деревенскую тишь, и там в течение сорока дней соблюдать чрезвычайно строгую диету. На семнадцатый день надлежит совершить небольшое кровопускание. На сороковой день принять первое зерно чудодейственного «перво вещества». Рецепт этого снадобья открывался только избранным. Ими

скими патриархами, Юлием Цезарем, Христом и Магометом. И ему верили! А почему бы и нет? Не все, разумеется, но очень многие. Сам Калиостро высказывался так: «Люди, за очень малым исключением, до того глупы, легковерны и ничтожны, что нет никакого греха пользоваться их глупостью, легковерностью и ничтожеством, извлекая из них пользу для себя и для других. Есть болезни, страдания, нищета, горе — всему

этому надо помогать, не думая о глупости и ничтожности тех, кто страдает. Пусть здоровые, счастливые и сытые дают мне средства для такой помощи».

Но все-таки, где и каким способом добывал маг золото на помощь бед-

някам и поддержание собственного, прямо скажем, весьма роскошного образа жизни? Не из тигеля же алхимической печи? Разумеется, нет.

С начала XVIII столетия в Западной Европе возникло и бурно развивалось движение франкмасонов. Оно

вело свою родословную от гильдий «свободных каменщиков» — строителей храмов и церквей в средние века. Мистика, стремление к «тайному знанию» пронизывали всю деятельность масонских организаций — лож. Различные властители относились к ним по-разному. Одни покровительствовали масонам и даже сами вступили в их ряды. Другие относились к ним с подозрением и подвергали преследованиям. К примеру, Фридрих Великий, король Пруссии, был убежденным масоном. Распространению идей масонства в России способствовал Петр I. Екатерина II, напротив, отнюдь не симпатизировала им. Наиболее непримиримым же противником масонства был Ватикан, провозгласивший масонов «дьявольской сектой».

Участие в ложах высокопоставленных особ делало масонство влиятельной силой и привлекало в их ряды многих авантюристов. Калиостро был принят в «братство» в 1777 году и вскоре приобрел достаточную известность среди «посвященных». Его честолюбивой деятельной натуре, однако, этого было мало. Он хочет быть первым, оракулом, устами которого глаголят «высшие силы». В мозгу его созрел план, осуществление которого обещало пролить над его головой истинно золотой дождь. Он создал собственную версию масонства. Учение это, как он утверждал, восходит к библейским патриархам, это масонство «древнеегипетского ритуала».

Себя Калиостро объявил верховным главой нового ордена и присвоил себе экзотический титул «Великий Кофт». Главная ложа «египетского ритуала» была учреждена в Лионе, во Франции. На средства богатых покровителей построено было нечто вроде храма. В стороне от парадного входа, на фоне усеянного серебряными звездами голубого полотнища, красовался бюст «Великого Кофта», выполненный знаменитым скульптором Гудоном, с надписью «Божественному Калиостро». Обряд посвящения и «заседаний» отличался необычайной пышностью. От желающих вступить в ложу аристократов не было отбоя, и «Великий Кофт» снисходительно принимал от них богатейшие дары. Вскоре только в Париже таких лож открылось более семидесяти. Кстати, супруга Калиостро, графиня Серафина, успешно помогала мужу, разъясняя дамам суть его учения. Графине, удивительно красивой женщине, на вид никак нельзя было дать больше двадцати пяти лет. Между тем она утверждала, что ее сын служит в чине капитана в голландской армии, следовательно, ей не могло быть меньше сорока. Сообразительные дамы тут же вспоминали об омолаживающем рецепте графа и торопились приобрести волшебные крупинки «перво вещества», без сожаления расставаясь с золотыми луидорами.

Все это хорошо, но почему Калиостро придумал для своего учения древнеегипетские корни? Дело

*Джузеппе
Бальзамо
(граф
Калиостро)*

в том, что великий маг сочинил легенду о своем происхождении и придерживался ее до конца своей жизни. Итак, он, Калиостро, появился на свет в знойной Аравии, в городе Медина. Родители его были добрые католики. В то же время судьбе было угодно, чтобы он с юных лет впитал в себя всю мудрость Востока. Он много странствовал по Аравии, а потом в стране пирамид был приобщен к тайным знаниям и традициям высшей магии. Время этих событий он не уточнял, но было ясно, что происходили они, по крайней мере, несколько столетий тому назад. Это, правда, «немного» противоречило его опрометчивым заявлениям о том, что он родился вскоре после Всемирного

потопа, но кудесника, это, видимо, не смущало. Как такому могли верить люди Века Просвещения? Но разве не говорил Вольтер — «чем больших успехов добивается цивилизация, тем громче поднимают голос мистика и вера в чудеса»? И разве сами мы, живущие в XXI столетии, совсем уж без греха?

У нас еще будет возможность поговорить о происхождении графа Калиостро. Пока же последуем за ним в снега далекой для него и таинственной России. Великий маг прибыл в Санкт-Петербург в самом начале весны 1779 года с целью учредить там масонскую ложу «египетского ритуала». Скажем сразу, своей цели он не добился. Екатерина II, на по-

*Лоренца
Феличчани
(Графиня
Серафина —
жена
Калиостро)*

кровительство которой он возлагал большие надежды, даже не сочла нужным принять его. Почему? Русская императрица во всеуслышание заявила, что ей претят любые формы мракобесия. Дело, однако, было не только в этом. Царица испытывала недоверие и возможно, даже страх перед тайными обществами, в том числе и масонами. Не исключено также, что государыню задело то внимание, которое оказывал ее фаворит Г.А. Потемкин прелестной жене мага. Поговаривали даже, что Калиостро, желая заручиться поддержкой всемогущего царедворца, сам толкал жену в его объятия. Впрочем, Потемкин не был единственным влиятельным сановником, проявившим ин-

терес к приезжему магу. Его привечал и статс-секретарь государыни, алхимик-любитель А.П. Елагин, и один из самых видных вельмож двора А.С. Строганов. Востребованными оказались и медицинские таланты Калиостро. Правда, одно из чудесных исцелений на поверку обернулось для мага едва ли не скандалом, который вряд ли способствовал увеличению его популярности. В Петербурге Калиостро взялся вылечить опасно заболевшего десятимесячного малыша, сына весьма родовитого екатерининского вельможи. Все лучшие петербургские врачи признали состояние младенца безнадежным. Калиостро, однако, выставил непременно условие — ре-

бенка следовало отвезти к нему в дом, и никто, включая родителей, не должен был видеть его вплоть до выздоровления. Две недели спустя ребенок пошел на поправку, и Калиостро разрешил отцу краткое свидание. Мальчик оставался у целителя больше месяца. Отец и мать уже регулярно навещали сына, а затем забрали его домой. Калиостро отказался от огромного гонорара в пять тысяч импералов. Впрочем, вельможа оставил деньги, словно по забывчивости, а маг, так же по забывчивости, не отослал ему их назад. Через несколько дней, однако, у матери появилось страшное подозрение — ей показалось, что младенца подменили. Надо сказать, что никаких реальных оснований для этого не было, тем не менее, слух распространился при дворе и породил во многих недоверие к приезжему. Петербургские врачи, как это уже не раз случалось с их собратьями в других странах, дружно обвиняли Калиостро в шарлатанстве. Придворный медик великого князя Павла Петровича даже вызвал его на дуэль. Графу, как оскорбленному, принадлежало право выбора оружия. Он предложил оригинальную дуэль на ... ядах. Противники должны были обмениваться отравленными пилюлями. Тот из соперников, кто не сумел бы найти надежного противоядия, признавался побежденным. Судя по всему, дуэль так и не состоялась. Впрочем, Калиостро к тому времени уже понял, что ничего хорошего дальнейшего пребывания в Петербурге ему не

сулит, и поспешил с отъездом. Желая вконец дискредитировать мага-масона, у которого в России все-таки оставалось много поклонников, императрица выпустила в свет три комедии, героем которых стал Калиостро.

Граф вернулся во Францию, где слава его была по-прежнему велика. Шли годы, но они были не властны над магом и приносили ему только новую бешеную популярность. И все же «нет вечного в нашем мире бушующем». Волею судеб Калиостро оказался замешанным в самый громкий политико-уголовный скандал. Он был обвинен в соучастии похищения баснословной ценности — бриллиантового кольца. Графа и его жену посадили в Бастилию. Многомесячное следствие, однако, не обнаружило убедительных доказательств участия мага в афере, в которую косвенно была втянута и королева Франции Мария-Антуанетта. Калиостро был оправдан, став на время у парижан героем и борцом против «королевского произвола». Людовик XVI, всегда испытывавший антипатию к магу, повелел ему покинуть пределы королевства в двухнедельный срок. Граф отбыл в Англию, но оттуда продолжал клеймить грехи Бурбонов.

Французские власти приняли вызов и ответили ударом на удар. В одной из английских газет появился ряд сенсационных статей, доказывавших, что никакого графа Калиостро в природе вообще не существует, а есть уроженец Сицилии, авантюрист и проходимец Джузеппе Бальзамо. Этот самый Бальзамо родился в 1734

году в Палермо. Родители его были добропорядочными торговцами сукном, но Всевышний, создавая Джузеппе, помимо незаурядных способностей вложил в него неистребимую страсть к плутовству и мошенничеству. К тринадцати годам Джузеппе уже успел сбежать из семинарии и монастыря, куда, в целях исправления, поместили его родители. Обладая немалыми художественными способностями, он научился блестяще подделывать документы, кроме того, во время своих странствий поднабрался кое-каких знаний в химии и

ответа. О существовании какого-то Джузеппе Бальзамо он понятия не имеет, — заявил он через газеты, — что же касается имени «графа Калиостро», то тут следует кое-что разъяснить. Сам он никогда не утверждал, что это — его подлинное имя, но оно ничуть не хуже любого другого для «благородного странника», который выше всех титулов ... И так далее в туманном велеречивом стиле, столь характерном для него. Этим объяснениям не хватало конкретности, а, следовательно, и убедительности. Калиостро потерпел поражение, кото-

Разумеется, настоящий «маг» не мог не заниматься превращением неблагородных металлов в золото и серебро. Везде, где Калиостро останавливался на более или менее продолжительное время, он оборудовал себе лабораторию. Недаром его называли «Фигаро от алхимии»

медицине. Очень быстро Джузеппе понял, как легко можно нажиться на людском суеверии и предрассудках. Продажа приворотных зелий, гадание, поиски кладов и тому подобное. Он не брезговал ничем. Женившись на юной красавице из Рима по имени Лоренца Феличиани, он и ее приобщил к своим плутням, нередко используя, как приманку для одурачивания богатых клиентов.

Выяснить все «художества» Бальзамо французская полиция не сумела, но «накопила» достаточно. Калиостро не оставил эти обвинения без

рое стало предвестником заката его карьеры.

Что ж, очень соблазнительно согласиться с выводами французской полиции, а также «ищеек» инквизиции, но в то же время почти невозможно представить, что мелкий авантюрист, почти карманник, Джузеппе Бальзамо, следы которого затерялись в начале 70-х годов, чуть позже вынырнул из небытия уже как утонченный, мудрый и красноречивый граф Калиостро. Слишком уж разительна эта метаморфоза. Сомнительно также, что его жена Лоренца после полу-

тора десятков лет нелегких скитаний, выпавших на ее долю, могла сохранить холеную красоту, которой блистала графиня Серафина. Так что загадка происхождения Калиостро так до сих пор окончательно и не решена.

Последние годы жизни мага были поистине отмечены печатью трагедии. Потеряв славу, все свое состо-

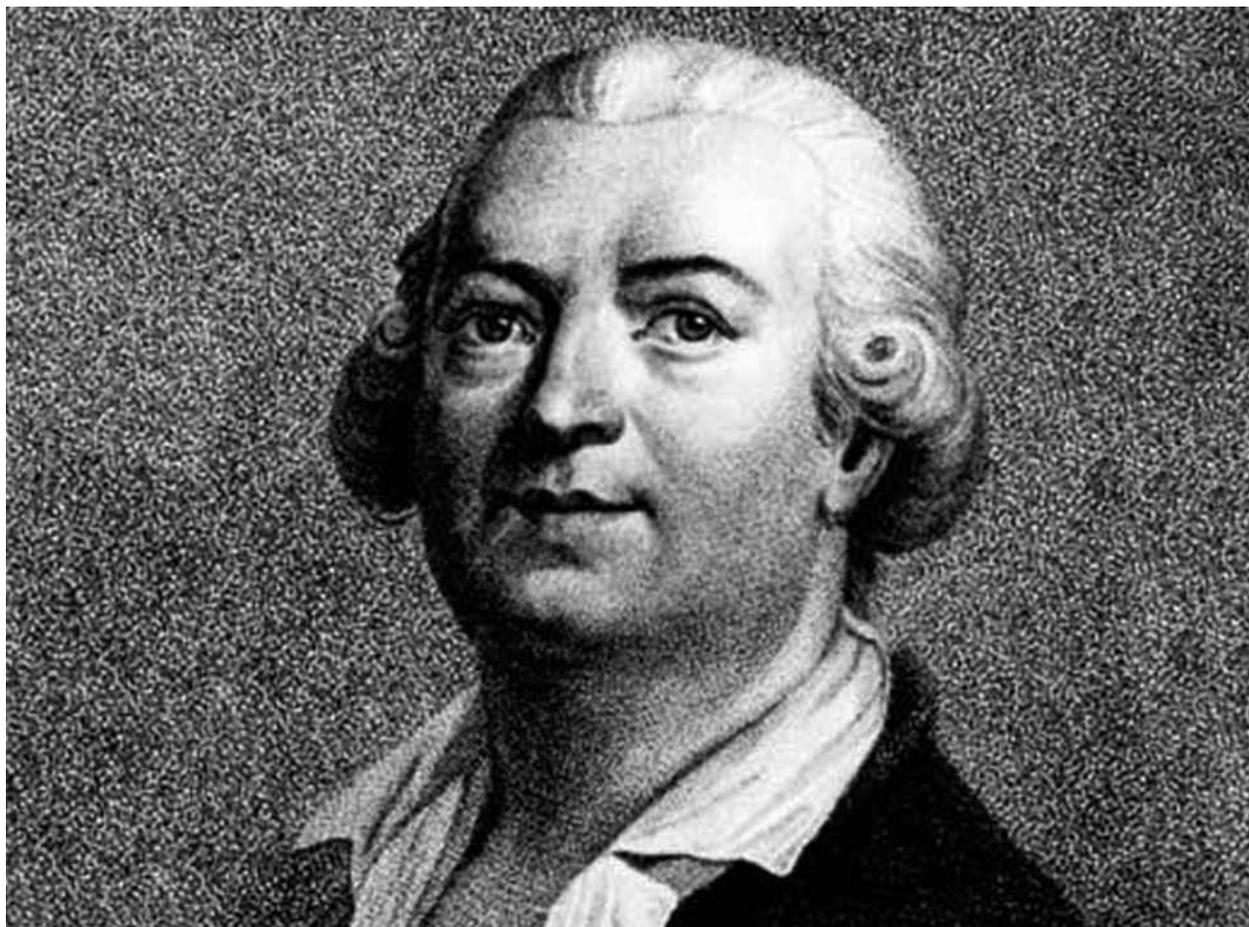
бличным покаянием и пожизненным заключением в крепости. В неприступном замке Св. Ангела мага стерегли, не смыкая глаз. Кто-то предупредил власти, что друзья Калиостро попытаются вызволить его из крепости с помощью новейшего изобретения — воздушного шара. Это, разумеется, был полный абсурд. Тем

Последние годы графа были поистине отмечены печатью трагедии. Потеряв славу, все свое состояние, он лишился и свободы. Инквизиция долго шла по его следам и, наконец, нашла в Риме. Следствие и суд длились почти полтора года. В результате граф покаялся, и сожжение на костре было заменено публичным покаянием и пожизненным заключением в крепости

яние, он в конце 1789 года лишился и свободы. Инквизиция, которая долго шла по следам ненавистного масона, наконец, нашла его в Риме. Следствие и суд длились без малого полтора года. Инквизицию не очень интересовала деятельность Калиостро как мага. Не особенно волновали ее и преступления Бальзамо, а ведь считалось, что под именем Калиостро и скрывается этот авантюрист. Нет, для «святого» судилища главным грехом была его принадлежность к «дьявольской секте». Допросы происходили в помещении, больше похожем на камеру пыток, где на самом видном месте стояла дыба.

Калиостро покаялся, и сожжение на костре было заменено для него пу-

не менее, маг не оставлял надежды на освобождение, правда, при этом рассчитывал только на свои силы. Однажды он заявил, что желает покаяться. Пришедший монах-капуцин принял покаяние, но Калиостро заявил, что этого мало. Он хочет, чтобы монах высек его толстой веревкой, которую носил вместо пояса. Монах охотно развязал пояс, но, как только он нанес первый удар, Калиостро набросился на него. Он хотел задушить монаха веревкой, а затем, надев его плащ и капюшон, выбраться из замка. К несчастью, монах оказался сильнее истомившегося в темнице мага. Вызванные им тюремщики жестоко избили Калиостро, и в ту же ночь он был пере-

веден в еще более страшную тюрьму — замок Св. Лео. Графа поместили в одну из подземных камер, вырубленных в глубине горного кряжа. Пищу ему опускали через люк. На стенах этой камеры до сих пор сохранились надписи, сделанные несчастным магом. Последняя датируется 6-м марта 1795 года. Согласно заявлению римских властей, Калиостро скончался 6 октября 1795 года. Не исключают, что его задушили тюремщики. Проживи он еще полтора года, и его наверняка освободили бы победоносные войска революционной Франции, занявшей Рим. Прибыв в крепость Св. Лео, кавалеристы прославленного легиона генерала Домбровского потребовали, чтобы их

провели к могиле Калиостро, и там, стоя, выпили вина в память человека, которого они считали «мучеником свободы».

P.S. Графиня Калиостро скончалась в 1794 году в римском монастыре Св. Аполлонии, куда ее заключили по приговору инквизиции.

Многие поклонники графа так и не поверили в его смерть. В частности, Елена Блаватская, создавшая собственное мистическое учение, весьма популярное и в наши дни, утверждала, что Калиостро бежал из крепости и долгое время жил в России. Гостил он, якобы, и в доме ее отца, как всегда, удивляя окружающих своим искусством мага. □

УДИВИ МЕНЯ

— Э-ге-гей! Отворяйте! — не выдержав, зычно закричал Митяй еще на подъезде к воротам родного дома — шутка ли, столько его не было! — Вернулся я!

Слышно было, как за забором зашевелились, забегали. Лошади, чужое родное стойло, предвкушая воду, овес и отдых, шумно фыркали, устало поводя покрытыми потом боками. Работник соскочил с телеги и подхватил их, нетерпеливо переступающих ногами, под уздцы. Митяй тоже спрыгнул на землю, окинул хозяйским взглядом дом: вот он и вернулся. Вернулся с дальнего извоза, целым, живым. Вернулся богато: будет чего и жене на обновы, и на приданое дочери, и пожить хватит. А там, бог даст, сынки подрастут в помощь отцу.

— Э-ге-гей! — гаркнул он еще раз от избытка чувств. — Жинка! Встречай мужа!

За воротами, наконец, справились с замком, и на дорогу выбежала простоволосая и босая Малина — ввечеру никого уж не ждали.

— Митя, Митенька! — запричитала она, хватая его за руки и заглядывая в глаза, будто не веря, что это он. — Вернулся!

— Вернулся, вернулся, — пробормотал он и крепко прижал к себе жену. Потом снова отодвинул, всмотрелся в родные черты и спросил: — Как вы тут без меня?

— По всякому, Митя, по всякому... — начала она, но больше ничего сказать не успела: налетели дети, облепили отца.

— Гасенька, Гаврик! Выросли-то как! Совсем уже взрослые! Мамке-то помогали?

УДИВИ МЕНЯ

— Помогали, помогали, — быстро закивала Малина. — И за телятами следили, и сено кидали... А на дочку-то глянь, Митяй!

В стороне, пережидая ребячий гвалт, скромно стояла Наталка. Коса до пояса, глаза скромно потуплены.

— Ой, Наталка! Да ты совсем невеста стала!

— Невеста, невеста, — снова закивала жена. — Сва-ты уже есть, да я велела тебя дожидаться.

— Ах, родные вы мои! — растроганно пробормотал Митяй. — Ну, чего на улице-то стоим, пойдёмте в дом. Подарков я навез, покажу...

Так дружной гурьбой и двинулись за ворота, куда работник уже завел коней с телегой, полной добра.

Позже, когда дети, нагалдевшись, уснули в обнимку с подарками, Малина рассказывала другие новости.

— Ой, Митенька, неладно тут было без тебя. Ой, неладно! Мор по хутору прошел...

— Свят-свят-свят! — истово перекрестился Митяй. — Как же вы?..

— Нам-то повезло, видишь, все живы. А которые дворы подчистую скосило. Ботниковых вот... Шкаредных... И... — Малина чуть помедлила и добавила едва слышно. — Брат вот твой.

— Родька?!

— Да, — опустила глаза Малина. — И жена его. И сыночек маленький.

— О-хо-хо, — взялся за голову Митяй. — Брат родный... Как же так, братик?..

— Пути господни, Митенька... Устенька, дочка ихняя, одна осталась... — Малина вытерла слезу уголком платка.

— А Устя-то где? — вскинулся Митяй. — Она ведь, вроде, нашей Наталке ровесница? Так, может, к нам ее?..

— Да звала я ее, не идет. Говорит: здесь мамка с тятькой жили, здесь и останусь...

— Вот ведь выпало... Схожу я к ней, вот передохну и схожу.

— Ты уж завтрава сходи, Митяй, — попросила Малина, — а то темнеет уже, опасно...

— Да чего в родной деревне-то бояться?

— Неспокойно у нас, Митенька. — Малина воровато оглянулась на окна, будто боясь, кто услышит, и прошептала: — После мора-то мертвяк завелся...

— Как мертвяк? — оторопел Митяй. — Да куда ж глядели-то?!

— Так туда и глядели... — вздохнула Малина. — Вроде делали все как надо: каждому помершему — кол. И смолой заливали. Да больно много покойников было, видно, кого и проморгали. Знаешь же, коль в ближнее время не поспеешь, так мертвяк подымет, и от человека его не отличишь. Вот он, наверное, и успел подняться. Сейчас хоронимся друг от друга, по ночам не ходим... Он, правда, мертвяк этот, людей пока не трожит. Коров только. Пять коров уже пало, нашли их: совсем высушенные — одни шкуры лежат, да дырки колотые. Аккуратные такие — видно, когтями душу-то живую вытягивает...

— Да чего ж это такое! Чего мужики думают?! Этому мертвяку надолго коров не хватит! Ему ж человечесьи жизни нужны, иначе загнется окончательно. Ой дурни-и-и! Ловить его надо. Завтра пойду на сход разговаривать...

Он взял обеими руками кружку, наполненную парным молоком, ноздрями втянул густой запах. Вспомнилось, как в детстве мать выставляла им с братом по такой же кружке и клала сверху по куску хлеба. Эх, брат-брат... Как же так?

— Малина! — вдруг встрепенулся Митяй. — По деревне где-то мертвяк ходит, а ты Устю там одну оставила! Надо было заставить ее к нам идти!

— Да звала я! Взрослая ведь девка-то, я ей не мать, не указ... — снова повторила Малина. — Тут ведь дело такое... Это не все еще беды, Митенька. Пан-то опять жениться удумал...

— Ах ты етить твой растак! — крикнул Митяй. — Значит, прошлая опять не подошла? Да какого ж ему рожна надо?!

— Не подошла, — вздохнула Малина. — А ведь такая бедовая баба была...

Местный пан был ненамного лучше заведшегося мертвяка. Гарный владелец громадных угодий, перепортивший немало девок по окрестностям, брака избегал как огня. Потому, когда разнеслась весть о его желании найти себе нареченную, не сразу и поверили. Но пан твердо заявил: хочу жениться. Мало того, обещался разделить с женой свое немалое состояние, но с условием: она должна удивить его в постели. Но и это еще не все. Если удивить в постели она его не сумеет, то придется ей умереть.

Последнее, правда, тоже поначалу сочли шуткой, и множество родичей, желающих устроить своему чаду, а заодно и себе, безбедную жизнь, вывезли дочек на смотрины. Пан довольно быстро выбрал одну из красоток. Невеста была счастлива, а родители потирали руки в ожидании половины владений. После свадебного пира молодые, с шутками и прибаутками, были препровождены на ложе, а на утро пан во всеуслышание объявил, что ни-

УДИВИ МЕНЯ

чуть не удивлен, и невеста мертва. Тело девушки было выдано родителям. Поднялся шум, но... Условие-то оказалось несоблюденным, и пан был в своем праве.

Прошло некоторое время, и пан снова объявил о решении найти достойную супругу. Первый случай ничему не научил охотниц за богатством, и нашлась новая претендентка на руку, сердце и состояние пана. Все повторилось: свадьба, ночь и выданное родителям тело.

После третьего раза желающих резко поубавилось. После четвертого они исчезли совсем. Тогда пан сообщил, что невеста не обязательно должна быть благородных кровей, его вполне устроит и достойная простолюдинка. И желающие вновь нашлись. Двух горожаночек после пятой и шестой свадьбы постигла та же участь, что и благородных невест. Седьмой оказалась сельская вдовушка, пережившая — все забавлялись совпадению — семь мужей. Все, знавшие ее, возводили глаза к небу: «Ну, уж она-то его укатает!..» Но и она оказалась не той, которую жаждал встретить пан.

— Ну вот, — продолжала между тем Малина, — после Рогнешки-вдовы желающих выскочить замуж больше не нашлось. И тогда пан велел тянуть жребий по деревням. Какой деревне жребий выпадет, та и выставляет свою невесту. А выпало нам...

— И кто же невеста? — предчувствуя недоброе, спросил Митяй.

— Устя...

— Что-о-о?! — взревел он. — Родителей похоронила, брата, а тут еще женишок выискался?! А мужики-то, мужики! Выпихнули сироту, да и рады! Да я сейчас сход соберу! Пусть на всех жребий кидают! — Митяй рванул к двери.

— Стой, Митя! Не надо! — Малина повисла на его руке, заголосила. — Не надо! Некого больше выбирать в деревне! Какие девки замужем, каких мор унес. А подходящие — только Устя да наша Наталка! Неужто дочь родную извергу отправишь?!

Митяй, будто налетев на стену, остановился. Дочка, родная кровиночка, только в возраст вошла, ей еще жить и жить... Как же так?! А Малина, успокаивая, наглаживала его руку:

— К Наталке сваты уже приходили. Хороший парень, Виты Серого сын. А Устя... Она сама говорит — нет у меня никого, тетка Малина, мне все равно теперь... Пусть уж она идет, а вдруг, глядишь, стерпится-слюбится с паном, панночкой станет... А ты устал сегодня, да и поздно уже... Пойдем-ка лучше спать... Я постелю постелю... Утро вечера мудренее...

Малина говорила и говорила, успокаивая, уговаривая, и Митяй, смиряясь, уже шел за ней, и ему хотелось верить, что, может, и правда, все еще у дочки брата сложится, и будет она жить лучше некуда...

В тот день, когда Устю должны были забрать в панское имение, у нее перебивала вся деревня. Ребяшня липла к окнам, бабы утирали глаза углами платков, мужики мялись, порываясь дать советы по части удивления в постели. Все вслух жалели кроткую безответную Устю, но в душе каждого большей частью было недоброе любопытство: а как оно там, у пана-то? Вот сидит сейчас Устя живая, здоровая, а через несколько дней... Но тут почти каждый конфузливо обрывал себя и начинал думать по-другому: а, может, еще сложится, как все надо. Может, молодая Устя так-таки приглянется пану, и пойдет у них все складно да ладно. Хотя где ж тут приглянуться, судачили бабы, коли невеста тощая да бледная, словно смерть. Конечно, после кончины родичей да выбора пана не до веселья, но хоть бы юбку лишнюю надела, чтоб уж коли не быть, так казаться в теле, да щеки бы свеклой помазала, чтоб какой-никакой румянец был, да глядела бы поласковой... Но Устя сидела тихая, молчаливая, ровно, как и душа ее, была далеко отсюда.

Собирала Устю Малина. Складывала немудреные девичьи пожитки, глядела жалостливо, а в душе прятала-ласкала мысль: «Не Наталка!» Не Наталка пойдет к пану, не ее единственная, выпестованная-выращенная дочка, к которой сватается хороший парень, и с которым они будут жить-поживать, да детишек наживать...

А когда приехала панская карета, чтобы отвезти невесту в имение, и Устя, вставшая переодеться, потянулась к самому нарядному платью — с кружевами, с оборками, привезенному покойным отцом из далеких краев, — Малине вдруг стало жалко одежды: пропадет ведь! А ведь могло бы Наталке достаться...

— Доченька, — метнулась она к Усте. — Другое, поди, надень! Все равно ведь... — И сама вдруг смутилась-застыдилась своих слов. И попятилась, замахала руками: — Ой, чего это я, доченька! Надевай, чего хочешь!..

Но Устя уже очнулась от своей задумчивости, услышала ее и поняла.

— Хорошо, тетя Малина, и вправду ведь ни к чему... Пан, наверное, какой другой наряд велит надеть, что ему наши деревенские обновы...

— Да, Устенка, да... — обрадовано засуетилась Малина. — А вот это — тоже очень красивое... — и протянула девушке другой наряд.

УДИВИ МЕНЯ

Последним зашел попрощаться Митяй. Остановился у порога, окинул взглядом разворошенную горницу, вспомнил, как справляли с братом шестнадцать годков назад рождение Усти... Увидел девушку, понуро сидящую в углу, неловко кашлянул.

— Дядька Митяй! — вскинулась Устя.

— Ты это... В общем... — забормотал он. И понял, что сказать ему нечего. Что вот сидит она сейчас перед ним еще живая, а после свадьбы... Он вдруг будто воочию увидел ее мертвое тело, лежащее на лавке, и на глаза навернулись слезы, засвербело в горле, но сделать-то — сделать-то было нечего! Жалко племянницу, а еще жальче свою родную кровиночку!

— А! — в отчаянии махнул он рукой. — Жисть наша подневольная! — и бросился прочь из горницы.

— Дядька Митяй! — крикнула ему вслед Устя.

Но не остановился Митяй, хлопнула, закрываясь за его спиной, дверь...

Посмотреть на панскую карету выбежала вся деревня. Слепя глаза, ярко блестела на солнце позолота, сильные тонконогие кони всхрапывали и рыли копытами землю, на козлах восседал невозмутимый возница, и два лакея в напудренных париках ожидали выхода нареченной хозяина.

Когда Устя появилась на пороге родного дома, народ, как один, вздохнул, встречая ее. Была она в простом сером платье, в руках держала узелок с неказистыми пожитками. Худенькая, бледная, она походила на утицу, гонимую охотниками прямо в когти хищного сокола.

Лакеи соскочили с козел, распахнули дверцы кареты. Устя прошла к ним, ни на кого не подняв взора, ни с кем не попрощавшись.

— Хоть бы слово сказала, бесстыдница! Чай, не чужая нам! — пробормотала Малина.

А Устя, будто не слыша, все так же молча шагнула на приступку кареты, и один из лакеев, будто она уже успела стать панночкой, поддержал ее под локоть и помог взойти по двум ступенькам внутрь. И все. Исчезла, пропала, будто ее и не было.

Захлопнулась золоченая дверца, кучер взмахнул кнутом:

— И-йех!

А добрым коням только того и надо было: взяли сразу с места, да только пыль из-под копыт густым облаком. Заголосили бабы, ребятишки помчались вслед удаляющемуся перестуку копыт, а мужики только глубокомысленно вздохнули: до панской свадьбы-гулянки оставалось день-два, а выпить, обмывая просватанную невесту, было бы неплохо уже теперь.

— Митяй, ты это... Проставиться бы надо... — высказал общую мысль Сморчок — скрюченный мужичонка, пользы от которого было как от козла молока, но по части пьянки — первый мастак. — Родственница Устьяк-то тебе, как-никак...

Митяй открыл рот, хотел взъяриться, но вместо этого вдруг махнул рукой:

— А, мужики, давай! Коль надо, так выпьем...

И побрел к своему дому. А за ним, поглаживая усы и предвкушая дармовую выпивку, потянулись остальные...

Богатая комната, куда привели Устю, чтобы нарядить к свадьбе, была полна служанок и теток-приживалок. Все они суетились, гомонили, шушукались, глядя на молодую невесту, а она замерла, ни жива ни мертва, стояла, прижимая к груди неказистый узелок, захваченный из дома, и в общем гомоне слышала только отдельные фразы:

— Тоща больно невеста-то...

— Ништо! Пан таких любит...

— Тащит пан в постелю кого ни поподя...

— Не нашего ума дело! Кого хочет — того и тащит...

Тетки и бабки крутились вокруг нее, хватали за руки, щипали за бока, и она совсем потерялась в их толпе, только все крепче сжимала пестрый узелок с пожитками.

— А ну-ка, дай-ка! — ухватилась за эту последнюю памятку, оставшуюся от родных, одна из гомонящих старух. — Грязь всякую в панский дом тащить!

Но Устя — откуда и силы взялись! — вцепилась в холщевую ткань и вскрикнула:

— Не отдам!

— Ох, ты еще какая! Принцесса нашлась! Думаешь, пан замуж берет — так все? Хозяйка? Вот погоди, плетей у меня еще изведает до свадьбы-то! А ну, дай сюда!

Старуха изо всех сил дернула мешок, вырывая из рук Усти, ткань затрещала, надрываясь, и немудреные пожитки посыпались на пол.

— Оставьте ее! — послышался вдруг чей-то уверенный голос.

Приживалки испуганно охнули, метнулись в стороны стаей вспугнутых кур, а Устя, вскинув глаза, впервые увидела своего нареченного. Пан был

УДИВИ МЕНЯ

хорош: высок, статен, а взгляд черных глаз из-под бровей, словно намазанных углем, ожег Устю.

— Ну-ка, ну-ка, дайте-ка, я погляжу на мою невестушку, — произнес он, усмехаясь в усы. И вдруг гаркнул: — А ну, вон отсюда!

И только ветер пронесся по комнате. Сдернул всех бабок-мамок, умыкнул за собой, как будто их и не было. А пан неторопливо, оглядывая со всех сторон, будто скотину на торгах, обошел Устю и пробормотал:

— А что, недурна, недурна... — Остановился перед ней, осторожно приподнял за подбородок опущенную голову: — Ну, что ты, глупенькая? Боишься?

Устя упорно отворачивалась, прятала взгляд.

— Ах, ты, боже мой, какая скромность! — насмешливо попенял пан. — А ведь ты, красотка, могла бы быть посмелее... Нежные щечки... лебединая шейка... алые губки... Сладкие ли?

Его рука вдруг обвилась вокруг Устиной шеи, притянула, черные глаза оказались близко-близко, а губы коснулись ее губ. Устю закружило, завертело, понесло. И унесло бы, наверное, совсем, но она рванулась, вырвалась из панских объятий и, не задумываясь, со всего размаху одарила пана увесистой оплеухой.

— Ах ты!.. — схватился он за пострадавшее место.

Устя, перепугавшись содеянного, замерла, не зная, то ли каяться, то ли прочь бежать.

— Так вот какова моя новая невестушка... — протянул пан, отнимая руку от заалевшей щеки, и посмотрел насмешливо: — Что ж, до свадьбы осталось недолго, я подожду. Надеюсь, у тебя найдется, чем меня еще удивить.

Снова провел ладонью по щеке, успокаивая боль, обернулся к перепугано притаившимся по углам приживалкам:

— Подготовьте ее, как надо. Приоденьте. Да и повежливей тут — девушка молодая, горячая, кабы и вам не досталось.

Усмехнулся и вышел прочь.

— Задерживаются чегой-то, а, Митяй? — пробормотал Сморчок, не отрывая взгляда от вожденной бутылки, наполненной мутноватой жидкостью.

— А? — Митяй, думающий тяжелую думку о том, что не так, совсем не так его брат мечтал справить свадьбу любимой дочки, непонимающе поднял голову.

— Невесты долгонько нету, говорю.

— А я чего? — зло отозвался Митяй. — Не я тут главный! Вон пан сидит, тоже ждет, его и спрашивай.

На свадьбу Усти и пана была приглашена вся деревня: и стар, и млад. Малышню все же было решено оставить дома под присмотром старух и стариков, а вот мужики с бабами явились все — кто ж пропустит такое. В большой зале приглашенные, правда, оробели. Пан-то, вишь ты, решил принять всех вместе — и деревенских, и благородных. Ладно, хоть столы поставили отдельные, а то совсем было бы — не чихни, не кашляни. Но даже так деревенские костенели, не зная, куда девать руки, ноги, глаза. Да и богато накрытые столы заставляли сглатывать невольную слюну. А выход невесты все затягивался.

— Ништо! — успокаивающе пробормотала Малина. — Подождем, куда торопиться-то. Чай, Устенке собраться надо, приодеться...

И она с любовью и тревогой глянула на собственную дочь, сидящую рядом: уберегла ли? Свадьбы-то еще не было. А ну, как пан увидит алые щечки да ладную фигурку Наталки, где есть, за что ухватиться — не то, что у племянницы! — да и передумает? А Наталка, и вправду хороша — кровь с молоком! — сидела, скромно потупив глазки, и делала вид, что совсем даже не замечает, как ласково посматривает на нее ее собственный веснушчатый жених.

За господскими столами тоже ждали. Кавалеры развлекали дам беседами, дамы, прикрываясь веерами, жеманничали. За главным столом, предназначенным жениху и невесте, восседал один пан. Устин стул пустовал.

— Скорей бы уже! — Сил на ожидание у Сморчка оставалось все меньше и меньше, рука так и тянулась к заветной бутылки.

— Подождешь! — мстительно прошипел сквозь зубы Митяй.

И тут пронзительно взвыли фанфары. Пропели, смолкли, и мажордом, выступив вперед, зычным голосом объявил:

— Невеста пана Крочика, госпожа Устинья!

— Ишь, ты, в замке без году неделя, еще и женой не побыла, а уже в госпожи заделалась! — пробурчал обиженный ожиданием Сморчок.

— Молчи уж, пьянь! — одернула его одна из деревенских баб. — Тебе бы только налакаться, а что дальше с бедной девочкой будет — все равно.

И тут замолчали все, ибо в комнату ввели невесту. Пестрый сонм сопровождающих бабок и теток расступился, и Устя осталась одна на всеобщее обозрение. Деревенские аж рты разинули: это была, вроде бы, их прежняя

УДИВИ МЕНЯ

Устя и, в то же время, не она: одетая в господское платье, с волосами, поднятыми вверх по барской моде...

— Тоща невеста-то больно... — прошептала какая-то баба, жалостливо глядя на тонкую талию и хрупкие плечи девушки.

— Много ты понимаешь! — оборвала ее соседка, когда-то служившая в господском доме чернавкой. — Господа — они таких любят: чем тощее, тем лучше.

Видимо, ее слова были правдой, потому что господский стол, глядя на Устю, притих. Перестали шушукаться барышни, замерли кавалеры, а что касается самого пана, то он подхватился, с грохотом отодвинул стул, подлетел соколом к невесте, взял за белую руку и повлек с почетом к столу.

Свадебный пир был в самом разгаре.

— Ой, утица ты наша сизая... — пробормотала одна из баб, глядя на невесту, восседающую во главе стола вместе с женихом. — Умучит ведь тебя пан...

— Нишшто! Оттерпитя! — заплетающимся языком пробурчал Сморчок. — Вон пан-то как на нее глазеет, чисто кот на сметану. Глядишь, слюбится у них, сладится.

Пан действительно не сводил с молодой невесты глаз, нашептывал что-то на ушко, подкладывая на тарелку лучшие куски. Но Устя по-прежнему молчала и смотрела в стол.

— Влюбится, панной сделает... Ой, и заживешь тогда, Митяй, панским-то зятем...

Захмелевший Митяй только тупо мотнул головой.

— А что, — пробормотала Малина, она тоже глотнула господского вина, и щеки ее покраснелись, а в голове было гулко и пусто. — Очень даже может, что панной сделает...

— Была бы я невестой, меня бы точно сделал, — заявила вдруг Наталка, завистливо глядя на вьющегося вокруг сестры видного чернобрового пана, рядом с которым ее жених был будто глупый щенок супротив вольного волка. — А Устька — она же глупая! Хоть бы слово ему ласковое сказала, раз счастье такое привалило...

— Молчи, дура, коли бог ума не дал! — взъярился Митяй, выходя из мрачного похмельного состояния. — Чтoб ты понимала!

— А чего молчи? — впервые не послушалась родителя Наталка. — Как есть, так и говорю: повезло ей! У нас вон мертвяк по деревне ходит, не сегодня-завтра всех сушить начнет, а она тут как сыр в масле кататься будет! Вот если бы вы мне позволили, тятенька, уж я бы...

— Цыц! — гаркнул Митяй и с размаха грохнул кулаком по столу. — Не твоего ума дело!

— Тихо-тихо, — зашептала Малина, опасливо косясь на господский стол. — Не ровен час, пан услышит...

Но пан уже услышал. Глянул остро, поднялся из-за стола.

— Ой, что будет! — ахнула Малина.

Однако пан только потянул за руку Устю, заставляя подняться за собой, и громко произнес:

— Спасибо, гости дорогие, что почтили нас. Не стесняйтесь, продолжайте праздник, а нам пора на покой.

— Все, отдали девоньку, — подперев щеку ладонью, пробормотала Малина. — Ну, дай ей бог всего...

— Э-э-эх, — горестно вздохнул Митяй и уронил хмельную голову на стол.

В спальне, предназначенной для новобрачных, было темно и тихо. Пан шагнул к окну, дернул занавесь, и мертвенный свет луны залил пол красного дерева да белоснежную кровать посередине.

— Жарко! — вздохнул он и начал расстегивать рубаху. Затем оглянулся на Устю, кивнул ей: проходи, мол.

Устя взглянула на пуховую перину с заботливо отогнутым углом, закусила губу и осталась стоять на месте.

— О, господи! — картинно вздохнул пан. Сделал три широких шага, остановился рядом и усмехнулся: — Неужели я такой страшный?

Черные глаза казались омутами в пруду — нырни, не выплывешь. «А не все ли равно, когда? — отчаянно подумала Устя. — Муж ведь он...» И вдруг пошатнулась, начала валиться, но не упала — пан подхватил:

— Господи! Да что с тобой?

Легко, будто пушинку, вскинул на руки, отнес на широкую кровать. Опустился рядом, заглянул в глаза, коснулся ее щеки:

— Испугалась, что ли? Красавица... Все пановья могли бы быть у твоих ног... — Обнял, прижал к себе... И вдруг отпрянул в сторону, в изумлении уставившись на руки невесты: — Что это?! Что с тобой?!

Ногти на тонких пальцах девушки быстро росли, удлинялись, превращаясь в крючковатые когти.

— Уйди, пан! — воскликнула Устя. — Не хочу твоей смерти, а, неровен час, не удержусь!

УДИВИ МЕНЯ

Сжалась в комок, подумала облегченно, вот и все. Кликнет пан людей, забить проклятого мертвяка, и кончатся, наконец, ее мучения. В невесты-то панские пошла именно за этим — боязно самой-то руки на себя накладывать...

— Не удался, значит, свадебный пир... — пробормотал пан, кривя тонкие губы. — Вот так сюрприз... Да не дрожи так, милочка, ничего я тебе не сделаю. Погляди-ка на меня.

Он изящным жестом вскинул ладони, и Устя открыла рот от удивления: ногти пана росли, вытягивались, загибались крючком, как и ее собственные.

— Пан?! И ты тоже?! Значит... Значит, невесты все твои... Ты их всех?..

— Да, — кивнул пан. — Всех. Сушить-то дочиста каждую нельзя было — а ну бы догадались? Вот и пил по чуть-чуть да возвращал родителям. Ну, чего так смотришь? Жить-то всем хочется. А сама ты как? Небось, коровками промышляла? То-то бледная такая — не житье нам без человеческих душ. Так что, рано или поздно, и тебе пришлось бы.

— Нет! Не стала бы я людей пить! — содрогнулась Устя.

— Почему? — удивился пан. — Жалеешь их? Они ведь тебя не пожалели.

Малина, пожадничавшая платьем, дядька Митяй, бросивший на произвол судьбы, Наталка, злой лисицей глядящая из-за свадебного стола... Хоть бы один!.. Хоть бы кто-то один!..

— То-то, — вздохнул пан и усмехнулся с подначкой: — Кого будем из деревни просить?

— Что? — переспросила, не понимая, Устя.

— Нас же двое сейчас. Я девиц люблю, а ты парней, поди, затребуешь?

Глаза Усти распахнулись от ужаса.

— Ладно, — весело махнул рукой пан. — Разберемся по ходу. Времени у нас много.

— Засим объявляю, что поставленное мною условие соблюдено, и эта девушка, — небрежно кивнул пан на Устю, — становится моей законной супругой с правом наследования и душеприказничества.

Народ, собранный под балконом господского дома, удивленно переглядывался: неужто свершилось?

— Эх, и заживем сейчас! — с размаху хлопнул Митяя по спине Сморчок. — Жена-то панская — с нашего хутора! Глядишь, милостью не забудет!

— Отстань от него! — погнала прочь Сморчка Малина. — Все бы тебе выгоду искать!

А сама потянула Митяя за руку и жарко зашептала в ухо:

— Вот подвезло-то, Митенька! Устя-то, поди, свадьбу Наталке поможет справиться... А то еще в поместье житьствовать позовет — родня, как никак...

Митяй выдернул руку и пошел прочь. Односельчане радостно кидали вверх шапки, а на балконе, рядом с глядящим гоголем паном, стояла тихая молчаливая Устя.

В панском доме Митяя долго держали в людской, выспрашивали, кто такой да зачем пожаловал. Насилу уговорил позвать панночку. Когда она вошла — еще тоньше да бледнее, чем была, — Митяй качнулся, хотел обнять, да застыдился вдруг и лишь пробормотал:

— Доченька...

Устя смотрела пустыми глазами, будто сквозь него. Спросила безучастно:

— Помощь какая нужна, дядька Митяй? Ты скажи, я распоряжусь...

— Помощь? Не-е-е... — Митяй запнулся, теребя шапку, не зная, как сказать: — А только... Повиниться я пришел да забрать тебя, девонька.

— Чего ты такое говоришь, дядька Митяй? — вскинула удивленные глаза Устя.

— Мертвяк лютует, Устенка, почти каждую ночь кого-нибудь в деревне недосчитываемся. Уезжать надо...

— Чего ты, дядька Митяй, со мной такие разговоры заводишь? — тихо заговорила она. — Знаешь ведь, муж мой воспретил деревенским уезжать. Аль лакеев мне кликать, чтоб забрали тебя, смутьяна?

Митяй вздрогнул и, запинаясь, выговорил через силу:

— Это уж... смотри сама, как. Да только... Моченьки больше нет. Поначалу мертвяк на мужиков охотился, а сейчас за баб да деток принялся. Наталку, сестру твою, вот третьего дня... И Гаврика...

Устя отвернулась, шагнула к окну, встала к нему спиной.

— Виноват я перед тобой, девонька... — глухо проговорил Митяй в эту спину, справившись с комом. — Дочку свою берег, а тебя сдал... И ее не уберег. И тебя... Не защитил, не оградил, отдал на умучение пану.

— О чем ты, дядька Митяй? Все хорошо у меня, муж он мне... — глухо, не оборачиваясь, произнесла Устя.

УДИВИ МЕНЯ

— Муж! Такой же, как паук мухе. Не чета он тебе, доченька — от него холодом так и тянет. — Митяй, сминая в руках шапку, шагнул к племяннице, заглянул в лицо: — Поедем с нами, Устенька...

— Нельзя мне, дядька Митяй. Вам же хуже будет... Не знаешь ты всего, я ведь тоже виноватая перед тобой...

— Девонька! Да что ты говоришь, какая твоя вина! — Митяй попытался обнять племянницу, прижать к груди. — Бог даст — схоронимся. И от пана, и от мертвяка.

— Нет, дядька Митяй! — вырвалась Устя. — Нельзя мне! Нельзя! — и заспешила, побежала прочь из комнаты.

— Устенька!

А в ответ — только удаляющийся стук каблучков.

В спальню заглядывал лунный луч, деля ее пополам. Устя, сидя на разобранной постели, тихо спросила:

— Ночью опять в деревню собираешься?

— Собираюсь. — Пан стянул через голову белую рубаху, бросил на пол.

— Зачем? Ты ведь вчера свое уже получил.

— Больше — не меньше, — усмехнулся пан. — Главное, думают, мертвяк из деревни, ни в жизнь про меня не догадаются. — И, увидев, как Устя поджала губы, добавил: — Ну, чего ты? Пойдешь со мной сегодня?

— Нет! — вскинулась она.

— Что ж, — равнодушно пожал плечами пан. — Не сегодня, так завтра пойдешь. Вон, бледная вся, едва на ногах держишься.

— Ты бы хоть детей не трогал, — безнадежно попросила Устя.

— А не все ли равно, кого?

Пан сдернул с себя последние одежды, шагнул к постели:

— Ну что, жenuшка? Поиграем в охотника и мертвяка?

Устя посмотрела на него долгим взглядом и вдруг решительно кивнула:

— А что, пан, и поиграем. Только ты уж не обессудь, охотником буду я.

— Давно бы так! А то все супротив да супротив... — засмеялся пан и скользнул на мягкую перину.

— Отворяйте, хозяйева! — Стук, раздавшийся в неурочный час, заставил зайцем запрыгать сердце Митяя: «Неужто прознали?!» Все было готово к отъезду: пожитки собраны, жена с дитем сидели одетые. Неужто прознал кто да доложил?..

— Митяй! Открывай же! Я это!

— Фу, ты! — пробормотал Митяй, узнав голос Сморчка. Махнул Малине, чтобы оставалась в доме, и загремел замками.

— Чего ты, черт этакий, бродишь по ночам? — попенял, впуская мужика в калитку. — Напугал! Я уж думал, мертвяк пришел.

— Да тут вот какое дело, Митяй... — Сморчок шмыгнул носом, утер его рукавом. — Нарочный с панской усадьбы прискакал, говорит, нашли мертвяка-то.

— Изловили?! — ахнул Митяй. — И кто им был-то?

— Так вот... пан и был. Нашли его в постеле, и кол из груди осинового торчит. Плоть вокруг вся расплзшаяся — с давнего времени, вестимо, в мертвяках-то ходил...

— Господи! Кто ж его тогда колом?.. А Устя? Устя-то где?!

— А Устя пропала. Исчезла, как не было. Верно, выпил ее пан да спрятал шкурку-то, чтобы никто не опознал. Ну, чего поделывать-то. Бог дал, бог взял. — Сморчок снова шмыгнул носом: — Тут ведь, вишь, в другом вопросе. Помер пан, и наследница пропала. А ты один родственник-то Устенский. Стало быть, ты паном у нас и будешь. Так что ждем тебя все. Собрались и ждем. Почти уж народ-то, выйди...

— Что-о-о?!

Митяй оттолкнул Сморчка, чуть не срывая с петель, рванул калитку. И замер, разинув рот: на улице стояла вся деревня — мужики, бабы, ребятня. Увидев его, разом вздохнули да дружно склонили головы, почитая властителя. А новый пан обомлел, не в силах вымолвить ни слова, и только хватал воздух, будто речной лещ на сухом берегу... □

«En ma fin est mon commencement»

Денис Логинов

«En ma fin est mon commencement» — «в моем конце мое начало», вышла на парчовом покрове в пору своей блистательной юности королева шотландская и французская, законная наследница английской короны Мария Стюарт. Почему именно это изречение привлекло ее внимание — неизвестно. Но получилось так, что оно пророчески определило судьбу юной вышивальщицы, трагическая гибель которой стала началом ее бессмертия.

Третий ребенок короля Шотландии Якова V и его супруги, французской принцессы Марии де Гиз Лотарингской, принцесса Мария родилась 8 декабря 1542 года, до этого два мальчика рождались мертвыми, и король Яков уже отчаялся иметь законного наследника. Рождение дочери его не слишком обрадовало, к тому же Яков Шотландский был тяжело болен и скончался через пять дней, так и не увидев свою наследницу.

Мария Стюарт в недельном возрасте оказалась королевой Шотландии. Разумеется, она не могла править государством, поэтому регентами при ней стали мать и лорд Джеймс Гамильтон. Политическая обстановка в то время в стране была крайне напряженной. Помимо противостояния католиков и протестантов было еще противостояние двух дворянских группировок: часть шотландских дворян ратовала за союз с Англией, а часть — за союз с Францией.

Джеймс Гамильтон, протестант, придерживался проанглийских взглядов. Он добился заключения с Англией Гринвичского договора, по которому королева Шотландии Мария должна была сочетаться браком с принцем Эдвардом, являвшимся наследником английского престола. Таким образом, планировалось поставить во главе двух стран одну королевскую династию. Более того, уже очень серьезно больной король Англии Генрих VIII потребовал вписать в договор пункт, согласно которому, в случае смерти

его сына бездетным, власть над Шотландией переходит к Англии, кто бы ни был в это время на троне.

Этому резко воспротивилась вторая регентша — вдовствующая королева Мария, которую поддерживал ее фаворит кардинал Битоном. Тем более что подписание договора предусматривало отъезд малютки-королевы в Англию и разлуку с матерью. Ревностные католики, они придерживались французской ориентации, что вызвало недовольство Англии и периодическое вторжение английских отрядов на территорию Шотландии. А в середине 1546 года заговорщики-протестанты, подстрекаемые англичанами, убили кардинала Битонома.

Вдовствующая королева обратилась с призывом о помощи к своим царственным родственникам во Франции, и этот призыв был не только услышан, но и воспринят более чем благосклонно. Французский король Генрих II, а в особенности его супруга, королева Екатерина Медичи, благоволили к Лотарингскому дому и сочли своим святым долгом оградить маленькую родственницу от алчных притязаний англичан.

В 1547 году французская армия высадилась в Шотландии и первоначально усмирила излишне воинственных местных протестантов. А затем было принято решение сочетать браком Марию Стюарт с дофином Франциском. Предложение показалось вдовствующей шотландской королеве блестящим, и она немедленно дала согласие на брак.

Мария Стюарт

После этого началась короткая война Англии с Францией, закончившаяся разгромом англичан, а маленькая шотландская королева, которой едва исполнилось пять лет, отправилась во Францию — свое будущее второе королевство, оставив первое под присмотром матери и парламента.

При французском дворе, самом блистательном в Европе, Мария больше десяти лет жила, как в прекрасной сказке. Ей дали блестящее образование. Помимо французского, английского, немецкого и испанского языков девочка изучала латынь и греческий (как и ее родственница, принцесса Маргарита,

*Дофин Франциск
(первый муж Марии)*

будущая знаменитая королева Марго), прекрасно знала древнюю и современную поэзию, неплохо музицировала, обворожительно танцевала и обладала безукоризненными манерами. С будущим женихом, болезненным и застенчивым, у нее сложились самые теплые отношения, будущие свекор и свекровь ее баловали, придворные — обожали.

Двор, где выросла и получила воспитание Мария Стюарт, был не только самым великолепным, самым изящным, самым веселым в Европе, но и самым развращенным: король открыто проводил ночи у своей фаворитки Дианы де Пуатье, успевая уделить время и законной супруге,

которая родила ему десятерых детей и обеспечила династии четверых наследников. Своих целей королева Екатерина частенько добивалась с помощью «летучего отряда фрейлин», в который отбирала самых красивых женщин и девушек при дворе. Так что слово «целомудрие» было, мягко говоря, не в ходу, даже принцессы, будучи уже обрученными

и это, безусловно, был брак по любви, пусть и детской. А через два года король Генрих II погиб из-за несчастного случая на турнире, и Мария Стюарт-Валуа в семнадцать лет стала французской королевой, оставаясь и королевой Шотландии. Третья корона должна была украсить ее очаровательную головку совсем скоро: английский король Эдуард скон-

П

ри французском дворе Мария больше десяти лет жила как в прекрасной сказке. Ей дали блестящее образование, она хорошо знала древнюю и современную поэзию, неплохо музицировала, обворожительно танцевала и обладала безукоризненными манерами

с титулованными женихами, имели любовников из среды придворных.

Нет ничего удивительного в том, что для выросшей в такой обстановке Марии всю жизнь на первом месте были чувства, а уже потом (и то не всегда) — рассудок. Но, в отличие от своих будущих невесток, всерьез юная королева шотландская мужчинами не интересовалась, только слегка флиртowała, так что вскоре она стала настоящей жемужиной при французском дворе, ей посвящали стихи Лопе де Вега, Брантом, Ронсар.

Много позже Мария с тоской будет вспоминать эти годы как самые счастливые в своей жизни. Ей было пятнадцать лет, когда она пошла под венец с дофином Франциском,

чался совсем юным, его старшая сводная сестра Мария была очень больна, следующей наследницей по праву числилась ее двоюродная племянница — королева шотландская и французская...

Брак Марии оказался счастливым, хотя и очень недолгим. Фактически, это было продолжением детской дружбы. В 1558 году, через год после свадьбы, она объявила себя королевой Англии — Мария Кровавая скончалась. Но англичане-протестанты решили иначе и возвели на трон Елизавету I, которая, по правилам католической церкви, считалась незаконнорожденной. Ни у Шотландии, ни у Франции на тот момент не было сил, чтобы возложить на голову законной наследницы престола

английскую корону. Ограничились тем, что внесли ее в герб французской королевской четы, и это был первый камушек преткновения в отношениях между Марией и Елизаветой.

Следующий год стал переломным в жизни «королевы трех государств». Летом 1560 года скончалась Мария де Гиз, правившая Шотландией королева-мать, а в декабре — моло-

жизни. Она словно предчувствовала, что больше никогда не ступит на французскую землю: долго вглядывалась с палубы корабля в удалявшийся берег и шептала: «Прощай, Франция!..»

В августе 1561 года Мария Стюарт прибыла на родину, где ей совсем не были рады. Шотландией правил парламент, который находился под силь-

Е

й было пятнадцать лет, когда она пошла под венец с дофином Франциском, и это, безусловно, был брак по любви, пусть и детской. А через два года король Франции Генрих II погиб из-за несчастного случая на турнире, и Мария Стюарт-Валуа в семнадцать лет стала французской королевой, оставаясь и королевой Шотландии

дой супруг Марии король Франции Франциск II, умерший из-за нарыва в ухе, который лейб-медики не решились оперировать. В восемнадцать лет Мария Стюарт стала «белой королевой» — вдовой.

Теперь перед ней было два пути: остаться во Франции и до конца дней носить королевский белый траур, или вернуться в Шотландию и взять в свои руки бразды правления страной, в которой верховодили протестанты. Она выбрала второй путь только потому, что не представляла себе жизнь во вдовьем затворничестве, без развлечений, музыки, танцев.

Заливаясь слезами, Мария простилась с Францией, где прошли лучшие и счастливейшие годы ее

жизни. Члены парламента, не стесняясь, говорили:

— Королева Елизавета позаботилась о безопасности и свободе Шотландии, и потому королевство обязано ей более, чем своей собственной государыне.

Молодой королеве пришлось быть очень осторожной. Она вынуждена была признать протестантизм официальной религией, но в то же время сама осталась католичкой и продолжала поддерживать связь с папой римским. В целом, ей удалось добиться политической стабильности в стране — в основном, потому, что она не столько правила, сколько царствовала, и ее терпели, пока она никому не мешала.

Мария Стюарт привыкла к тому, что быть королевой — это принимать всеобщее восхищение и поклонение, сидеть на троне и милостиво улыбаться подданным. Она понятия не имела о политике, да и не слишком стремилась это понимать. Балы, турниры, поэтические вечера, конные прогулки...

Обо всем этом в суровой Шотландии пришлось быстро забыть. То есть балы превратились в танцевальные вечера в личных покоях королевы, стихи писала она сама — соперников у нее практически не было, музыкальные вечера ограничивались пением и игрой на лютне секретаря королевы, итальянца Давида Риччо. Недостатка не было разве что в конных прогулках — Мария любила вихрем носиться по вересковым пустошам Шотландии. Но и эти невинные развлечения подвергались суровому осуждению в проповедях протестантских священников.

Тем не менее, все было почти хорошо вплоть до 1565 года. Руки молодой вдовы с таким приданым, как королевство, искали многие знатные и даже коронованные особы. Но она категорически отвергала возможность связать свою жизнь с протестантом, а претендентов-католиков ненавязчиво устраняла ставшая королевой Англии Елизавета I. Эта расчетливая и хладнокровная женщина желала выдать шотландскую королеву за человека, близкого к английскому двору и представляющего его интересы. Однако жизнь повернулась так, как никто этого не ожидал.

*Генрих Дарнлей-Стюарт —
второй муж и кузен
Марии Стюарт*

Шотландская королева влюбилась. Она вообще была очень романтической особой, а брак с юным французским королем только укрепил ее во мнении, что семейная жизнь — это совместное чтение стихов и прогулки по саду. Ну, еще совместное сидение на троне в особых случаях. Поэтому выбрала она опять почти мальчика — своего кузена, хорошенького и пустоголового Генриха Дарнлея-Стюарта, которому только что исполнилось девятнадцать лет. Протесты советников были высокомерно проигно-

рированы, гнев королевы Елизаветы — также.

В июле 1565 года состоялась свадьба, никого, кроме новобрачных, не порадовавшая. Никаких выгод для государства такой союз не имел и не мог иметь, зато испортил отношения со многими влиятельными особами, желавшими стать супругом шотландской королевы. Марии было все равно — она потеряла голову от высокого и стройного мальчишки, на три года моложе нее самой, не обладавшего ни особым умом, ни высокими душевными качествами. Красивое пустое место, но с огромными амбициями.

К тому же женщина в королеве еще не проснулась. Первый брак был таковым лишь по названию: из-за юного возраста и неопытности обоих супругов. Вторая попытка оказалась вообще плачевной: Мария по-прежнему была неопытна и невинна, а ее молодой супруг привык иметь дело со служанками. В лучшем случае — с горничными своей матери. Так что союз оказался крайне неудачным. Через считанные месяцы Мария поняла, что совершила огромную ошибку, и уже с трудом переносила молодого супруга.

Все больше времени она проводила со своими советниками — католиками-иностранцами. Это обеспечило ей преданность мелких шотландских дворян и одобрение папы римского. Но... в пику жене, Генрих Дарнлей собрал вокруг себя довольно сильную протестантскую группировку, противившуюся всем

начинаниям королевы и ее указам. Король-консорт возмечтал стать настоящим королем, не имея для этого никаких данных.

К сожалению, необдуманый брак оттолкнул от королевы ее иностранных союзников и еще больше испортил отношения с Англией, точнее, с королевой Елизаветой. «Девственница на престоле» пришла в ярость, когда узнала, что Мария Стюарт беременна. Никакой политики, чисто женские эмоции, но от этого еще более опасные.

Беременность королевы повлекла за собой трагедию. Гордый супруг, возомнив себя настоящим мужчиной, раз он оказался способным иметь потомство, приревновал королеву к ее секретарю и музыканту Давиду Риччи. Итальянец отличался умом и воспитанием, именно с ним Мария частенько обсуждала государственные дела, не считая необходимым привлекать к ним мужа, об умственных способностях которого была все более и более невысокого мнения. Это взбесило амбициозного и недалекого мужчину.

В марте 1566 года, находясь на шестом месяце беременности, она как всегда сидела вечером в своих покоях и обсуждала текущие дела с секретарем. Внезапно в комнату ворвалась толпа вооруженных людей во главе с Генрихом Дарнлеем. Давида Риччи убили на глазах у беременной королевы, нанеся ему свыше пятидесяти ножевых ранений. Никаких обвинений при этом не прозвучало, итальянца просто зарезали по

приказу венценосного ревнивца, который, не скрываясь, гордился тем, что «поставил супругу на место». Мария действительно вела себя с ним на людях подчеркнуто почтительно, правда, постепенно, под разными предлогами, приказала арестовать и казнить всех, кто участвовал в резне. В результате король-консорт потерял всех друзей.

Более того, его стали откровенно презирать и протестанты, и католики. Пришлось покинуть столицу и поселиться в небольшом особняке в пригороде с горсткой слуг. Генрих надеялся, что, родив ребенка, его жена станет прежней и все ему простит. Королева тоже ждала родов, но совсем по другой причине: она поклялась отомстить мужу.

19 июня 1566 года Мария Стюарт разрешилась от бремени сыном, получившим при крещении имя Яков — будущим королем Шотландии Яковом VI и королем Англии Яковом I. Отца ребенка даже не пригласили на крестины: жажда мести сменилась у королевы презрительным равнодушием, а затем... новой любовью, которая стала притчей во языцех всех европейских королевских дворов.

Оправившаяся и расцветшая после родов, молодая королева на сей раз обратила свое внимание не на изнеженного мальчика, а на настоящего мужчину, лорда Джеймса Хепберна, графа Босуэла. Да, позже она пыталась в своих «Письмах из ларца» оправдаться тем, что сначала стала жертвой желания мужественного лорда, а уже потом пришла любовь.

Великий романтик Стефан Цвейг в книге о Марии Стюарт не пожалел самых красочных эпитетов для определения этой страсти. С его точки зрения — это стихия, вулкан, двенадцатибалльный шторм, неподвластные ни контролю, ни разуму. Но он основывался в своих умозаключениях на стихах влюбленной королевы, а стихи вообще — очень ненадежные свидетели, как и сочиняющие их в состоянии экстаза. Экстаз проходит быстро, стихи порой живут очень и очень долго, порождая все новые гипотезы об их создателе.

Мария впервые в жизни полюбила по-настоящему и была совершенно ослеплена и оглушена новыми ощущениями. Единственное желание — сочетаться с новым возлюбленным брачными узами, тем более что он не только прекрасный любовник, но и умный политик, прирожденный государственный деятель.

Увы, королева замужем, а лорд Босуэл — женат. И если влиятельный аристократ мог развестись сравнительно легко, то для королевы-католички развод был невозможен. Равнодушие и презрение к законному мужу сменилось ненавистью: от Дарнлея следовало избавиться любыми средствами.

Политика Марии Стюарт все более начинает определяться ее чувствами, прежде всего, страстью к Босуэлу. Генрих превратился лишь в досадное препятствие, которое необходимо преодолеть. Как — неважно.

10 февраля 1567 года при таинственных обстоятельствах взор-

вался дом, где жил после убийства Риччи Дарнлей, а сам он был найден задушенным во дворе. По-видимому, злоумышленники спешили: тело следовало оставить в горящем доме, чтобы надежнее скрыть следы преступления. До сих пор неясно, участвовала ли королева в организации убийства своего мужа. А вот участие в заговоре лорда Босуэла более чем вероятно: он расчищал себе путь к руке королевы Марии.

Но общественное мнение всю вину возложило на королеву, которая

Третий муж Марии — лорд Джеймс Хепберн, граф Босуэл

и не подумала оправдываться, а через три месяца, 15 мая, пошла под венец со своим любовником. Этот брак с вероятным убийцей короля лишил Марию Стюарт всякой поддержки в стране, чем немедленно воспользовались лорды-протестан-

ты. Они организовали «конфедерацию» лордов и, собрав значительные военные силы, подавили не слишком сильное сопротивление королевских войск, захватили Марию Стюарт в плен и вынудили подписать отречение от престола в пользу своего сына Якова VI.

Произошло это 15 июля — ровно через два месяца после свадьбы. Из всех браков Марии Стюарт третий оказался самым коротким.

Регентом страны на время несовершеннолетия короля был назначен граф Морей. Босуэлу удалось бежать из Шотландии, но то ли в Норвегии, то ли в Дании его арестовали, он провел в тюрьме десять лет и умер, так и не увидев больше свою супругу — уже не королеву, а фактически пленницу шотландских лордов.

Бывшая королева Шотландии оказалась под охраной в замке Лохлевен, на одном из островов озера Лох-Ливен. Но у этой волевой и энергичной женщины не было желания провести остаток жизни в заточении. Ей помогло и то, что регент королевства лорд Морей вызвал недовольство у многих влиятельных людей Шотландии. Конфедерация лордов распалась.

В начале мая 1568 года Мария Стюарт бежала из-под стражи с помощью юного лорда Дугласа, которому она якобы обещала свою руку. Возможно, все так и было — потеряв королевство, Мария не потеряла ни красоты, ни обаяния. Она объявила, что ее отречение от пре-

стола в пользу сына недействительно, и она по-прежнему королева Шотландии. Но собранное ею шеститысячное войско через две недели было наголову разбито войском регента. Самой Марии пришлось спастись бегством: после трехдневной бешеной скачки она с шотландского берега Солуэйского залива переплыла в рыбацком челне на англий-

ский берег, где была вынуждена просить защиты у Елизаветы I.

«Сестра Елизавета» (на самом деле — двоюродная тетушка) оказалась в весьма щекотливом положении. Нельзя отказать в помощи родственнице, но эта самая родственница совсем недавно заявляла о своих претензиях на английский престол. Допустить ко двору

*Казнь
Марии Стюарт*

молодую привлекательную соперницу? Да ни за что! Отпустить в Европу — еще опаснее, поскольку там она сможет найти союзников и поддержку и, чего доброго, вновь попытается добиться английской короны. К тому же Мария — убежденная католичка, а в Англии господствует протестантство... Тяжелый случай.

Арестовать и заточить в Тауэр? Для этого нет серьезных основа-

ний: Мария явилась как просительница, вина ее в убийстве второго мужа не доказана, третье замужество превратилось в мираж. Но Елизавета нашла выход: Марию поместили в «почетный затвор», то есть поселили в Шеффилдском замке на севере Англии. Там она содержала небольшой двор на деньги, которые выделяла государственная казна, пользовалась относительной свободой — но и только.

Официально Елизавета заявила, что, очистившись от всех обвинений в свой адрес, Мария станет свободной. А тайно обещала полную свободу немедленно, сразу после того, как та отречется от шотландского престола.

Мария ответила очень гордо и очень опрометчиво:

— Чем согласиться, я предпочту умереть, но и последние слова мои будут словами королевы Шотландской.

Этот величавый, истинно королевский жест стоил ей свободы, а в

Испании, вела тайную переписку — которая была прекрасно известна английскому сыску и Елизавете. Все еще шла борьба за власть — игра, в которую Стюарт играла до самой смерти. Ибо, даже находясь в плену, шотландка представляла большую опасность для своей венценосной сестры. На шотландскую королеву по-прежнему уповали враги Елизаветы — французы, испанцы, поэтому, пока Мария была жива, королева не могла спать спокойно.

Впрочем, Елизавета играла со своей «дорогой сестрицей» как кош-

В

двадцать шесть лет жизнь Марии Стюарт фактически закончилась. Предстояло унижительное доживание, которое она пыталась скрасить попытками устроить заговор против «сестрицы Елизаветы». Мария искала поддержку во Франции и в Испании, вела тайную переписку, что было прекрасно известно английской королеве. В эту игру — борьбу за власть — Стюарт играла до самой своей смерти

результате — жизни. В двадцать шесть лет жизнь Марии Стюарт фактически закончилась. Предстояло долгое унижительное доживание, которое она судорожно пыталась скрасить попытками устроить заговор против «сестрицы Елизаветы» — убить королеву и занять английский трон. Грустный мираж...

Эти попытки предпринимались в течение восемнадцати лет. Мария искала поддержку во Франции и в

ка с мышкой. По ее прихоти Марию перевозили из одного замка в другой, часто в суровую зиму, не обращая внимания на ее расстроенное здоровье, и отводили ей холодное и сырое помещение. Мария преждевременно состарилась, волосы ее выпали, желудок отказывался переваривать пищу, и она с трудом держалась и ходила на своих распухших ногах. Но Елизавете она по-прежнему казалась молодой и пре-

красной соперницей, способной очаровывать и находить сильных сторонников.

Английская королева нанесла фактически последний удар своей сопернице, когда заключила негласный договор с ее единственным сыном. Якову VI обещали выплачивать ежегодный солидный пенсион и объявить его законным наследником английской короны, если он поклянется никогда не вступать ни в какие отношения со своей матерью. Молодой шотландский король охотно согласился предать мать — и забыл о ней.

Могла бы забыть об уже бывшей сопернице и Елизавета, предоставив ей возможность достойно дожить оставшиеся годы. Но этому помешала... сама Мария, все еще одержимая идеей занять английский престол. Сыграли свою роль и те, кто был недоволен правлением Елизаветы I: они сделали ставку на возвращение в Англию королевско-католички.

Закончилось все это печально. В 1586 году был раскрыт заговор Энтони Бабингтона. У заговорщиков обнаружили письма Марии Стюарт, где она полностью поддерживала заговор, целью которого являлось убийство Елизаветы I и смена власти, и соглашалась принять английскую корону.

Мышеловка захлопнулась: преступный умысел был налицо. Заговорщики были казнены, а Марию Стюарт перевели в ее последнее пристанище — замок Фотерингей на севере Англии, больше напоми-

навший тюрьму. Прислугу заменили стражники, ни о какой тайной переписке с кем бы то ни было и речи быть не могло. В Лондоне состоялся суд, на котором Марии припомнили все грехи, вплоть до убийства второго мужа почти двадцать лет назад. Вслух зачитывались знаменитые «письма из ларца» — любовные стихи, посвященные Босуэлу, как доказательство чудовищного распутства. Вся личная жизнь Марии Стюарт была выставлена напоказ, захватана грязными руками, оплевана...

Судьи вынесли приговор: смертная казнь. Пожалуй, столь суровый приговор для такого высокопоставленного лица был вынесен впервые в истории, и, кажется, даже сама приговоренная не сразу поверила в возможность его осуществления.

Да и королева Англии долго не решалась утвердить этот приговор. Она тянула время, ждала, когда ее родственница подаст прошение о помиловании. И, вероятно, помиловала бы бывшую монархиню, уже очень больную и беспомощную. Но Мария наотрез отказалась о чем-либо просить, и приговор был утвержден королевской подписью.

С этого момента начались подлинные муки совести английской королевы. Долгое время, более полугода, она не могла ни на что решиться. Ждала, надеясь на чудо — естественную смерть своей ненавистной сестры. Даже подумывала о тайном убийстве Марии, но ис-

*Одна из пос-
мертных
масок
Марии Стюарт,
украшенная
ручной росписью
(губы, брови,
ресницы)*

полнителей такого грязного дела не нашлось.

Елизавете все-таки пришлось совершить одно из самых громких злодеяний эпохи. Как бы она ни юлила, какую бы роль ни пыталась разыграть, в истории Елизавета осталась убийцей Марии Стюарт, положив начало прецеденту лишения жизни особ королевских кровей.

Казнь состоялась утром 8 февраля 1587 года в замке Фотерингей. С абсолютно спокойным лицом бывшая королева Шотландии величественно поднялась на эшафот, как будто шла к трону, а не к плахе. Вста-

ла на колени, опустила голову на колоду и обвила ее руками. Но палачу пришлось нанести три удара, чтобы отделить голову от тела. Поистине, мученическая кончина женщины, которой недавно исполнилось только сорок четыре года.

Смерть оказалась намного величественнее и значительнее ее жизни, полной ошибок и промахов. Она умерла как королева.

Такой Мария Стюарт и вошла в историю — гордой, независимой, несломленной. «En ma fin est mon commencement» — «в моем конце — мое начало». □

Старинный польский город Гданьск по праву гордится настоящим сокровищем, хранящимся в его Национальном музее, — это триптих Ганса Мемлинга «Страшный Суд». Но как творение выдающегося мастера

Ирина Опимах **Ганс Мемлинг**

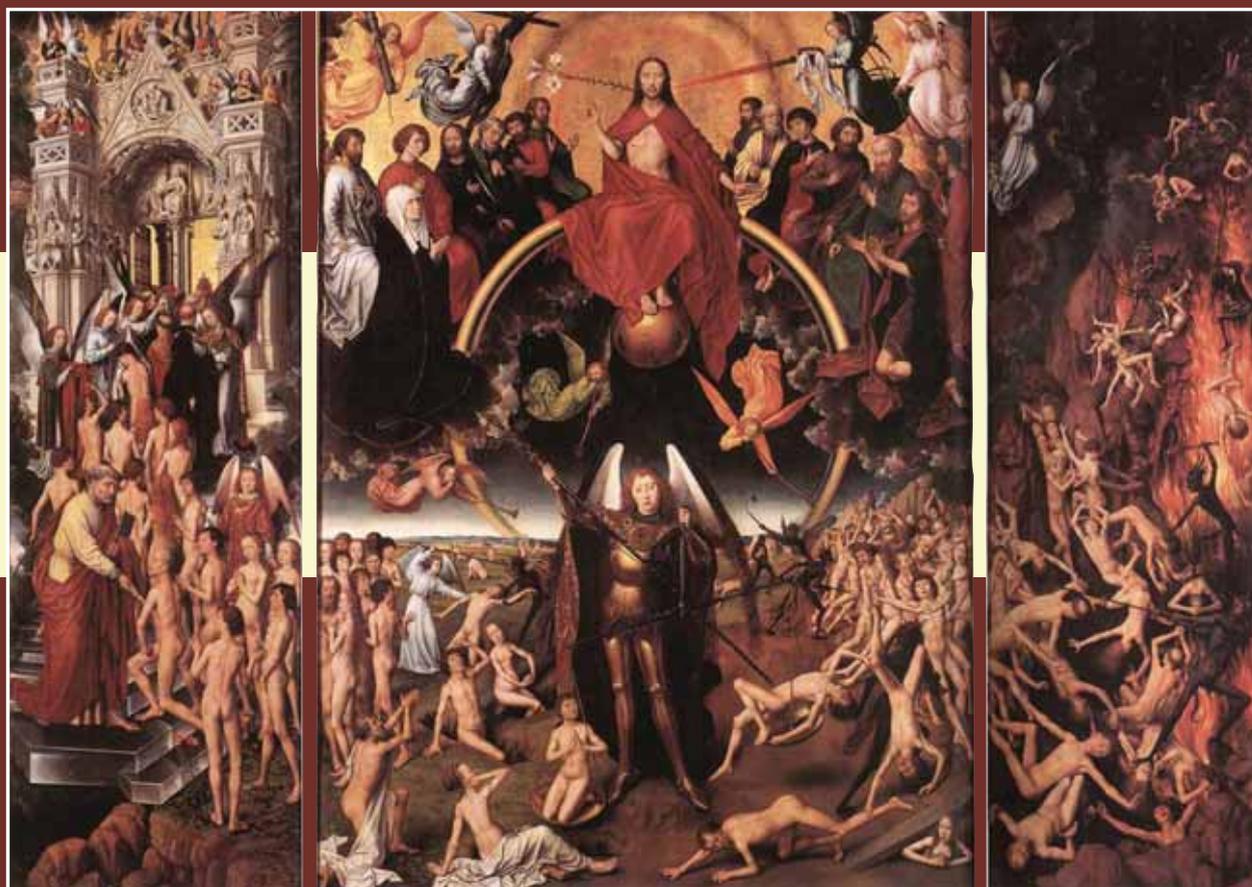
«СТРАШНЫЙ СУД»

В середине XV века в Европе хорошо знали банкирский дом Медичи.

Основанная Джованни ди Бичи, первого из числа славных представителей этого клана, финансовая империя умных и смелых флорентийцев приобретала все большее влияние. Медичи открыли свои представительства в важнейших коммерческих столицах Европы — в Женеве, Лондоне, Авиньоне и Брюгге. Ведение финансовых дел невоз-

можно без умения разбираться в политических реалиях, а Джованни ди Бичи и его сын Козимо владели этим искусством в совершенстве. И, конечно же, очень важно было найти правильных людей, способных с честью представлять интересы банкирского дома за пределами Флорентийской республики. Так, в Брюгге представителем Медичи стал Анджело Тани. Тани начинал карьеру консулом в Венеции, затем пред-

Северного Возрождения, созданное в Брюгге, попало в польский город? У этого шедевра долгая и очень непростая история, в которой были и богатые банкиры, и отважные пираты, и честолюбивые короли, и нацистские «искусствоведы», и реставраторы Эрмитажа...

ставлял банк Медичи в Лондоне, а в 1450 году был назначен управляющим филиала банка Медичи в Брюгге. Брюгге, основанный еще в VII веке, был тогда одним из крупнейших в Европе торговых центров: сюда везли английскую шерсть, из которой местные суконщики ткали отличные ткани. Это был город купцов и моряков, а еще искусных ремесленников, ткачей и кружевниц, изготавливавших тончайшие кружева, которыми

старались украсить свои туалеты щеголи во всех европейских странах, у которых хватало денег (кружева-то стоили немало). Брюгге славился и своей красотой, недаром его называли Северной Венецией — многочисленные каналы и горбатые мостики восхищали всех, приезжавших в город. А как хороши его величественные готические соборы, живописные мельницы, уютные площади среди узких улочек...

Тани нравилось жить в этом городе, а потому в 1464 году он приехал во Флоренцию просить продления своего контракта у Козимо Медичи, в то время не покидавшего постель из-за обострения подагры. Герцог Козимо обязательно бы позволил Тани остаться в Брюгге, но его внезапная кончина нарушила все планы честолюбивого сеньора Анджелио: новый герцог Медичи, Пьеро, назначил в Брюгге представлять интересы банка Медичи Томмазо Портинари. Однако опытный Тани по велению герцога остался в Брюгге еще на несколько лет — до 1471 года, после чего уехал в Англию контролировать работу лондонского филиала банка Медичи. После назначения Портинари Тани стал подумывать о возвращении на родину, во Флоренцию. А тут еще решил жениться на двадцатилетней Катерине Танальи, и в честь женитьбы на очаровательной флорентийке задумал украсить новым алтарем капеллу Сан-Микеле, принадлежавшую его семейству, в церкви аббатства Бадиа-Фьезоланав. Этот алтарь для капеллы он заказал Гансу Мемлингу — а кому же еще, ведь лучше художника в Брюгге не было.

Во многих книгах о художнике рассказывается трогательная история: в юности Мемлинг вел легкомысленный образ жизни, за что был взят в солдаты. Есть и другая вер-

*Оборотная сторона
левой створки триптиха
«Страшный суд»*

сия: молодой и способный, он якобы состоял после смерти ван Эйка придворным живописцем бургундского герцога Карла Смелого. Художнику приходилось не только выполнять заказы герцога, но и участвовать во всех сражениях своего патрона, мечтой которого было подчинить себе Эльзас и Лотарингию. Но смерть помешала реализовать его честолюбивым помыслам — в 1477 году герцог погиб, сражаясь против войск Швейцарской конфедерации в битве при Нанси. В этом бою участвовал и Мемлинг. После кровавой битвы, тяжело раненый и изможденный, Мемлинг оказался в Брюгге. В один из январских вечеров, морозных и темных, он постучался, ища приюта и хлеба, в двери госпиталя святого Иоанна. Монахи проявили милосердие, пригрели и подлечили художника. Его выздоровлению очень способствовал роман с молодой монахиней, ухаживавшей за ним. Оправившись от ран, отдохнув от бранных трудов, Мемлинг вернулся к живописи, а в благодарность приютившим его монахам написал для монастыря «Обручение Святой Екатерины», выполнил раку Святой Урсулы и другие работы, которые и ныне бережно хранятся в древних стенах госпиталя.

К сожалению, эта романтическая легенда — чистый вымысел.

*Оборотная сторона
правой створки триптиха
«Страшный суд»*

Триптих «Обручение Святой Екатерины»

На самом деле все было совсем не так.

Предполагают, что Ганс Мемлинг родился где-то около 1440 года, в деревушке Мемлинген, недалеко от Франкфурта-на-Майне. В то время в Германии всех подряд косила чума, видно, не пощадила она и семейство Мемлинга. Рядом с Зелингштадтом располагалось аббатство бенедиктинцев. Милосердные монахи пригрели осиротевшего мальчика, дали ему кров и тепло, кое-какие знания и навыки, а, заметив его склонности к рисованию, и первые уроки рисования. Известно, что в 1459–1460 годах Мемлинг жил в Брюсселе, где познакомился с выдающимся художником Рогиром ван дер Вейденом. Мастерская ван дер Вейдена была в то время настоящим центром искусства, где творил он сам и его преданные последователи. Здесь Мемлинг уже по-настоящему

освоил основы живописи. Ван дер Вейден оказал огромное влияние на юного подмастерья. В 1464 году, после смерти учителя, Мемлинг уехал из Брюсселя в Брюгге, открывает здесь мастерскую, а в 1465 году уже официально стал гражданином города. Способный художник не остался незамеченным, и с каждым годом заказчиков у него становилось все больше и больше: все работы он выполнял в срок, и его картины вполне отвечали вкусам почтенных бюргеров. У Мемлинга появились деньги, и в 1466 году он приобрел свой собственный дом, большой, кирпичный, на улице Синт-Йорис, в квартале, где жили живописцы и ювелиры, а в 1467 вступил в гильдию художников — гильдию Святого Луки. Более того, его приняли в братство «Снежной Богоматери», членами которого были представители сливок брюггского обще-

ства. Наверное, на собраниях этого братства и познакомился он со своими клиентами, которые с огромным удовольствием заказывали художнику портреты свои и своих домочадцев. Вскоре художник женился — его избранницей стала очаровательная Анна Валькенаре, дочь зажиточного бюргера Лодевейко де Валькенаре. Одного за другим она подарила обожаемому супругу троих сыновей — Яна, Корнелиса и Николаса.

Вот к такому художнику и пришел со своим заказом Анджело Та-

ни. Мемлинг согласился на эту работу — наверное, далеко не бедный Тани посулил ему хорошее вознаграждение, да и задача была интересная, ничего подобного он еще не делал. Мемлингу тогда еще не было и сорока, но он смог создать свое главное творение и шедевр мирового искусства — триптих «Страшный суд».

Художник изобразил на нем более 50 фигур. Эта красочная картина окрашена отнюдь не ужасом перед неизбежным судом Всевышнего,

*Рака
Святой
Урсулы*

«Поклонение волхвов», фрагмент

нет, автор скорее просит нас задуматься — а правильно ли мы живем, и словно говорит, еще есть время, еще можно что-то исправить. Ад у него страшен, но не очень, как-то картинно, и обнаженные тела грешников, легкие и грациозные даже в муках, словно образуют некую гирлянду. Рай же полон света, ярких красок, покоя и гармонии. И над всем этим — Бог — Высший Судья. К Его справедливости взывает Богородица, одетая в одежду фламандских вдов. К Божьему милосердию взывает и Иоанн Креститель, преклонивший колени справа от Христа. Ниже — святой Михаил держит весы, символ правосудия. Он взвешивает представших перед Судом, взвешивает их грехи. (Кстати,

коленипреклоненный человек на левой чаше весов имеет черты сходства с Томмазо Портинери — по видимому, он оказался на картине из желания Тани угодить влиятельному земляку.) С каким ужасом ожидают люди последнего приговора и с какой надеждой — вечного спасения! Мемлинг великолепно передал все эти чувства, обуревающие его персонажей. У этих людей обнажено не только тело, но и душа. У райских врат встречает праведников святой Петр, ангелы дают им полагающиеся их рангу одежды, а в верхней части тщательно выписанных врат сонмы ангелов, приветствуя их, играют на трубах или поют.

Современники художника высоко оценили эту работу. Но судьба

триптиха оказалась на редкость драматичной.

Итак, в 1473 году триптих, как и было задумано, отправлялся во Флоренцию. Вместе с грузами, также предназначенными для отправки в Италию, его погрузили на корабль «Святой Фома», зафрахтованный Томмазо Портинари. Корабль был английский, но ради конспирации шел под нейтральным, бургундским флагом. Однако доплыть до берегов Италии судну не удалось. В море на корабль напали ганзейцы, члены Ганзы, торгового и политического союза северо-немецких городов — тогда Ганза воевала с англичанами.

Причем на корабль с творением Мемлинга напал не какой-то заурядный пират, а знаменитый Пауль Бенеке. Слава этого ганзейского капитана была в те времена невероятной, да и судно, на котором он плывал, тоже было невероятно: каравелла «Петер Данцигский» по размерам почти вдвое превосходила другие суда Ганзы, а грузоподъемность ее доходила до 800 тонн.

Поначалу Бенеке жил вполне в русле законов — обеспечивал безопасность данцигских судов, плававших в Брюгге и дальше по Ла-Маншу. Но затем он стал попутно заниматься и каперством в самом Ла-Манше и у восточных и западных берегов Англии, чем солидно увеличивал размер своего жалования. Каперами называли людей, которые с разрешения верховной власти воюющего государства использовали вооруженное судно, дабы захватить

торговые корабли неприятеля, а порой — и нейтральных держав. Таким образом, каперство было своего рода узаконенным пиратством. Вот и Бенеке захватывал корабли и без всякой жалости уничтожал их экипаж. Ну а добычу он потом продавал — купцам города Данциг. Рассказывали, что однажды Паулю Бенеке даже удалось захватить судно, на котором находился сам король Англии Эдуард IV, бежавший в Нидерланды во время войны Алой и Белой розы.

Незадолго до Пасхи 1473 года Пауль Бенеке получил сведения, что из Брюгге отправляется в плавание большое парусное судно «Святой Фома» с богатым грузом на борту. Ну, как можно было упустить такую добычу, которая к тому же сама шла в руки! Капитан «Петера Данцигского» спокойно дождался, когда «Святой Фома» вошел в английские воды, а потом ринулся в атаку. Нападение капера оказалось неожиданным. Экипаж «Святого Фомы» вынужден был принять бой и потерпел поражение. Тринадцать матросов были убиты, а весь груз попал в руки пиратов. Чего тут только не было — и шелка, парча и бархат, и меха, и драгоценные камни, и пряности. А еще — две картины...

Дерзкое нападение на «Святого Фому» возмутило весь мир. Папа римский Сикст IV даже послал гданьским властям и Паулю Бенеке специальную буллу, в которой потребовал немедленно вернуть награбленное или хотя бы возместить убытки.

Однако слово главы Ватикана не возымело действия. Практически ничего пираты не вернули, не вернули они и картины, предназначенные для флорентийских церквей. Все трофеи Бенеке передал гданьским судовладельцам, хозяевам «Петера Данцигского», членам братства святого Георга Зидингхузену, Фаландту и Нидерхоффу. При этом одна картина бесследно исчезла (наверное, оказалась в какой-то частной коллекции), а вторую было решено установить в Гданьске, на алтаре церкви Георгиевского братства — купцы преподнесли ее в дар своему приходскому храму Святой Марии. (Позже триптих перенесли в капеллу святой Доротеи.)

Натюрморт.

Один из первых натюрмортов в истории живописи

Несчастному сеньору Анджело Тани ничего не оставалось, как только смириться с потерей своего триптиха. В 1480 году супруги Тани окончательно вернулись во Флоренцию, а в 1492 году их жизни оборвала чума — эпидемия этой страшной болезни разразилась тогда в столице Тосканы. Зато судьба Бенеке сложилась вполне благополучно. Сколотив немалое состояние, он спокойно отошел от своих беспокойных дел, поселился в родном городе и закончил жизнь уважаемым человеком, адмиралом Ганзейского союза. А триптих Мемлинга по-прежнему украшал гданьскую церковь. При этом «Страшный суд» был так хорош, что его приписывали Яну ван Эйку, знаменитому автору несравненного Гентского алтаря. Так, в 1616 году некто Бэтхер заявлял: «Триптих принадлежит ван Эйку. Он был создан в Брабанте в 1367 году и оценивается в десять тысяч марок». Но жителям Гданьска не так уж важно было знать имя создателя «Страшного суда», гораздо важнее было то, что они могли видеть эту красоту и, глядя на алтарь, размышлять о том, с чем предстанут на свой «последний суд»...

В начале XVII века в Гданьск приехал император Германии Рудольф II. Увидев «Страшный суд», он воспылал желанием его приобрести. Император был готов заплатить неслыханные по тем временам деньги — 40 тысяч талеров, но жители Гданьска не захотели лишиться картины, уже ставшей для них святыней, и отказали могущественному монарху.

Триптих «Воскресение с Мученичеством Святого Себастьяна и Вознесением»

А в марте 1716 года в Гданьск приехал другой император — русский, Петр I. Только что его армия одержала ряд важнейших побед, и ему казалось, что он всемогущ. Конечно же, Петра повели в Мариенкирхе, церковь Святой Марии, где с гордостью продемонстрировали гданьское чудо. Триптих Мемлинга русскому царю очень понравился. А то, что ему нравилось, должно было ему и принадлежать.

И вот спустя год в город прибыл князь Василий Долгорукий. Князь — опытный дипломат — умел разговаривать и уговаривать. Посмотрите, говорил он городским властям, в вашем лютеранском храме — като-

лическая картина. Зачем она вам? А мой государь готов заплатить за нее хорошие деньги. Если сделка состоится, она будет, к тому же, залогом добрых отношений между нашими народами... Переговоры тянулись и тянулись, и, в конце концов, князь получил уведомление, в котором говорилось: дело решенное, триптих остается в городе.

А в начале XIX века над триптихом снова сгустились тучи — уж очень он нравился европейским правителям, и старым, и новым. Наполеон, как и позже Гитлер, был одержим идеей создания супермузея имени себя. В этом деле ему помогал барон Доминик Виван Денон, назна-

«Страсти Христовы»

ченный на высокий пост генерального директора наполеоновского музея (Лувра). Сопровождая победоносную армию Наполеона во всех ее походах, барон Денон выбирал самое лучшее, что находил в соборах, дворцах, мэриях покоренных стран, и отправлял все эти сокровища в Париж. Надо сказать, вкус он имел отменный. Увидев в Гданьске (тогда город уже назывался Данцигом) работу Мемлинга, он сразу же оценил ее художественные достоинства и отправил в Лувр. Триптих по-прежнему считался творением ван Эйка, так и писали французы в каталогах.

Но в конце 1815 года, после Ватерлоо, Наполеона уже не волновал ни Лувр, ни награбленные шедевры. В Париж тут же устремились все те, кто хотел вернуть потерянные во время наполеоновских завоеваний

художественные ценности. Первыми среди них были посланцы Данцига, и первой картиной, покинувшей залы Лувра, стал мемлинговский «Страшный суд». Однако путь триптиха домой оказался не быстрый. Дело в том, что он очень понравился еще одному европейскому монарху — берлинскому правителю Фридриху Вильгельму III. Он тоже мечтал о своем грандиозном музее, и почему бы не украсить его коллекцию «Страшным судом»? Берлинские власти изо всех сил пытались уговорить представителей Данцига оставить триптих в Берлине — взамен им предлагали двадцать тысяч талеров, отличную копию «Сикстинской мадонны», а также три места для обучения художника, скульптора и архитектора, выходцев из Данцига. Но и у берлинцев ничего не получилось.

Данциг не хотел расставаться со своим сокровищем ни за какие деньги и блага. В 1816 года триптих вернулся в церковь Святой Марии.

А между тем «Страшным судом» заинтересовались серьезные историки и искусствоведы. Постепенно выяснилось, что его автор — совсем не ван Эйк, а другой, не менее замечательный художник, Ганс Мемлинг. Его личный знак был обнаружен на триптихе.

Ученые стали изучать другие его работы, понемногу прояснялись и детали биографии художника. Выяснилось, что жизнь Мемлинга, в отличие от судьбы его «Страшного суда», текла спокойно, без особых приключений. В 1468–1486 годах он был признан первым художником Брюгге. Среди его работ — замечательное «Обручение Святой Екатерины», поражающее богатством декора, обилием точных деталей и богатством палитры, «Поклонение волхвов» — несколько театральное, слегка застывшее изображение Девы Марии с младенцем Христом и волхвами, как бы парящими в пространстве. Потрясают душу верующего «Мария, поддерживающая мертвого Христа», знаменитая рака святой Урсулы и, конечно же, прекрасные портреты, на которых запечатлено лицо времени. Ганс Мемлинг умер 11 августа 1494 года, окруженный почетом, славой и любовью учеников. В соборе Брюгге его почитатели и просто друзья оплатили несколько месс за упокой души художника. Похоронили его в родном городе, в церкви святого Эгидия. Жители Брюгге помнят

своего знаменитого земляка — в его память названа одна из площадей города, а в центре установлен памятник с простой, лаконичной надписью: «Гансу Мемлингу — город Брюгге».

В 1934 году «Страшный суд» перенесли из капеллы Святой Доротеи в Рейнсгольдскапеллу — она лучше освещена. Казалось, уже больше никаких потрясений в жизни этого шедевра не будет. Но осенью 1944 года фашистский гауляйтер Данцига, без всякого, даже формального, разрешения городских и духовных властей города, приказал вынести триптих из церкви и спрятать его, а позже — вообще вывезти в Германию.

Уже после победы советские солдаты обнаружили его в одной из пещер Тюрингии, где немцы спрятали похищенные в Польше произведения искусства. Все это было отправлено в Ленинград, в Эрмитаж. Тяготы пребывания в подземной «тюрьме» не могли не сказаться на состоянии мемлинговского шедевра, а потому триптих отдали в руки реставраторов. Можно представить, как работникам Эрмитажа не хотелось расставаться с мемлинговским шедевром, но в 1956 году он был возвращен как жест доброй воли Польской республике, в Гданьск. Только теперь не в церковь святой Марии, а в музей — Поморский (ныне Национальный) музей. А в Рейнсгольдскапелле висит хорошо выполненная копия. Будем надеяться, что на этом приключения и странствия шедевра Мемлинга закончились, и теперь ему ничего не грозит... □

Скандально-сенсационную новость о бегстве великой Ингрид Бергман из семьи к своему любовнику, известному итальянскому режиссеру Роберто Росселлини, все ведущие газеты мира поместили даже выше сообщения о первом испытании атомной бомбы в Советском Союзе.

Драматические события жизни этой актрисы вполне могли бы стать основой сценария триллера, достойного номинации на «Оскар».

Валерия Быкова

Святая и грешная

Буквально в одночасье одна из признанных «королев Голливуда» теряет любовь и уважение миллионов американских зрителей, прежде боготворивших ее. Голливуд списывает ее со счетов. Однако проходит время, и эта удивительная женщина, подобно птице Феникс, возрождающейся из пепла, с триумфом возвращается в мировой кинематограф. Новый, третий по счету брак. Падения, взлеты...

Будущая звезда появилась на свет в Стокгольме, 29 августа 1915 года. Назвали ее в честь маленькой шведской принцессы, которой в ту пору исполнилось два года. Впрочем, скандинавская кровь текла только в жилах отца Ингрид, Юстуса Бергмана, а родиной матери была Германия. Чета Бергманов жила на редкость дружно. Иначе, наверное, и быть не могло. Ведь для того, чтобы соединить свои судьбы, Юстусу и Фридель пришлось ждать ... семь лет. Юстус, вдобавок, вынужден был расстаться со своим увлечением живописью и заняться бизнесом, в противном случае практичные родители невесты не выдали бы за него дочь.

Маленькая Ингрид жила пусть и не в королевском дворце, как ее тезка, но была окружена не меньшей заботой и любовью. Увы, не только принцессы в волшебных сказках рано теряют родителей. Ингрид не исполнилось и двух с половиной лет, когда ее мать внезапно скончалась от тяжелой болезни. Отец трогательно заботился о дочери, а его сестра Эллен полностью посвятила себя брату и племяннице, маленькая Ин-

грид даже называла ее мамой. Летом девочка гостила у родственников в Германии, и добрая тетя Эльза старалась выполнять все ее прихоти. Ингрид называла ее «тетя Мутти» — «тетя мама». Но эти две «мамы» разве могли заменить единственную, настоящую?

Только с отцом девочка чувствовала себя свободно и радостно. Юстус восхищался ее кристально чистым голоском и мечтал, что когда-нибудь она станет оперной дивой. Ингрид послушно занималась с учителем пения, но ее влекло совсем иное. Еще малышкой она с отцом устраивала настоящие представления и готова была изображать кого угодно — кошку или собаку, принцессу или полицейского, даже страшную ведьму. Постепенно репертуар, так же, как и аудитория, расширялся. Она уже читала стихи и выдуманные ею самой сценки. В семь лет ее отдали в самую престижную в Стокгольме гимназию. Надо сказать, что в школьные годы поведением и даже некоторыми физическими особенностями Ингрид удивительно напоминала свою зна-

менитую соотечественницу, Грету Гарбо, которая была старше ее на десять лет. Тот же панический страх перед математикой и географией, та же необъяснимая застенчивость во время ответов у доски. Здесь юная Бергман, пожалуй, даже «перещеголяла» Гарбо. Порой при сильном волнении ее пальцы распухали так, что она с трудом могла ими шевелить. Набухали губы и веки. К счастью, эти аллергические приступы довольно скоро исчезли.

Тринадцатилетняя Гарбо считала себя «неуклюжей длиннющей дылдой» при росте 167,5 см. Посмотрела бы она на Ингрид, с ее 175 см! Бедняжка тоже жутко комплексовала по этому поводу. Кстати, даже став звездой, Ингрид почти никогда не носила туфли на высоком каблуке.

В одиннадцать лет она впервые попала в театр и твердо решила стать актрисой. В школе никто не сомневался в осуществимости этого желания. На всех конкурсах декламации и самодеятельных спектаклях в школе Ингрид не знала себе равных. На сцене никаких признаков застенчивости она не испытывала.

За месяц до своего четырнадцатилетия девочка потеряла любимого отца, умершего от рака. Ингрид жила у родственников и после окончания гимназии с успехом сдала экзамены в Королевскую театральную академию. Ее феноменальная память, потрясающее трудолюбие и

безусловная одаренность удивляли даже выдавших виды преподавателей. В конце года Ингрид удостоилась невиданной для первокурсницы чести — ей дали роль в спектакле, в котором принимали участие выпускники и даже профессиональные актеры. Естественно, это вызвало зависть сверстников. Да еще какую! Например, один сокурсник подошел к ней на улице и ударил увесистым томом по голове. Ингрид, как оказалось, пострадала зря, роль у нее, под каким-то благовидным предлогом, все-таки отобрали. Впрочем, это не слишком огорчило ее. Она была молода и полна оптимизма. На нее заглядывались не только студенты, но и преподаватели. Теперь Ингрид уже не «гадкий утенок», а юная красавица, с великолепной гибкой фигурой и совершенно потрясающей кожей, игривая, темпераментная и ... очень влюбчивая. Она не на шутку увлеклась Эдвином Адольфсоном, весьма популярным в то время актером с импозантной мужественной внешностью. Впрочем, несмотря на присутствующий юности романтизм, Ингрид уже тогда отличалась завидной практичностью и понимала, что ее отношения с Эдвином не имеют будущего, у женатого актера явно не было серьезных намерений. Чего нельзя сказать о ее новом знакомом — медике Петере Линдстроме. Правда, поначалу ничто не предвещало бурного романа. Просто молодым людям нравилось проводить

время вместе. Они ходили по театрам, концертным залам, ездили на пикники. Петер был отменным пловцом, лыжником, велосипедистом. Стремление поддерживать спортивную форму стало у него едва ли не навязчивой идеей. Во время их туристических вылазок в его рюкзаке за плечами всегда лежало ... несколько кирпичей. Прошло не так уж много времени, и Петер неожиданно для себя понял, что не может

жить без Ингрид. Он восхищался ее красотой, талантом, живостью характера. Ингрид тоже искренне любила его, ведь он был не только привлекательным мужчиной, но и серьезным и надежным, как скала.

Летом 1934 года Ингрид во время летних каникул снялась в своем первом фильме — романтической комедии «Граф из Мункбро». Восторженные отзывы прессы вдохновили совсем молоденькую девушку.

Она оставила Академию и начала карьеру профессиональной актрисы. К двадцати трем годам на ее счету было уже одиннадцать фильмов. Эти ленты имели огромный успех. Кстати, рейтинг Бергман в эти годы в Швеции был выше, чем у Гарбо. Особенно выросла популярность Ингрид после выхода на экраны фильма «Интермеццо». Именно этой картине она обязана кардинальной перемене в своей судьбе.

Дело в том, что в Германии эта лента привлекла внимание самого министра пропаганды третьего Рейха, Й. Геббельса. По его инициативе Ингрид был предложен контракт на три картины. В начале 1938 года она приехала в Берлин. Уже замужней дамой. Их с Петером свадьба состоялась в июле 1937 года. Ингрид к моменту приезда в Германию находилась в «интересном положении», и, возможно, именно это об-

*С первым
мужем —
Петером
Линдстромом*

стоятельство избавило ее от «ухаживаний» Геббельса, который был куда как охоч до молодых красивых актрис и отказов не принимал.

До сих пор идут споры о том, поднимала ли Ингрид руку в нацистском приветствии на официальных церемониях. Сама она в автобиографии опровергает это. Может, и лукавит, но даже если и так, жест этот имел для нее лишь формальное значение. Ингрид никогда не была сторонницей нацистской

идеологии, впрочем, как и любой другой. Политика ее совершенно не интересовала. Главным для нее была работа, карьера.

После завершения контракта Ингрид вернулась в Стокгольм, и там в сентябре 1938 года у нее родилась дочь. Назвали ее Пиа. Петер, который на дух не принимал нацизм, сумел убедить Ингрид в том, что продолжать карьеру в Германии неразумно, тем более что благодаря тому же «Интермеццо»

*Со вторым
мужем —
Роберто
Росселлини*

Ингрид всерьез заинтересовались в Голливуде. Оставив полугодичную дочку с Петером, она отправилась в Штаты. Первая же встреча с известным продюсером Д. Селзником немало ее озадачила. Селзник был поражен ее ростом и не стал этого скрывать. Еще бы, ведь снимавшаяся в это время в его блокбастере «Унесенные ветром» Вивьен Ли казалась мышкой рядом с Бергман. Кроме того, брови Ингрид, по мнению продюсера, были чересчур уж густыми, а зубы отнюдь не идеальными для Голливуда. Однако

Ингрид держалась с такой уверенностью и апломбом, что Селзник решил не настаивать на изменениях в ее внешности. Позднее он признал правоту Ингрид, которая по сравнению с остальными голливудскими звездами, целиком зависящими от ухищрений косметологов и парикмахеров, выглядела на редкость естественно и гармонично. Ну а за великолепный цвет лица ее даже прозвали «скандинавской молочницей». Селзник сразу же недвусмысленно дал всем понять, какую ценность для его студии пред-

ставляет новая звезда. За свой первый фильм в Голливуде Ингрид получила в два раза больше, чем Вивьен Ли за свою Скарлетт. Вскоре Бергман стала одной из самых высокооплачиваемых актрис в Соединенных Штатах. В то же время она держала себя на редкость скромно. К примеру, очень беспокоилась по поводу расходов на ее костюмы. Если какое-то платье забраковывали, она просила переделать его, вместо того чтобы шить новое. Такого Голливуд еще не видел.

С первых дней совместной жизни с Петером Ингрид привыкла доверять его уму, пронизательности, знанию жизни. Он был ее главным советчиком по всем вопросам, связанным с финансовыми условиями, контрактами и тому подобным. Этим, однако, дело не ограничивалось. Петер привык контролировать жену даже в житейских мелочах. У них существовала целая система знаков, с помощью которых Петер, незаметно для посторонних, подсказывал Ингрид, как себя вести. К примеру, не давать воли аппетиту за столом, поменьше разговаривать и даже не морщить лоб. Ингрид, разумеется, была благодарна Петеру, тем не менее постепенно в ней зрело недовольство «диктаторскими» замашками мужа. Однако было бы большой ошибкой считать Ингрид этакой покорной беззащитной овечкой. Некоторые неплохо знавшие ее люди считали, что в важных вопросах не Ингрид «плясала под

дудку» мужа, а Петер озвучивал то, что умело подсказывала ему супруга. Так это или нет, сказать трудно, слишком уж противоречивы мнения очевидцев. Но то, что Ингрид превосходно знала психологию мужчин и умела мастерски манипулировать их поведением, факт безусловный. Причем, Петером, разумеется, здесь дело не ограничивалось. Обстоятельства первых нескольких лет супружества Ингрид складывались так, что она большую часть времени вынуждена была проводить вдали от семьи. Наверное, именно тогда их отношения с Петером и дали первую трещину. Дальше все пошло по нарастающей. Ингрид была красивой женщиной, к тому же актрисой, а не монашкой, поклонение мужчин было необходимо ей, как воздух. Она как-то призналась, что над картиной ей хорошо работается только, если она влюблена в своего партнера или режиссера. Всего Ингрид снялась в 45 картинах. Так что же, считать, что у нее было примерно сорок пять любовников? Или умножить эту цифру на два? Глупо, разумеется. Тем не менее, можно предположить, что список ее возлюбленных не был таким уж незначительным. Говорят, что во время съемок фильма «По ком звонит колокол» Ингрид была без ума от Гэри Купера. Что с ней были близки актеры Спенсер Трэси, Грегори Пек, Энтони Куин, режиссер «Унесенных ветром» Виктор Флеминг.

*С третьим мужем —
Ларсом Шмидтом*

Великий Альфред Хичкок, снявший Ингрид в нескольких фильмах, обожал ее. Уже в преклонном возрасте Хичкок утверждал, что как-то после ужина в его доме в Голливуде Ингрид поднялась в спальню и отказывалась уходить оттуда до тех пор, пока он не займется с ней любовью. Но Хичкок устоял. Скорее всего, он выдавал желаемое за действительность, ведь он так желал Ингрид, что, в конце концов, сам поверил в эту историю. Знаменитый режиссер не был героем ее романа. Далеко не красавец, к тому же, весил более ста пятидесяти килограммов. Впрочем... Разве мир женских фантазий не таит в себе удивительные загадки?

Вскоре после окончания Второй мировой войны Ингрид, в числе дру-

гих известных артистов, отправилась в Европу, в Париж, поднять настроение находившимся там американским солдатам. Уже одно ее появление вызывало бурю восторга. Правда, отрывки из драматических произведений, которые она читала, не очень-то интересовали молодых вояк. Однажды во время ее декламации подвыпившие солдаты принялись так топтать ногами, что Ингрид в слезах убежала за кулисы.

В Париже Бергман встретила человека, который оставил заметный след в ее жизни. Уроженец Венгрии, Роберт Капа, по справедливости считался одним из лучших американских военных фотокорреспондентов. Он был отважен и дерзок до безрассудства, обладал тонким умом и немалым шармом. Любовником он оказался потрясающим. Их отношения не ограничились «парижскими каникулами». В течение нескольких лет после этого Капа периодически встречался с Ингрид в Штатах. На этом ее романтические приключения в Европе не закончились. В Германии, куда она поехала после Парижа, Ингрид сблизилась с музыкантом — самородком Ларри Адлером. Ее всегда влекло к людям неординарным, недюжинного таланта.

В это трудно поверить, тем не менее весьма многочисленные любовные связи Ингрид оставались скрытыми от глаз широкой публики. Всезнающие голливудские журналисты молчали об этом, возмож-

но, не без «подсказки» владельцев крупных студий. Ведь в сознании рядовых зрителей образ Ингрид ассоциировался с ее героинями, женщинами преимущественно высоких нравственных идеалов, едва ли не святыми. Много писалось о счастливой и гармоничной семейной жизни Бергман. Как далеки от реально-

сти были эти публикации! Ингрид презирала себя за то, что не может уделять достаточно времени дочери, но ничего изменить не могла, да и не хотела. Работа и карьера всегда были у нее на первом месте. От Петера она все больше отдалялась и неоднократно просила мужа о разводе, но он всякий раз отвечал от-

*С дочерью
Изабеллой
Росселлини*

казом. Так продолжалось до тех пор, пока в ее жизни не появился Роберто ...

Приезд в Голливуд известного итальянского режиссера Роберто Росселлини всколыхнул всю жизнь Бергман. До этого она видела фильмы Росселлини, и они произвели на нее глубочайшее впечатление, особенно «Рим — открытый город». Личная же встреча с мэтром буквально потрясла актрису. Не то,

чтобы Росселлини был так уж красив. Отнюдь. Типичная внешность холеного итальянского сеньора средних лет. Но какой внутренний огонь и темперамент в нем чувствовались! Как он умел очаровывать женщин! Последней его пассией была великолепная Анна Маньяни. Ее-то место Ингрид и заняла, приехав вскоре в Италию для участия в съемках фильма «Стромболи». «Римские каникулы» были беспо-

добны. Посещения музеев, концертов, встреча с друзьями Роберто — Феллини и его женой Мазиной. Зато сами съемки на диком каменистом острове Стромболи проходили в невероятно трудных условиях. Отсутствовали элементарные бытовые удобства. Вдобавок, кроме Ингрид профессиональных актеров в фильме не было, все роли исполняли местные рыбаки и крестьяне. Так Роберто воплощал в жизнь принципы реализма. В разгар съемок в Италию приехал Петер. Его встреча с Ингрид произошла на Сицилии. Перед этим свиданием Роберто предупредил Ингрид, если она не вернется к мужу, он на своей спортивной машине на огромной скорости врежется в дерево... Разговаривая с Петером, Ингрид с тревогой прислушивалась к реву мощного красного «феррари», который зловеще кружил вокруг отеля. Встреча закончилась ничем. Петер снова отказал жене в разводе. Ингрид удалось получить свободу только после рождения маленького Робертино. К тому времени все газеты уже смаковали скандальные подробности «любви по-итальянски». Римские репортеры проявляли чудеса изобретательности, пытаясь сфотографировать мать и новорожденного. Они срывались с карнизов и водосточных труб здания клиники, осатаневшие карабинеры ловили их в коридорах и переходах ...

Еще сильнее бушевали страсти по другую сторону Атлантики. Ин-

грид, оставившую семью ради любовника, обвиняли в разврате и других смертных грехах. Ее клеймили позором даже в Сенате. Рядовые зрители чувствовали себя обманутыми. Оказывается, их безбожно дуррачили все эти годы. Ингрид Бергман вовсе не была святой. Какое же право она имела играть роли добродетельных женщин и даже, страшно сказать, роль самой «Орлеанской девы»? Фильм «Жанна д'Арк», незадолго до того вышедший на экран, бойкотировался во многих городах Штатов.

Актрису все это, безусловно, очень огорчало. Но она жила своей любовью к Роберто. У них родились девочки-близняшки, Изотта и Изабелла. Ингрид с трудом добилась у Петера разрешения для Пиа погостить у нее. Но контакт между матерью и дочерью был утерян, и ей так и не удалось полностью вернуть любовь Пиа.

Между тем, отношения между Ингрид и Роберто стали ухудшаться. Роберто практически не снимал жену и в то же время не разрешал ей работать с другими режиссерами. Он был ревнив, но сам не стеснялся вступать в связи с другими женщинами. Раздражала Ингрид и безалаберность мужа, который вел жизнь явно не по средствам, залезая в огромные долги. Никакие угрозы на Роберто не действовали, и у нее постепенно укреплялось желание изменить свою жизнь. Последней каплей стал скандал, про-

исшедший с Росселлини в Индии, где он снимал документальный фильм. Роберто соблазнил жену известного индийского продюсера, двадцатисемилетнюю красавицу Со-нали Дас Гупта. Забеременевшая индианка приехала вместе с ним в Париж, и Ингрид немедленно потребовала у мужа развод.

К этому времени она уже закончила сниматься в фильме «Анастасия». Эта картина о судьбе женщины, которая выдавала себя за дочь последнего русского императора Николая II, вернула Бергман репутацию великой актрисы. Ну а зрители, знавшие об испытаниях, выпавших на ее долю в последние годы, вернули ей свою любовь.

В 1957 году Ингрид получила за этот фильм свой второй «Оскар». Позднее ее наградили и третьей почетной статуэткой. В 1977 году за роль в фильме «Осенняя соната» Бергман в седьмой по счету раз номинировали на «Оскар». К сожалению, вполне заслуженную награду она тогда не получила. (А ведь в случае успеха стала бы единственным человеком, удостоенным четырех «Оскаров».)

После «Анастасии» Бергман продолжала много сниматься и играть в драматических театрах Европы. Она познакомилась и сблизилась со шведским продюсером Ларсом Шмидтом. Они зарегистрировали свой брак в Лондоне, в декабре 1958 года. Это не было похоже на бешеную страсть, которая бросила ее в

объятия Росселлини, но их объединяла любовь к творчеству, сходные жизненные идеалы. К сожалению, этого оказалось недостаточно для прочного счастья. Ингрид по-прежнему много работала, и ее частые отлучки сыграли роковую роль. Ларс встретил и полюбил другую женщину, родившую ему сына. Брак с Ингрид распался, но Ларс до конца оставался ее верным и преданным другом.

Бергман обладала поистине железным здоровьем, и за всю жизнь болела считанное число раз. Однако с середины семидесятых что-то разладилось в ее организме. Ей были сделаны две операции по поводу рака груди и удалили опухоль на лимфатическом узле. Она мужественно перенесла несколько мучительных курсов химиотерапии. Дети стали совсем взрослыми людьми и, как могли, поддерживали ее. Кстати, именно тогда Изабелла вышла замуж за режиссера Мартина Скорцезе. Несмотря на то, что болезнь не отступала, Ингрид находила в себе силы работать над мемуарами. А в 1981 году она совершила настоящий подвиг — сыграла в телевизионном фильме роль премьер-министра Израиля Голды Меир. Та умерла за три года до этого, тоже от рака.

Ингрид Бергман не стало 29 августа 1982 года, в день ее 67-летия. Незадолго до смерти она несколько раз заговаривала с друзьями «о большом театре в небесах». Верила ли она, что Великий Режиссер отнесется к ней снисходительно? Кто знает ... □

Дочь Якутии

...сгораю я, покрывшись золой...

Наталья Харлампыева

Сгорает... И золой покрывшись,
Как странница, вослед седым
 ветрам,
В оболоченье — в пепельном,
 в застывшем,
Идет снегами к родовым кострам.

И гривой —
Прародительница рода
Над ней венчает белый чупчуур...
И воскресая, для Саха-народа
Она несет в стихах —
 лугов качму.

Оленья кожа тлеет на запястьях...
Огонь еще чернеет в волосах...
Но ей уже Три Белых Птицы —
 платье
Несут степями, тундрой на крылах.

И коновязью — строки ее песен...
Кумысом — окропляя небосвод,
У родовых костров — она
 воскреснет,
И здесь же ее время обожжет.

Марина Новикова

Рождество

Светел месяц, свет свечи,
Синева и вьюга,
Рождество идет в ночи,
Замерла округа.

Ярко осветил порог
Месяц тихий, лунный,

Знаю, верю — с нами Бог,
Скрип снежинок струнный.

Меж сплетения дорог,
Через перекрестья,
Вижу я — среди нас Бог,
Звон церковной песни.

Юрий Лопусов

УРОКИ АНГЛИЙСКОГО

(Новогоднее приключение
«большого советского поэта»
в Америке)

Эту историю рассказала мне Фрида Лурье, сопровождавшая двух известных русских поэтов — Михаила Луконина и Сергея Наровчатова в поездке по Америке. В годы расцвета застоя она была сотрудницей Иностранной комиссии Союза писателей СССР и по праву считалась одной из самых лучших переводчиц английского языка.

Английский язык — это очень коварная штука, если к нему относиться серьезно. Он отмечен непостижимой лингвистической запутанностью. Одно слово может иметь до десятка различных значений, смысл которых становится понятен только в контексте предложения. Пожалуй, ни один язык с такой точностью не отражает сложность характера нации, как английский. Внешне англичанин — это воплощение аристократического лоска, высокой культуры и сдержанности. А внутри, как в русской матрешке — черт сидит на черте и чертом погоняет. И все скрыто под маской абсолютной непроницаемости. Умение владеть собой — национальное достояние англичан. Вот почему они считают нас, русских, дикарями. Но сдается мне, что Всевышнему гораздо больше по душе русская прямота, открытость и бесшабашность. Но это мое личное заблуждение.

Фрида Лурье относилась к английскому языку с чрезмерной серьезностью и поплатилась за это. Коварный английский язык был настолько непостижим в своей лингвистической многосложности и так фантастически

огромен, что высушил все мозги прекрасной переводчицы, лишив ее всякого воображения и способности что-то приукрашивать. Она говорила правду и только правду. Я это говорю к тому, что в этом рассказе нет ни грана вымысла. Если бы эту историю рассказывал я, то, при моей природной склонности к фантазии и преувеличению, читатель получил бы роскошный пирог впечатлений. А в данном случае ему придется довольствоваться сухой корочкой некоторых фактов из рядовой поездки двух русских писателей в Америку. И чтобы завершить свое коротенькое эссе по некоторым странностям английского языка, хочу предупредить мужчин, склонных к любовным приключениям: никогда не пытайтесь обольстить женщину-переводчицу. Вы будете разочарованы. Она ни при каких обстоятельствах не изменит своему идолу — английскому языку. Даже во время близости она будет подбирать русский синоним к одному из английских слов. Это говорю вам я — человек, вот уже больше десяти лет живущий в клетке священного брака с учительницей английского языка.

Однако вернемся к главному герою нашего рассказа. Михаил Луконин — знаменитый поэт военного поколения и мой старший коллега по работе в Секретариате Союза писателей СССР в благословенные брежневские времена. Он родился в маленьком рыбацьем поселке, приютившемся в низовьях Волги. Лучшие годы своей молодости будущий поэт провел на пристанях Астрахани, разгружая баржи, приходившие в астраханский порт с севера России с самыми различными грузами. Из Астрахани торговые суда уходили в обратный путь, загрузив свои трюмы громадными бочками с черной икрой и тоннами рыбы ценнейших осетровых пород. Грузчики работали и днем, и ночью, поскольку от срочности доставки зависела свежесть ценного груза.

Позднее Луконин рассказывал мне, что за час погрузки работяги получали в среднем по пятьдесят копеек. Закончив погрузку баржи, грузчики ложились вповалку прямо на пристани под дощатый навес и спали в ожидании новой работы, повесив на большой палец ноги бирку с обозначением цены за разгрузку баржи. Особым спросом пользовались мужики, обладавшие громадной физической силой. На ноге этих силачей, спавших под навесом, висела бирка с надписью: «Меньше рубля не будить».

Волжская закваска, настоенная на горячих ветрах астраханской вольницы, где больше всего ценились прямота человека и чувство собственного достоинства, сформировала характер Луконина — истинного волжанина, бесстрашного бойца за справедливость, потомка бесшабашных приволжских казаков. Он никогда не боялся сказать правду высокому начальству и при случае умел отстоять ее, пуская в ход свои пудовые кулаки. Перед самой войной он перебрался в Москву и, не имея никакого образования, трудился

на арене цирка, бросая вверх тяжелые гири и ловя их не руками, а подставляя под них собственную шею, что вызывало восторг публики. Потом он увлекся боксом и был спарринг-партнером знаменитого Королева — чемпиона СССР в тяжелом весе.

Неожиданно его настигла большая любовь, которая оказалась неразделенной. В припадке отчаяния он написал даме своего сердца стихи, которые, по чистой случайности, были напечатаны. Узнав, что за стихи дают деньги, он, как рачительный хозяин, резко изменил легкомысленное отношение к своему таланту и решил стать поэтом. Однако война перечеркнула его честолюбивые планы.

Война не только закалила его, но и придала его поэзии силу высокой гражданственности. В 1943 году, в разгар войны, всю страну облетели знаменитые строки стихотворения Михаила Луконина, обеспокоенного тем, что война ожесточает человека и выжигает в нем сострадание и милосердие: «Уж лучше вернуться с пустым рукавом, чем с пустой душой...» Так он стал профессиональным поэтом.

Но вернемся к американской поездке, которая пришлась как раз на Новый, 1982-й, год. Праздничный вечерний Нью-Йорк встретил двух русских поэтов морем огней. Их разместили в одном из престижных отелей, в прекрасном номере, напичканном всякой аппаратурой, назначение которой было неясно представителям другой цивилизации. Даже в туалете им пришлось провести немало времени, чтобы понять, как работает эта проклятая техника. Русские поэты были поражены маниакальным стремлением американцев максимально усложнять самые простые вещи, не требующие такой технической замысловатости.

Вскоре в номере появились два джентльмена в одинаковых серых костюмах и одинакового покроя шляпах. Это были служащие советского посольства в Нью-Йорке, которые строго предупредили: из отеля после одиннадцати вечера не выходить, так как в это позднее время в городе мародерствуют гангстеры и, угрожая пистолетом, отбирают кошельки у незадачливых американцев.

Луконин, который в юности разгружал баржи на волжских пристанях и лучшие свои годы провел в ночных кабаках Астрахани, где поножовщина была самым обычным способом разрешения профессиональных споров среди рыбаков, горел желанием познакомиться с лучшими представителями подпольного бизнеса в Америке.

— Если меня не убили ни в ночных кабаках Астрахани, — сказал он, — ни на полях Великой Отечественной, Бог не допустит, чтобы я погиб от рук примитивных американских гангстеров. Я уверен, что Бог не опустится до такой пошлой концовки сценария моей жизни.

Он решил прогуляться по ночному Нью-Йорку и предложил своим коллегам присоединиться к нему. Сергей Наровчатов, отличавшийся большой осторожностью, не захотел рисковать. Он уселся перед экраном громадного телевизора, которых еще не было в его далекой Родине, и пожелал Луконину неординарных впечатлений, вложив в свое пожелание изрядную порцию сарказма.

Фрида почему-то поверила смелому волжанину, за плечами которого была Вторая мировая война и ночные кабаки Астрахани. Она сказала, что идет гулять по ночному Нью-Йорку с истинным джентльменом, который не позволит каким-то грубым гангстерам прикоснуться к телу советской женщины, обладающей самым передовым коммунистическим мировоззрением. При этом даже кокетливо передернула плечиком, словно демонстрируя свое презрение к американским мафиози, зарабатывающим свой хлеб столь рискованным способом. За свои многочисленные командировки по разным странам в составе писательских делегаций в качестве переводчицы она ни разу не встречалась с живыми гангстерами, которых видела только в кино, и теперь жаждала визуализировать свои киношные впечатления.

Еще в самолете Луконин сделал смелую попытку изучить английский язык. Он попросил Фриду назвать ему три самых употребительных слова на английском языке. Фрида, подумав, назвала три заветных слова: рашен, мани, сори. Луконин весь полет изнурял свой мозг, пытаясь запомнить эту словесную триаду. У него была очень плохая память на иностранные языки. Он любил повторять цитату из дневников Достоевского: «Русскому человеку этнически не свойственно запоминание чужих языков по причине беспредельности пространств русского государства и неисчерпаемости богатств русской земли. Три нации не знают чужих языков — персы, китайцы и русские».

Из немецкого языка Луконин помнил только два выражения: «хенде хох» и «Гитлер капут». Кстати, опыт минувшей войны показал, что этих двух выражений ему вполне хватило для того, чтобы объясняться с немцами на их родном языке. Вот почему он был абсолютно уверен, что три английских слова, которые он выучил в самолете, полностью исчерпывают все многообразие американского образа жизни. Фрида долго смеялась над его заблуждением, но правда оказалась на стороне поэта.

Когда два советских авантюриста вышли из отеля, чтобы познакомиться с ночной жизнью Нью-Йорка, их поразило безлюдье городских улиц. Но они продолжали свое путешествие, надеясь на милость Бога и мифическое русское «авось». А потом случилось то, что должно было случиться. На одной из пустынных улиц города из черного чрева высокой арки выскочил темнокожий громила, в лапах которого шестизарядный кольт,

матово поблескивавший в лучах луны, казался детской игрушкой. Он приставил пистолет к широкой груди поэта и произнес первое, уже известное Луконину слово: «Мани!»

Бедная Фрида вместо того, чтобы блеснуть знанием английского языка, пискнула: «Ой! — и грохнулась на землю. Луконин, не обращая ни малейшего внимания на громилу, склонился над бесчувственным телом талантливой переводчицы, снял свою шляпу и подложил бедняжке под голову, чтобы ей было не слишком скучно лежать на гостеприимной американской земле. Потом встал в свой полный рост, почти достав головой до ременной пряжки на брюках черного гиганта, и заорал на стоящую перед ним скалу во всю мощь своего голоса, перемежая каждое слово благородным русским матом:

— Слушай меня... Я — русский солдат! Я защищал Сталинград! Я брал Берлин! Мы, русские, истекали кровью, когда вы, американцы, давились виски, посылая нам по ленд-лизу гнилой яичный порошок в обмен на нашу кровь. Я не боялся фашистов, а тебя, ... утрепище, я видал в гробу в дешевых белых тапках. Понял?!

Ярость Луконина была столь велика, что гангстер опешил. Потом его что-то осенило. Слова «Сталинград» и «Берлин» вызвали в его памяти давно забытые детские ассоциации. Он опустил пистолет и радостно произнес второе слово, которое также было известно Луконину:

— Рашен!

Гангстер сунул пистолет в карман черного плаща и, явно смущаясь, словно провинившийся мальчишка, произнес третье слово, исчерпав таким образом весь запас английских слов из арсенала русского поэта:

— Сори!

После чего широко улыбнулся и протянул Луконину свою громадную клешню в знак примирения. Бывший циркач-гиревик сжал эту лапу с такой силой, что славный потомок африканских рабов охнул и замотал в воздухе ладонью, стараясь унять возникшую боль. Он смотрел на русского с явным обожанием, в его глазах светилось восхищение. Слово «рашен» наполнилось для него совершенно новым смыслом. Потом гангстер нагнулся над распростертым телом лучшей переводчицы английского языка и произнес тихим проникновенным голосом:

— Сори, рашен миссис.

Услышав родную речь, Фрида радостно открыла глаза, но, увидев перед собой образ живого дьявола, сошедшего с церковной фрески под названием «Ад», снова закрыла свои прекрасные очи и приготовилась к смерти.

Посчитав, что обряд извинения завершен, гангстер развернулся и быстрым шагом пошел прочь, опасаясь то ли свирепого вида русского мужи-

ка, то ли крупного международного скандала. А Луконин и Фрида, едва оправившись от ночного потрясения, благоразумно вернулись в свой отель, чтобы никогда больше не искушать эту непредсказуемую особу — свою судьбу.

Вот так благополучно, в стиле рождественской сказки закончилось новогоднее приключение русского поэта Луконина в Америке. Встреча с чернокожим гангстером еще раз убедила его в том, что знания трех слов на английском языке вполне достаточно, чтобы решить самые опасные конфликты в загнивающей Америке. Все дело, решил он, в эмоциональной окраске произносимых английских слов.

Перед самой поездкой в Америку я просил Луконина черкнуть пару строк о своих первых впечатлениях. Так сказать, для истории. Мой старший товарищ не забыл своего обещания. Примерно через неделю я получил конверт с американскими марками. В конверте было коротенькое письмецо и открытка с изображением висячего моста через Гудзон. Луконин писал:

«Запомни, мой дорогой друг, нет на земле места прекрасней, чем Россия. Это чувство испытываешь особенно остро, когда находишься за границей. Америка, конечно, впечатляет. Небоскребы, нависающие над головой. Длиннющие улицы, продуваемые ветром. Помпезные здания, поражающие воображение. Очень много громадных открытых пространств. Но нет уюта тихих московских улиц, и я нигде не нашел маленького заветного местечка, куда могла бы причалить тоскующая русская душа.

Американцы пьют только виски. Русская водка стоит здесь очень дорого. Для американцев это — иностранный продукт. Денег у нас нет. Все потратили на подарки. Ходим трезвые и злые. Организм недоумевает, почему мы лишили его привычной русской дозы — два стакана водки за один присест. Представляешь, сколько придется пить, вернувшись на Родину, чтобы наверстать упущенное.

Передай всем нашим товарищам мои поздравления с Новым годом. Как говорят моряки, крепко жму «краба». До встречи в Москве. Из Америки с любовью — Михаил Луконин».

Вот такая история. □

«Снежный» гусь

На прибрежных просторах Эссекса, между местечком Челмбери и старым рыбацким поселком Уикелдрот простираются Великие Топи. Дикая местность, один из последних, нетронутых человеком, уголков Англии. Обширные земли, поросшие травой и камышом, вблизи беспокойного моря сменяются солончаками, илистыми отмелями и небольшими водоемами, заполняемыми во время прилива.

Маленькие болотца и устья извилистых речушек прорезают этот край, который словно дышит, опускаясь и вздымаясь во время приливов и отливов. Суровая и пустынная местность, где одиночество ощущается особенно остро, а в воздухе слышны крики птиц, которые селятся на болотах. Кроншнепы, травники, чайки, дикие гуси и утки бродят по топям и ищут пищу в прибрежных водоемах. Здесь вы не встретите людей, разве что местного птицелова или рыбака, собирающего устриц, их промысел не изменялся со времен норманнского завоевания.

В зимние дни холодное, темное небо отражается в прибрежных водах и болотах, и все вокруг окрашено в серые, синие, светло-зеленые цвета. Но бывают моменты, когда небеса на закате или рассвете объяты пламенем, и розово-золотой свет заливают землю.

Рядом с притоком извилистой речушки Элдер расположена старая дамба, которая защищает сушу от жадного моря. Она вдается в глубь солончаков на три мили от Ла-Манша и потом поворачивает на север. В этом месте стена разрушена, и в образовавшуюся брешь врывается море, затопляя все на своем пути.

«Снежный» гусь

Кое-где над водой выступают камни, словно буйки, указывающие на развалины старого маяка. Когда-то он освещал сигнальными огнями побережье Эссекса, но потом время изменило лик суши и моря, и маяк стал никому не нужен.

Не так давно в нем жил одинокий человек. Несмотря на то, что тело его было искалечено, в его душе жила любовь к диким и затравленным существам. Несмотря на свою уродливость, он творил прекрасное. Именно о нем и о девочке, сумевшей разглядеть то, что скрывалось за отталкивающей внешностью, написана эта история.

Не так-то просто рассказать ее целиком, от самого начала до конца. События, о которых пойдет речь, были взяты из разных источников, записаны со слов разных людей. Море поглотило те места, а большая белая птица, которая знала всю правду, вернулась в страну белого безмолвия.

В конце весны 1930 года на заброшенном маяке в устье реки Элдер поселился Филипп Райадер. Он купил не только маяк, но и прилегающие к нему обширные болота и солончаки.

Круглый год он жил и трудился там, находясь в полном одиночестве. Филипп Райадер был художником и рисовал природу и птиц. Он неспроста сторонился людей: раз в две недели Филипп приходил в Челмбери за продуктами, и местные жители косо смотрели на его уродливый горб, худую изуродованную руку, которая была вывернута в запястье, словно птичья лапа.

Однако вскоре они привыкли к «этому странному художнику с маяка» — невысокому, но крепкому мужчине с горбом, искривленной рукой и сверкающими глазами.

Райадер привык к собственному уродству, но страдал от насмешек людей. Он жил отшельником, потому что его чуткость и доброта не нашли отклик со стороны окружающих. Ему было двадцать семь лет, когда он поселился на Великих Топях. До этого Филипп Райадер много путешество-

вал и отчаянно сражался с предрассудками, но потом понял, что люди никогда не примут его, и решил жить в уединении. И все же он оставался обычным человеком, только с тонким восприятием мира и чуть ли не с женской чуткостью.

Его одиночество скрашивали птицы, живопись и лодка, на которой он ходил с потрясающим мастерством. Вдали от любопытных глаз ловко управлял своим суденышком, помогая себе искривленной рукой, и даже пускал в ход зубы, чтобы удержать парус при порывистом ветре.

Он плавал в прибрежных водоемах и речках, выходил на несколько дней в море, пытаясь сфотографировать или зарисовать новые виды пернатых. Филипп научился ставить силки на птиц, и потом они жили у него в вольере рядом с мастерской, которая была святой святых его прибежища. Он никогда не стрелял в них, а птицеловы обходили его владения стороной.

В вольерах жило много ручных птиц: гуси из Исландии и со Шпицбергена, которые прилетали большими, шумными стаями в октябре, белошекие казарки с темными грудками и с черно-белыми полосками на крыльях, кряквы и чирки.

У некоторых из них были подрезаны крылья, и они жили у него круглый год, чтобы дикие птицы знали, где можно найти приют и корм.

Сотни птиц зимовали с ним, а весной улетали гнездиться на север. Райадер был рад думать, что, когда бушуют шторма, стоят сильные морозы или вдали стреляют охотники, его птицы в безопасности. Эту заповедную землю он создал не только своими руками, но и вложил в нее душу, птицы знали это и доверяли ему.

Весной они улетали, внимая голосу природы, но осенью снова возвращались сюда. Осенний воздух наполнялся гоготом и курлыканьем, птицы кружили над старым маяком и опускались, чтобы опять погостить у него. Многих птиц Филипп Райадер помнил еще с прошлых зим.

Другой его страстью была живопись. Он любил рисовать этот дикий край и его обитателей. Но до нас дошли лишь немногие из его картин. Райадер ревностно оберегал свои творения и хранил их у себя на маяке. Будучи художником, он стремился к совершенству, поэтому многие свои картины считал слабыми.

Но те, что сохранились — настоящие шедевры. Они наполнены светом и красками прибрежных вод, ощущением полета и шумом крыльев, рассекающих утренний ветер. Он смог передать одиночество и запах соли, бесконечность вековых топей и шепот камыша на ветру, пугливых зверьков и птиц, что прячутся от лунного света.

Однажды в ноябре на маяк, где Филипп Райадер жил уже три года, пришла девочка. Она пришла по дамбе, неся на руках свою ношу.

«Снежный» гусь

Ей было лет двенадцать, худенькая, чумазая и робкая, словно птица, светловолосая и с глазами фиалкового цвета, она была похожа на болотную фею.

Девочка ужасно боялась Райадера, ведь о нем ходили разные слухи, а местные птицеловы ненавидели его за то, что он мешал их промыслу.

Но, как бы ни силен был ее страх, она все же пришла на маяк, потому что, как и местные жители, верила: этот мрачный и нелюдимый человек может чудесным образом лечить раненых существ.

До этого она никогда не видела Райадера и чуть не убежала, когда Филипп, услышав ее шаги, показался в дверях студии — темная фигура с бородой, жутким горбом и скрюченной рукой.

— Что случилось, девочка? — спросил он. Его голос был глубоким и мягким.

Она стояла неподвижно, но затем неуверенно шагнула вперед, держа на руках большую белую птицу. На белоснежном оперении неподвижной птицы и на одежде самой девочки виднелись пятна крови.

Девочка передала птицу Райадеру:

— Я ее нашла, сэр. Ее ранили. Но она жива, да?

— Думаю, да. Входи, девочка.

Филипп понес птицу в дом, положил ее на стол, та слабо шевельнулась. Любопытство пересилило страх, и девочка тоже вошла в комнату. Внутри было тепло от пылающего камина, а на стенах висело много картин.

Птица беспокойно забила крыльями. Здоровой рукой Райадер расправил ее большое белое крыло с черной каймой и удивленно посмотрел на девочку:

— Где ты нашла ее?

— На болотах, сэр, где ходили охотники. А что это за птица?

— Это белый гусь, они обитают в Канаде. Вот только как он попал сюда?

Похоже, слово «Канада» девочке ни о чем не говорило, ее фиолетовые глаза были прикованы к раненой птице.

— Вы ее спасете, сэръ? — спросила она.

— Да, да, — ответил Райадер. — Давай, ты мне поможешь.

Он взял лежащие на полке ножницы и бинты для накладывания шины и стал ловко орудовать ими, помогая себе больной рукой.

— Бедняжку подстрелили, у нее сломана лапка и слегка подбито крыло. Мы подрежем ей маховые перья, чтобы наложить повязку, вот так, видишь? Весной перья у нее отрастут, и она снова сможет летать. Крыло мы прибинтуем к туловищу, чтобы она не раскрывала его, пока все не срастется, потом наложим шину на лапу.

Позабыв свои страхи, девочка зачарованно следила за его умелой работой, кроме того, он рассказал ей удивительную сказку.

Птице было не больше года. Она родилась в далекой северной стране за океаном, которая принадлежит Англии. Пытаясь спастись от снега и ледяного холода, она полетела на юг, но попала в ужасную бурю. Ветер был сильнее ее крыльев, он схватил бедняжку и закружил, бросая из стороны в сторону. Несколько дней и ночей птица не могла вырваться из этого плена, пока, наконец, буря не ослабила свою хватку. Природное чутье снова направило ее на юг, и она попала в неизведанные земли, где летали чужие птицы, и решила опуститься на вольготно раскинувшиеся зеленые просторы, но попала под пули охотников.

— Неподобающий прием для прилетевшей с визитом принцессы, — добавил в заключение Райадер. — Мы назовем ее «La Princesse Perdue» — Заблудившаяся Принцесса. Она скоро пойдет на поправку. Смотри!

Он достал из кармана горсть зерна и поднес ладонь к клюву птицы — та сразу же открыла свои круглые желтые глаза и принялась клевать.

Девочка радостно засмеялась, но, вспомнив, где она находится, побежала из комнаты, не сказав ни слова.

— Подожди! Подожди! — закричал Райадер, бросившись к двери, но остановился на пороге, где дверная рама словно обрамляла его мрачную фигуру. Девочка уже бежала по дамбе, услышав его, она оглянулась, и Филипп прокричал:

— Как тебя зовут?

— Фрит.

— Как? — переспросил Райадер. — Фрита, наверное? Где ты живешь?

— В Уикелдроте, где живут рыбаки, — ответила она с местным акцентом.

— Придешь завтра посмотреть на Принцессу?

Девочка стояла в нерешительности, и снова Райадер вспомнил птиц, которые при опасности замирают на долю секунды, прежде чем расправить крылья и взлететь.

«Снежный» гусь

Но затем до него долетел ее тоненький голосок: «Да!»

Она побежала, и ее светлые волосы развевались на ветру.

«Снежный» гусь быстро поправлялся, и к середине зимы уже ходил, прихрамывая, вместе с другими птицами по вольеру, он научился спешить на голос Райадера, зная, что тот будет их кормить. А девочка по имени Фрита, или Фрит, как она сама себя называла, стала часто приходить на маяк. Она уже не боялась Райадера. Ее воображение наполнила необыкновенная снежно-белая принцесса из далекой страны за морем. Фрита видела эту страну на карте, которую ей показал Райадер. По ней они вместе проследили путь, по которому сквозь шторма птица прилетела из родной Канады — розового пятна на карте — до их Великой Топи.

Однажды в июне стая откормившихся за зиму гусей поднялась в утреннее небо, отвечая зову далеких земель, и стала медленно кружить в воздухе. В лучах летнего солнца засверкали белые, с черной каймой, крылья. «Снежный» гусь улетал вместе с ними. В тот момент Фрит была на маяке, и на ее крик из студии прибежал Райадер.

— Смотрите! Наша Принцесса! Неужели она улетит с ними? — спросила девочка.

— Ага, — ответил он, незаметно для себя копируя ее манеру речи. — Принцесса возвращается домой. Слышишь? Она говорит нам «до свидания».

Небо огласилось печальным гоготом, но звонкий и отчетливый клик «снежного» гуся преобладал над всеми остальными. Птицы выстроились клином и полетели на север, постепенно становясь все меньше и меньше, пока совсем не исчезли из виду...

«Снежный» гусь улетел, и Фрит перестала приходить на маяк. И Райадер снова узнал, что такое одиночество.

В то лето он по памяти нарисовал портрет худенькой девочки: на руках она держала раненую белую птицу, и осенний ветер трепал ее светлые волосы.

Но в середине октября случилось чудо. Райадер кормил птиц в вольере. Дул холодный северный ветер, земля вздыхала, предчувствуя надвигающийся прилив. В шуме ветра и моря он уловил звонкий птичий призыв. Сначала Филипп увидел лишь огромную стаю птиц, но вот в вечернем небе мелькнули белые, с черной каймой, крылья. Белоснежное видение сделало круг над маяком и опустилось во дворе. И вот уже «снежный» гусь собственной персоной важно зашагал к Райадеру, словно никуда и не улетал, и ждал, когда его покормят. «Снежный» гусь! Разве можно его не узнать?! Слезы радости блеснули в глазах Райадера. Где же он был? Конечно, не в Канаде, должно быть, он провел лето в Гренландии или на Шпицбергене вместе с другими гусями. Но он вернулся, помня о Райадере и его прибежище.

Когда Райадер в следующий раз пошел за покупками в Челмбери, он попросил начальницу почтового отделения передать Фрите его слова, которые привели женщину в полное недоумение. «Скажите Фрит из Уикелдрота, что Заблудившаяся Принцесса вернулась».

Три дня спустя Фрит, повзрослевшая, но такая же робкая и растрепанная, пришла на маяк, чтобы навестить *La Princesse Perdue*.

Время не стояло на месте, на Великих Топях его ход отмечался на циферблате жизни неспешной сменой времен года, перелетами птиц, высотой приливов, а для Райадера еще и встречами и прощаниями со снежным гусем.

Где-то далеко мир кипел и бурлил, словно лава в жерле вулкана, гибель и уничтожение были неминуемы. Но пока эти тревожнения не коснулись Райадера и Фриты. Даже когда девочка подросла, их жизнь шла по натоптанной колее. Снежный гусь прилетел на маяк — значит, придет и Фрита. Она многому научилась у Райадера: они плавали на его быстрой лодке, которой он искусно управлял, ловили птиц и строили для них новые вольеры. Благодаря Райадеру девочка выучила все виды птиц, от обыкновенной чайки до кречета. Иногда она готовила ему еду или даже смешивала краски.

Но когда «снежный» гусь улетал на лето, между ними словно вставал невидимый барьер, и она не приходила на маяк.

Как-то осенью гусь не прилетел, и сердце Райадера было разбито. Все вокруг потеряло для него всякий смысл. В ту зиму и следующим летом он много рисовал, и ни разу не видел девочку. Но уже следующей осенью он снова услышал знакомый клик — «снежный» гусь, теперь уже крупная взрослая птица, опускался на землю. И это было чудо. Райадер тут же

«Снежный» гусь

поплыл на своей лодочке в Челмбери, чтобы оставить на почте сообщение для Фриты.

К его удивлению, прошло больше месяца, прежде чем Фрит пришла на маяк. И Райадер был потрясен, увидев, что она уже совсем не маленькая девочка.

После целого года, проведенного где-то в чужих землях, гусь стал почти ручным: улетал совсем ненадолго, ходил за Райадером по пятам и даже был с ним в студии, когда тот рисовал.

Весной 1940 года птицы рано улетели с Великой Топи. Мир был в огне, рев и гул бомбардировщиков, грохот взрывов пугали их. В первый день мая Фрит и Райадер стояли плечом к плечу на дамбе и смотрели, как стая гусей и казарок поднимается в небо и покидает их заповедный уголок. Она — стройная и высокая, свободная как ветер и прекрасная, словно призрачная болотная фея, он — массивная, нелепая фигура с горящими темными глазами, прикованными к улетающим птицам.

— Смотрите, Филипп, — сказала Фрит.

Райадер проследил за направлением ее взгляда. Расправив огромные крылья, снежный гусь поднялся в воздух. Но летел он низко и, приблизившись к ним, хотел будто бы дотронуться до них крыльями, поэтому на секунду Фриту и Райадера накрыла волна воздуха. Круг над маяком... еще один... потом гусь опустился на землю рядом с птицами, у которых были подрезаны крылья, и направился к кормушке.

— Она не улетает, — заметила Фрита, и в ее голосе звучало благоговение. Казалось, что пролетая, птица накинула на нее волшебную сеть. — Принцесса собирается остаться.

— Да, — сказал Райадер, и голос его дрогнул. — Она останется. И никогда больше не улетит. Она уже не Заблудившаяся Принцесса — теперь у нее есть дом. Она осталась по своей воле.

Чары были разрушены, внезапно Фрит поняла, что боится, и причина ее страха кроется во взгляде Райадера — во взгляде, полном тоски, одиночества и невысказанного глубокого чувства.

Его слова эхом отдавались у нее в голове, как будто он снова и снова повторял их: «Теперь у нее есть дом. Она осталась по своей воле». Природное чутье подсказывало ей то, о чем он не мог рассказать. Если бы он заговорил, то, возможно, успокоил бы ее, но его молчание и тяжесть невысказанных слов еще больше пугали Фриту, а ее женское начало приказывало бежать от того, что она еще не могла понять.

— Я... я должна идти. До свидания! Хорошо, что Принцесса остается. Вам не будет так одиноко.

Она повернулась и пошла прочь, и его печальное «До свидания, Фрит» растаяло в шуме камышей и трав. Девушка решила оглянуться, только когда была уже далеко. Райадер все еще стоял на дамбе — маленькая точка на фоне неба.

Страх прошел, но на смену ему пришло странное чувство потери, оно было настолько острым, что Фрит на мгновение остановилась. Потом медленно продолжила свой путь, оставляя позади врезающийся в небо маяк и человека, что жил там.

Примерно через три недели Фрит снова пришла на маяк. Был конец мая, стояли золотые сумерки, но на востоке уже показалась серебряная луна.

По дороге она говорила себе, что должна убедиться, правда ли «снежный» гусь решил остаться. Возможно, он все-таки улетел. Она нетерпеливо шагала по дамбе, и ее решительный шаг то и дело сменялся бегом.

Фрит заметила желтый огонек на маленьком причале Райадера и, подойдя, увидела его там. Его лодка мягко покачивалась на волнах прилива, а сам он грузил на борт все необходимое для дальнего плавания: воду, бренди, продукты, канат и запасной парус. Филипп обернулся на звук ее шагов, и Фрит увидела, что он был бледен, и его темные глаза, обычно такие добрые и спокойные, горели от волнения, а дыхание сбивалось.

Внезапный страх охватил Фриту, она даже позабыла про «снежного» гуся.

— Ты уплываешь, Филипп?

Райадер перестал загружать вещи в лодку и поздоровался с ней. Фрит никогда не видела его таким: сейчас его глаза и лицо были освещены внутренним светом.

— Фрит! Я рад, что ты пришла. Да, мне предстоит небольшое путешествие, но я вернусь. — Его мягкий голос звучал хрипло и подавленно.

— Куда же ты отправляешься? — спросила она.

«Снежный» рус

И слова потоком хлынули из Райадера: ему надо в Дюнкерк, там, за сотни миль через Ла-Манш, британские войска оказались блокированными на побережье. Немецкие части наступают и вот-вот уничтожат их, порт в огне, положение безнадежное. Он услышал об этом, когда ходил в деревню за покупками. В ответ на призыв правительства мужчины отплывали из Челмбери в Дюнкерк: лодки, буксиры, все суденышки, способные плыть, спешили через Ла-Манш, чтобы спасти солдат из-под огня, переправить их на транспортные корабли и эсминцы, которые не могли зайти на мелководье.

Девушка слушала его и чувствовала, что ее сердце перестает биться. Он говорил, что поплывет через Ла-Манш на своей маленькой лодочке. Он сможет взять на борт шесть, максимум, семь человек, и собирается сделать несколько рейсов. Фрит ничего не знала ни о ходе войны, ни о положении войск, попавших в окружение, но сердце подсказывало ей, что там опасно.

— Филипп! Ты должен плыть? Ты ведь не вернешься! Почему именно ты?

После первого потока слов лихорадочное состояние, казалось, покинуло Райадера, и он попытался объяснить ей все другими словами.

— Люди сгрудились на берегу, как загнанные птицы, Фрит. Сейчас они — раненые птицы, которых мы находили с тобой и приносили в вольеры. Над ними кружат самолеты, словно железные ястребы и сапсаны, и негде укрыться от их хищных когтей. Буря смела их, они в панике, они заблудились, как когда-то *Princesse Perdue*, которую ты нашла на болотах и принесла ко мне много лет назад, и которую мы спасли. Им нужна помощь, как и нашим птицам, моя милая, вот почему я должен плыть. Мне это под силу. Да, я смогу. Наконец-то я смогу поступить как мужчина и помочь несчастным солдатам.

Фрит смотрела на Райадера и внезапно поняла, что он очень изменился, сейчас он казал-

ся ей не уродливым и нелепым, а по-настоящему красивым. Тысяча слов громоздилась в смятении в ее сердце, но она не знала, как произнести их.

— Я поплыву с тобой, Филипп.

— Ты займешь место в лодке, а это будет означать, что мы не сможем взять какого-то солдата, потом еще одного, и еще, и еще, — покачал головой Райадер. — Я должен плыть один.

Он надел свой прорезиненный плащ, сапоги и прыгнул на борт. Помахал ей и крикнул:

— До свидания! Присмотришь за птицами, Фрит?

Она слабо взмахнула рукой на прощание:

— Удачи! Я присмотрю за птицами! Да поможет тебе Бог, Филипп.

Наступила ночь, на небе горели звезды, и сверкал осколок луны. Фрит стояла на дамбе и смотрела, как парус Райадера скользит по волнам. Внезапно позади нее раздался шелест крыльев, и что-то быстро пронеслось над ее головой. В ночном свете сверкнули белые крылья и вытянутая вперед шея «снежного» гуся. Он поднялся выше, сделал круг над маяком и полетел к заливу, где крепнувший бриз гнал вперед парус Райадера. Подлетев, гусь стал кружить вокруг лодки.

И еще очень долго были видны белый парус и белая птица.

«Присмотри за ним. Присмотри за ним», — шептала Фрита. А когда, наконец, они скрылись из виду, повернулась и медленно пошла на пустой маяк.

С этого момента история будет состоять из обрывков фраз, чужих разговоров, таких, например, как тот, что произошел в пабе «Корона и стрела», где было полно солдат-отпускников.

— Гусь, самый настоящий гусь, ей-богу, — сказал рядовой Поттон из Лондонского пехотного полка Его Величества.

— Да ну, — проворчал кривоногий артиллерист.

— Гусь, это точно был гусь. Джок его тоже видел. Гусь стал спускаться к нам напрямик из вонючего дыма над Дюнкерком. Он был белый, только крылья чуток черные. Потом он принялся кружить над нами, как какой-нибудь бомбардировщик. Джок сказал: «Мы пропали. Это ангел смерти прилетел за нами». — «Не, — ответил я. — Это просто гусь, прилетел из родных краев. Знак это, самый настоящий знак, мы выберемся из этой передраги, дружище». Наши войска сбились на берегу, как голуби на Набережной Виктории, мы были легкой добычей для немцев. Они окружили нас с трех сторон, да еще и авиация бомбила. Повсюду снаряды рвутся, бомбардировщики пикируют. В миле от берега стояла «Кентская дева», я на ней летом из Маргита несколько раз плавал, но подойти ближе она не могла — села бы на мель. Окопались мы, значит, на берегу, к лодкам ни-

«Снежный» гусь

как не подобраться, и тут «юнкерс» на нас пикирует, бомбы в воду попали — фонтаны до неба, как в королевском дворце, то еще зрелище. Затем подошел наш эсминец и задал ему жару, но подоспел еще один фриц, и бомба попала в корабль. Прежде чем затонуть, он загорелся, и на нас потянуло желтовато-черной гарью, а гусь-то этот прямо из дыма вынырнул и стал кружить над нами. А потом на маленькой лодчонке, ну, словно франт на увеселительной речной прогулке, приплыл он.

— Кто приплыл? — переспросил кто-то из местных.

— Он. Человек, который спас многих из нас. Вокруг все кипело, как в котле: немцы нас бомбят, огнем поливают, лодка из Рамсгита, что должна была нас забрать, потонула, а он спокойненько так плывет в нашу сторону. Зашел на мелководье — вынырнул прямо из темного дыма с подбитого корабля, и мы смогли его разглядеть: невысокий, горбатый, темноволосый, одна рука была изувечена и не работала, но он махал ею, подзывая нас. В зубах он зажал канат, а здоровой рукой ухватился за румпель. А над ним все летал этот гусь. Джок сказал: «Ну, вот и все. Это сам дьявол пришел за нами. Мы, наверное, сами не заметили, как на том свете очутились». «Хватит тебе, — оборвал я его. — Это, скорее, сам Господь Бог». Бледное лицо, темные глаза, борода, плывет на лодке — я сразу вспомнил картинки в книжке для воскресной школы. «Я могу взять семерых за раз!» — крикнул он, подплывая ближе. «Отлично! — закричал в ответ наш командир. — Вы, семеро, живо в лодку!» Мы зашли в воду и добрались до его лодки. У меня не было сил даже влезть на борт, но он схватил меня за шиворот, втащил в лодку, говоря при этом: «Сюда, дружище, давай же, а теперь ты». Потом он поставил весь дырявый от пуль парус и повернулся к нам: «Ложитесь на дно лодки, ребята, а то вдруг

наткнемся на ваших друзей». Мы затаились, а сам он, зажав в зубах канат, сидел на корме и здоровой рукой направлял лодку. Батарея береговой обороны вела огонь, но мы плыли вперед. Над нами все кружил и кружил белый гусь, и его крик заглушал шум ветра и рев самолетов. «Я же говорил тебе, что гусь — это добрый знак, — сказал я Джоку. — Погляди на него, ни дать ни взять, ангел-спаситель». А парень, который спас нас, вел свою лодку, поглядывал на гуся и улыбался ему, словно давнему знакомому. Он доставил нас на борт «Кентской девы» и поплыл обратно за новой партией людей.

Он перевозил солдат весь день и всю ночь, город горел, и зарево пожара освещало все вокруг. Не знаю, сколько раз он так плавал, но его лодка вместе с моторкой из яхт-клуба на Темзе и спасательным ботом из Пула доставили всех людей с нашего рубежа обороны. Когда мы отплыли, на судне было семьсот человек, хотя оно было рассчитано только на двести. Наш парень помахал нам рукой на прощание и поплыл в сторону Дюнкерка, а птица полетела за ним. Странное это было зрелище: большой белый гусь кружит вокруг лодки, освещенной заревом пожара, как ангел в клубах дыма. Когда мы плыли, на нас напали два «юнкерса», но нам удалось ускользнуть, и к утру мы вернулись домой целыми и невредимыми. Что стало с тем парнем? Кто он был такой? Я так и не смог узнать. Знаю только, что это был по-настоящему хороший человек...

В клубе офицеров на Брук-стрит капитан Кит Брилл-Одинер, шестидесятипятилетний отставной офицер военно-морского флота, рассказывал об эвакуации под Дюнкерком. Его разбудили в четыре часа утра, и он повел буксир с баржами через Ла-Манш. Четыре раза он возвращался в родной порт, перевозя солдат, и в последний раз его судно пришло без трубы и с пробоиной в борту, но он все же смог добраться на нем до Дувра.

— А вы не слышали необычную историю о диком гусе? — спросил капитан резерва военно-морских сил, раньше имевший под своим началом три судна: два небольших траулера и дрефтер, который взорвался в последние дни эвакуации. — Об этом только и говорили. Такие истории быстро распространяются. Люди, которых я перевозил на своем судне, рассказали об этом гусе. Похоже, он появлялся между Дюнкерком и Де-Панне. Если увидишь его, то обязательно останешься жив.

— Хм... дикий гусь, — задумчиво проговорил Брилл-Одинер. — Я видел только прирученного гуся, благодаря которому мы спаслись. Удивительная история, хотя и печальная. Я сейчас вам все расскажу. Мое судно с солдатами в третий раз шло домой. Около шести часов мы вдруг увидели плывущую лодку, на краю которой сидела птица. Подойдя ближе, мы изменили курс, чтобы посмотреть, в чем дело. Боже правый, на ее дне ле-

жал человек, точнее, его тело! Беднягу смертельно ранили, лицо его было погружено в воду. А птица оказалась прирученным гусем. Один из парней попытался добраться до них, но гусь зашипел и забил крыльями. Так и не смогли его отогнать. Внезапно кто-то из нас закричал, показывая на воду — за правым бортом плавала немецкая мина. Если бы мы шли прежним курсом, то обязательно напоролись бы на нее. Брр! Когда мы отплыли от нее на сотню ярдов, то взорвали ее, расстреляв из винтовки. Потом вспомнили о лодке, которую нашли, но ее уже не было, затонула от взрывной волны. И парень тот вместе с ней. Птица поднялась в воздух, сделала три круга, словно отдавая честь, — жуткое зрелище! — и полетела на запад. Хорошо, что мы решили тогда уклониться от курса и посмотреть. Странно, что вы упомянули о гусе.

Фрита в одиночестве проводила дни на маяке, присматривая за птицами. Неизвестность томила ее, и поначалу она подолгу стояла на дамбе, всматриваясь вдаль, хотя и знала, что это бесполезно. Однажды она решила рассмотреть полотна, на которых Райадеру удалось запечатлеть удивительно легких, изящных птиц и безошибочно передать цветовую гамму и атмосферу этого пустынного и сурового края.

Среди картин Фрит нашла и свой портрет, написанный Райадером по памяти много лет назад: на пороге стоит маленькая девочка с развевающимися на ветру волосами и держит на руках раненую птицу.

Эта картина глубоко взволновала ее, ибо в нее Райадер вложил всю свою душу. Удивительно, но он никогда больше не рисовал «снежного» гуся — свободное, дикое существо, бегущее от штормовых ветров, благодаря которому каждый из них обрел друга. И именно он принес весть о гибели Райадера.

Но задолго до того, как гусь стал спускаться на фоне багрового неба, чтобы попрощаться в последний раз, Фрита уже знала, что Райадер не вернется.

Поэтому, когда в вечернем небе раздался знакомый гусиный крик, у нее не возникло ложной надежды, казалось, что этот момент она прожила уже много раз. Фрита побежала на дамбу и стала смотреть... нет, не на море, откуда должен бы был показаться парус, а на небо, где кружила птица. Белоснежный гусь, чьи крылья сверкали в лучах заходящего солнца, окружающие звуки и одиночество, разлитое по этой местности, нахлынули на нее, внутри что-то словно сломалось, и полились слезы, освобождая глубокое чувство любви. Ей казалось, что она летит вместе с этой огромной белой птицей, что это она парит в вечернем небе, внимая посланию Райадера.

Небо и земля были наполнены его криком: «Прощай, Фрит! Прощай, моя дорогая!» Белые, с черной каймой, крылья били по ее сердцу, и она прошептала: «Филипп, я люблю тебя!»

На какой-то момент ей показалось, что «снежный» гусь собирается приземлиться рядом со старыми вольерами, где приветливо гоготали другие гуси, но он лишь пронесся близко над землей, потом взмыл вверх, сделал большой круг над маяком и стал подниматься высоко в небо. Она смотрела на него, и для нее это была душа Райадера, которая решила попрощаться, прежде чем улететь навсегда.

Фрит вытянула вперед руки и, поднявшись на цыпочки, крикнула: «Счастливого пути, Райадер! Да поможет тебе бог!»

Слезы высохли на ее щеках. «Снежный» гусь уже улетел, но она еще долго стояла и молча смотрела ему вслед. Затем вернулась на маяк, взяла картину, которую Райадер нарисовал для нее, и, прижимая ее к себе, пошла домой вдоль старой дамбы.

Каждый вечер в течение многих недель Фрит приходила на маяк и кормила птиц, пока однажды немецкий пилот во время утреннего рейда не принял его за военный объект и не нанес по нему удар — визг стальной машины, взрыв, и все погрузилось в забвение.

Когда тем вечером Фрита пришла на маяк, все кругом поглотило море, ворвавшееся сквозь разрушенные стены. Ничто теперь не нарушало полный одиночества и уныния пейзаж. Птицы с болот уже не прилетали, был слышен лишь плач круживших чаек... □

Перевод с английского
Ксении Кириченко

Прошло много лет, а помнится до сих пор, как будто все это вчера было. Отирался в нашей компании Васька Хлыщев: молодой, а уже толстый, плешивый, морда смайликом, все время улыбается, ха-ха-ха да ха-ха-ха, все шутить любил.

Однажды после «пульки», под утро, когда от выпитого ком в горле застрял намертво, когда тела приготовились сползать под стол, наши отупевшие лица вдруг озарились догадкой, что Васька уже полчаса как звенит вилкой по бокалу и триндит что-то нечленораздельное. Оказалось, он звал нас на подвиг, да не просто, как принято, то есть напрямую, а с психологическим вывертом: по науке.

— Скучно живем, братцы, скучно, — начал он. — От скуки аж челюсти сводит! Надо вам охотниками стать. Самый кайф — это зайцы: и легко, и весело. Обнаружил следы по пороше, и за ним. Увидел, что он под кустом присел отдохнуть, прицелился — ба-бах! — схватил за уши, и в сумку. Я научу!

Убедил, уговорил нас все-таки Васька, вступили в охотничье общество, купили и зарегистрировали красивые с чеканкой ружья. В Интернете в разных ракурсах просмотрели несколько десятков фотографий этого зверька — действительно, не страшный, на кролика похож, если встретим, ни с кем не спутаем. В Википедии узнали, что такое пороша, через Google подыскали деревеньку подальше от цивилизации — в самой, что ни на есть, глуши Тверской области. Загрузились бодрящими напитками, закусками, а, главное, специями для приготовления горячих блюд из зайчатины. В общем, почувствовали себя охотниками.

Остановились у одной избушки на окраине села, не специально, само собой получилось. Наш «крузер» настолько глубоко утонул в сугробе, что еле дверцы открыли. Уже темнело, откапывать не решились — как бы не-

нароком больше не зарыть. А если откровенно, и желания не было, к тому же и лопату взять с собой не догадались. В общем, с трудом вылезли из машины и постучались в светящееся окошко. Открыла нам старушка, добрая душа оказалась, пустила переночевать. Мы завалились прямо на половичках, кто где сумел найти себе место.

В избушке было уютно, тепло, и так бы и проспали до полудня, да Васька всех растолкал:

— Пора, пора, твердый наст порошей замело, зайцы уже давно на кормежку распрыгались — самое время! — А сам — ушанку на голову и к порогу.

— Ты куда?! — завопили мы. — Нам без тебя стремно будет, вдруг волки в лесу!

— Только без истерик! — раздраженно осадил нас Васька. — Я у бабушки останусь, по хозяйству помочь попросила. А вы сами справитесь, это же не товар на рынок проталкивать. — Потом уже мягче, словно извиняясь за свою грубость, добавил: — Вспомните, как плавать учат: не успел опомниться — в воду, выплыл — значит, научился. Так и я вас буду ждать: придете с добычей — значит, охотники, а нет — еще раз попробуем.

Делать нечего — пристегнули лыжи и отправились в лес. Солнце светило ярко, снег под его лучами искрился «брюликами». Благодать!

Рассыпались цепочкой и тихо пошли, не переключаясь. Вроде бы сначала заячьи следы попадались, но потом вдруг пропали. Бродили, бродили — ничего не получается, нет зайцев и все!

Замерзли окончательно, тряслись, как те зайцы, а выпить, чтобы согреться, боялись. От знатоков слышали, что потом еще хуже будет, в ледяную статую можно превратиться. Но все же через час не выдержали и глотнули по стаканчику. В голове сразу просветлело, и овладела нами не спортивная, а настоящая охотничья злость... на Ваську. Представили, как вернемся, поймаем и за уши подвесим — всю спесь до самого доньшка выбьем, это ж надо так «наколоть», да не одного кого-нибудь, а сразу троих.

— Где наши зайцы?! — вломившись в избушку, закричали прямо с порога.

А от печи так жаром ударило, что мы дружно остановились и замерли. На сковороде мясо скворчит, в чугунке варево булькает, от бадьяна, лаврушки и лука дурманящий запах по всей избушке разливается. Васька стоит рядом с печкой, красуется, брюхо вперед выпятил — бей, не жалко! Физиономия довольная, блестит, словно маслом намазана, глазки сощурены и улыбка до ушей.

Ладно, чего уж там, успокоились мы, одежду с себя скинули и расселись вокруг стола.

— Прошу отведасть яства авторского исполнения! — торжественно объявил Васька.

Хорошо супчик под «Зубровочку» пошел, да и жаркое было замечательное — натуральное ведь, природное. Мы принялись нахваливать Ваську, даже Василием называли.

— Ну, уважил! Ну, мастер! И как же тебе это удалось? Вроде и в лес не ходил, а какой обед сварганил! Вот что значит — настоящий охотник, рядом с домом зайца подстрелил!

Его чуть не распирало от гордости, но при этом он интригующе улыбался. Затем поднялся из-за стола и царственным жестом показал в сторону кладовой:

— Прошу в чулан! Шкурку покажу.

Мы ведь тоже люди, любопытство и зависть нам не чужды. Протиснулись в чулан, Васька включил свет, и мы увидели треногу, стоящую на фанере, как на мольберте, шкурка черного цвета распята и маленькими гвоздиками прибита.

— И зачем ты нам это показываешь? — удивились мы.

— Да вот решил жене шубу из котиков пошить.

— Из тех, что на Командорских островах обитают? — пошутили мы.

— Да нет, из местных, — не обратил внимания на наш скепсис Васька. — Их тут много, мех мягкий, приятный на ощупь. Один соседский кот повадился кур бабушкиных давить, вот она и попросила его отстрелять. А мне что, я ведь охотник, раз-два — за хвост, и свежевать... И мясо, в общем-то, неплохое, от зайчатины почти не отличишь.

— Что?! Что ты этим хочешь сказать?! — медленно стало доходить до нас.

— А то, что его сегодня за обе щеки уплетали, — будничным голосом пояснил Васька.

После этих слов один из нас успел выскочить во двор, а двое других еще на пороге избышки от обеда избавились.

Бить Ваську рука не поднялась: какой-никакой, а все же юмор, пусть и черный, от скуки не помрешь! Сделали вид, что поняли «шутку». Разыскали в чулане лопату, откопали вместе с Васькой джип, а утром... пока он храпел и посвистывал, потихоньку слиняли — пусть теперь сам кроличьим рагу из кошки наслаждается, а нам — достаточно. □

Борис Рядухин

УМЕЙ УКРАСИТЬ

Ум, красота, любви манящей
дар —
Что выбрать в украшение
любимой?
Когда едва созревший дух
незримый
Влечет тебя в ее душистый жар.

Знай, что года стирают красоту.
Любовь, сжигая сердце, догорает.
И только ум с годами прибывает.

Умей украсить лишь свою
мечту.
В нем память твоего
предназначенья.
И вечного любовного влеченья.
Ум — яблоко познания творца.

И женщина похожа на богиню,
Когда между чертами дорогими
Ум отражает красоту лица.

О ВЗАИМНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ

С годами, как и прежде.
Я был «взаимно вежлив»,
Она ж не уступила,
Из вежливости, места.
Все думала о милом
Сидящая невеста.

Она уселась мигом
В наполненном трамвае.
Она читала книгу,
Страницы загибая,

О незамужнем принце.
У ней железный принцип,
Заложенный от мамы:
Мир уступает дамам!

От пожилого зренья
Не разобрал страницу,
Но знаю продолженье —
Трамвай не возит принцев.

24 марта 2014

ПРОСТО ЖИТЬ

Кериму Мцхе

Просто жить — это разве не чудо! — И творить — это разве не диво! —
Подрастать, молодеть и взрослеть... И ребенка, и книгу, и сад...
И ходить по планете повсюду, И на память оставить учтиво
И любить, и посметь постареть?.. Несравненный, немеркнувший взгляд?

ЛЮБОВЬ ЗАБЫТОЙ НЕ БЫВАЕТ

Не говорите мне «прощай»...

М. Рябинин

Не говорите мне «Прощай!»,
Как о прощенье на прощанье.
Еще придет на землю май,
Еще разбудит ожиданья.

И не допитой до конца,
Любовь забытой не бывает.
Недолюбившие сердца
Всю жизнь свиданья ожидают.

И даже через много лет
Любовь при встрече затанцует.
И каждый взгляд, изгиб и жест
Ее к минувшему ревнует.

Не говорите мне прощай.
Любовь — бывшая, но живая.
Хотя в разлуке невзначай,
Родное имя забывает.

ЗАЩИТНИЦА

Пролог

Городок.

«Ах, как хочется вернуться...»

Таких городков на Руси — сколько хочешь. И один красивее другого. Их не смогли испортить даже серые панельные пятиэтажки, коими пытались решить вечную жилищную проблему в разгар советской власти. Потому что в центре все равно оставались и дома позапрошлого века, и брусчаткой замощенная площадь, и белокаменные, стародавние торговые палаты, и церквушка, пережившая все — от татаро-монгольского ига до развитого социализма.

Городок с трех сторон окаймляла тихая маленькая речка, на другом берегу которой представители городской власти и просто денежные люди строили свои роскошные коттеджи. Чтобы им было удобнее ездить, через речку даже построили крепкий мост и протянули к дачам всесезонную асфальтовую дорогу, разумеется — за счет городского бюджета. В общем, все как везде.

Кроме исторических достопримечательностей, были в Городке и другие. Живые.

Среди них невозможно не отметить близнецов Ключевых — Колю и Толю. Братьям в здешней криминальной жизни отводилась роль «торпед»,

Журнальный вариант

о чем было известно всему Городку. Половина бизнеса здесь «крышевалась» милицией. А автобизнес ею и руководился. И именно операции с автомобилями прикрывали своим внешним видом и кулаками братья Клюевы. Так что, пожалуй, к милиции они тоже имели отношение.

Когда братья получили паспорта, они совершили первый граждански осознанный поступок — назвали себя ассирийцами. Объяснить, кто такие ассирийцы, им было бы сложновато — в школе учились не очень. Зато точно знали, что их горячо и нежно любимая мама, Мадиночка Ибрагимовна, — ассирийка. Вообще-то ее звали Мадина, но братья за глаза называли ее только Мадиночка.

В школе мальчишки не отличались от всех, разве что Коля чаще других являлся причиной вызовов папы-Клюева к классной руководительнице. Коля знал, что после этого придется иметь дело с папиным ремнем, но он — мужик, хоть и юный, и воспринимал наказание стоически. Более того, всячески старался, чтобы в школу не пошла мама Мадиночка. Она-то ремнем махать не станет, зато у нее большое сердце.

Толя первым в драки никогда не лез, однако отцовского ремня доставалось и ему. Толя покорялся судьбе. Все равно выхода у него не было. Не мог же он не вступить за брата, если драка уже началась?

В восемнадцать лет парни осознанно совершили второй гражданский поступок — добровольно пошли в армию. В десант. А куда еще могли пойти ассирийцы, древние воины?

Отслужили «на ура», вся грудь в значках, прыжков — больше всех в призыве. Да еще научились ломать о голову кирпичи. Мама Мадиночка считала это умение опасным и бесполезным, однако именно оно позже привлекло к братьям внимание работодателей. Но — обо всем по порядку.

Поначалу братья пошли по семейным стопам: в медучилище. Подрабатывали в маминной больнице, в психиатрическом отделении или, скорее, наркологическом.

Шизофреников, аутистов и маниакально-депрессивных в Городке было не густо, зато пьющих — сколько угодно. Чуть не каждый день «скорая» с сиреной мчалась по тихим улочкам забирать очередного, пойманного «белочку».

Здесь братья были незаменимы. Они просто заходили в дом к обезумевшему алкашу и молча становились перед ним. Тот, увидев двух недобрых великанов, одинаковых с лица, мгновенно верил врачу, что болен и нуждается в лечении.

Каждый новый подвиг братьев прибавлял им любви и уважения в Городке. А подвигов накопилось немало — мужчин, злоупотребляющих алкоголем, здесь, к сожалению, хватало...

И, тем не менее, братья из больницы ушли. К огромному огорчению медперсонала и их любимой мамочки, Мадины Ибрагимовны.

Главврач лично пыталась удержать Ключевых, обещая еще по полставки. Парни не согласились. Они ушли не только из больницы, но и из училища, где были совсем близко к фельдшерскому диплому.

Причина — проста до банальности.

Сразу же после армии оба женились.

Коля — на такой же «бандитке» Жанке. Та еще пацанка: и с парашютом, и на мотоцикле. Да и в драку вслед за любимым вполне могла влететь.

Толя — на спокойной задумчивой Мариночке, любительнице дамских романов и индийского кино, доброй и рассудительной девушке.

Родили они обе — и девяти месяцев не прошло.

А еще через год — почти синхронно — по второму ребенку.

В общем, вопрос денег стоял остро, и Коля откликнулся на предложение нового работодателя. Ну а Толя пошел за Колей, прикрывать спину брата.

Новым работодателем был условно. Все детство вместе, пусть и не в друзьях. Одна школа, одна футбольная площадка.

Павел Чащин занимался автобизнесом, гонял из Калининграда и Польши дорогие машины для состоятельных горожан. Поговаривали, что многие из них — краденые. Впрочем, никто не проверял. Да и кому это надо?

В Городке ему принадлежали два автосервиса. Чащин не скрывал, что владеет миноритарной долей, главный же акционер — начальник местной криминальной полиции, майор Слепнев Георгий Витальевич, который, в соответствии с общепринятой схемой, делился со своим боссом, руководителем районного ОВД подполковником Ивановым. Такая «популярная механика», понятная каждому взрослому жителю Городка, делала бизнес

надежным и предсказуемым. А что еще нужно для серьезного женатого человека?

Новая работа не была изнуряющей.

Ребятам оформили загранпаспорта, и раз-два в квартал они ездили за машинами в Калининград, Прибалтику или Германию. Перегоняли не меньше двух авто, как правило — «мерсы» и «БМВ», реже — «лексусы» либо что-нибудь экстравагантное, типа «порше», попадались и «мазератти» с «феррари».

Клюевы и рулили прилично, и выглядели правильно. Так что за все время работы мощная работодателя не потеряла ни евро по их недосмотру.

Домашнее пребывание также излишне не утомляло. Приглядывали за сервисами, разрывали склоки, ездили на «стрелки», каковые случались не часто: в Городке давно наступила стабилизация.

В свободное от работы время братья в основном занимались семьями. Точнее — они жили одной большой семьей. В соседних домах — Николай и Анатолий. Через два дома — старший брат Иван, тоже с двумя детьми, но постарше, уже школьниками. И совсем недалеко, в старенькой блочной родной трехэтажке, пребывали мама с папой. Иван Васильевич — пенсионер, бывший дорожник, Мадина Ибрагимовна — по-прежнему бессменная старшая сестра городской больницы.

Даже дача у них на всех была общая, в семи километрах от Городка, деревянная, время от времени — по мере рождения новых деток — увеличивающаяся пристройками.

Семьи Коли и Толи так вообще чаще были вместе, чем врозь.

Веселая, бесшабашная Жанка так и говорила про братьев: «Я их обоих одинаково люблю. Только что сплю с одним». Застенчивая Марина никогда бы так не сказала, но и она не делила

детей на своих и чужих. И охотно подменяла Жанну, когда та уезжала с братьями на любимые парашютные прыжки.

В общем, жизнь в семействе Клюевых, как и в Городке в целом, текла вовсе неплохая, несмотря на все неблагоприятные процессы в обществе.

Но однажды идиллия внезапно закончилась. Отчасти из-за рокового стечения обстоятельств.

У здоровяка, богатыря и задиры-ассирийца Коли Клюева вдруг заболело в носу. Насморк какой-то странный, выделения.

В поликлинике говорили про ОРЗ, потом про гайморит.

Мама заставила сходить в больницу, к заведующему ЛОР-отделением.

Михаил Аркадьевич Гохман, лысый пожилой человек, заглянувший в уши, нос и рот едва ли не всему населению Городка, внимательно осмотрел пациента, чуть не обнюхал смущенного Колю.

Потом посидел, подумал и посоветовал вмиг похолодевшей Мадине Ибрагимовне отвезти сына в Москву, на обследование.

Дал записку с фамилией друга по университету и телефоном.

Тот и в самом деле принял без записи, денег не взял, использовал всю мощь своего великолепного диагностического дара и оборудования. Причину проблем определил почти сразу.

Только благодарности к высокому профессионалу в тот момент мать не испытывала. Потому что в бумаге черным по-белому было написано следующее. У ее любимого сыночка — хоть и все трое любимые — лейкомио-саркома правой носовой полости с проникновением в носоглотку.

Прогноз — неблагоприятный, это старшая медицинская сестра горбольницы поняла без дополнительных объяснений.

Опухоль была неоперабельна, оставалось лучевое лечение и химиотерапия.

Коля Клюев принял вызов судьбы внешне спокойно. Гораздо спокойнее брата, которого его Маринка после страшного известия всю ночь отпаивала валокордином. Жанна новость принять категорически отказалась, требовала ехать лечиться к другому врачу или за границу. На крайний случай — в Тибет, монахи все могут вылечить. Николаю пришлось даже кулаком по столу стукнуть, чтобы прервать поток панического сознания.

Без слов было принято решение.

Бороться до конца.

Слез при детях и Мадине не лить.

О смерти не разговаривать.

Жить, как жили, пока живется.

Болезнь Коли Ключева, разумеется, не афишировали.

Однако Городок — не Москва, очень скоро все обо всем узнали. Николай ловил на себе сочувственные взгляды. А иногда и злорадные — его работа плодила вокруг не только друзей.

Он научился равнодушно воспринимать и те, и другие.

И еще научился радоваться каждому доставшемуся ему деньку.

На работе ничего не изменилось. Он вполне был в состоянии ее выполнять. Разве что деньги теперь тратил не так широко, как раньше, закладывая благополучие семьи и на время своего будущего отсутствия.

Казалось, над прежде счастливой семьей занесли топор, но не торопились приводить приговор в исполнение.

Беда пришла совсем с другой стороны.

Все началось с удачи.

Работодатель привез и чрезвычайно выгодно продал — не без участия братьев Ключевых — сразу несколько автомобилей. Короче, денег заработали немеряно.

По этому поводу закрыли на вечер небольшой ресторанчик и отметили только в своем узком кругу. Не постеснялся прийти мажоритарный «акционер», майор Слепнев. А что стесняться, чем он хуже московских небожителей?

Ближе к концу застолья появился и сам Владимир Петрович Иванов, начальник РОВД, непосредственный руководитель начальника криминальной полиции Георгия Витальевича Слепнева. Он нечасто посещал подобные мероприятия, однако сейчас — ввиду предполагаемых больших дивидендов — зашел «на огонек». Или на запах денег.

Видимо, дивиденды делились неважно, потому что подвыпившие полицейские заспорили

между собой, несмотря на окружение. Заспорили — мягко сказано, дошло до мордобоя.

Братья Клюевы скандала не застали, так как Николай все время посматривал на часы и вскоре ушел, а Анатолий — вместе с братом.

А вечером, практически ночью, выяснилось, что скандал имел продолжение.

Случайный прохожий обнаружил труп полковника Иванова. Недалеко от дома Николая Клюева. Со следами насильственной смерти. Начальник ОВД Городка был задушен, кусок веревки лежал рядом с трупом.

Что тут началось!

Впрочем, все как обычно.

Когда совершается резонансное преступление, его расследуют в десятки раз активнее, чем обыкновенное. И людей несравнимо больше, и техники, и усилий. Плюс подключаются другие спецслужбы.

Но метод расследования всегда один и тот же. Его можно назвать — широкий бредень. Брать всех, кого достанем, потом разберемся.

Итак, в считанные часы в изоляторе временного содержания (ИВС) оказались десятки граждан, так или иначе относящиеся к криминалитету, либо, по мнению оперативников, способные вывести на след убийцы.

Разумеется, были задержаны и братья Клюевы, и даже бизнесмен Павел Чащин. Немедленно организовали следственную группу. И хоть убийство вела прокуратура, однако в группу вошли представители нескольких силовых ведомств.

Из местных руководил расследованием майор Слепнев, сразу ставший главным полицейским Городка и района. Московских спецов тоже понаехало, от майоров-оперов до штабного генерала. Но все они были не против, чтобы злодея быстро нашел Георгий Витальевич — слава и награды их в любом случае не минуют. А вот если не найдет — плохо будет всем.

Так что ключевым словом здесь было именно быстро: дело висело на личном контроле у министра МВД.

В общем, раскрыть это убийство следовало срочно. Иначе бы полетели головы с многих. Но что делать, если убийца все-таки не будет найден? Либо, если убийцей окажется тот, кто убийцей, по «вертикальным» сообщениям, быть не должен?

Тогда, к несчастью, есть риск появления «убийцы», назначенного следствием. Ведь резонансное преступление не может быть не раскрыто!

Почему выбор Слепнева пал на Николая Клюева?

Независимые эксперты на этот вопрос ответили автору в один голос: потому что у Николая Клюева был неоперабельный рак. Десять месяцев назад врачи отмерили ему год. В Городке это не было тайной. Значит, оста-

лось два месяца. Пусть даже четыре или восемь — подследственные сидят до суда годами.

А смерть все спишет.

И Николаю Клюеву, бывшему десантнику и медбрату, нынешнему сотруднику автосервиса и по совместительству чащинской «торпеде», предъявили обвинение в убийстве начальника РОВД полковника полиции Иванова В.П., произошедшем «в результате возникновения личных неприязненных отношений».

Глава 1

Москва.

Ольга Викторовна Шеметова. Тринадцатое дело

Ольга открыла глаза и с удовольствием вспомнила, что сегодня может спать, сколько захочет. В контору ей не идти, никаких срочных дел нет. Значит, выпитая вволю. А потом поработает безо всякой обязаловки, в свое удовольствие: почистит компьютер (уже год собирается), почищает профессиональные издания, подумает над делами.

Их, кстати, у нее уже двенадцать одновременно в производстве. Это, конечно, не предел, у наиболее востребованных адвокатов по нескольку десятков бывает. Но и ее теперь можно смело назвать востребованной, раз в адвокатском портфеле лежит дюжина дел. И она свою адвокатскую жизнь ни на что не променяет. Ольга — защитница по жизни. Такой родилась, такой и останется.

Да и Олег такой же. Адвокат сумасшедший. Трибун пламенный. Защитник униженных и оскорбленных. Вот он, рядом дрыхнет. Вчера допоздна работал. Тоже сегодня денек выкроил, чтобы с Ольгой побыть.

То, что он ее любит — сомнений не вызывало. То, что Багров для Шеметовой — лучший мужчина в мире, тоже было непреложным фактом.

Единственно, чего не хватало Ольге, — того самого пресловутого штампа в паспорте. Нет, конечно, вслух она говорила ровно обратное. Что, мол, штамп ничего не решает, что любовь — в сердце, а не в синей печати. На самом же деле она не просто хотела этого самого штампа, а ОЧЕНЬ хотела. И ей было непонятно и обидно, почему такой умница и тонкий психолог, как Олег Всеволодович Багров, этого не понимает.

Эх, Олечка! В чем-то — такой умный, а в этом — дурак-дураком!

Негромко зазвонил домашний, стационарный телефон, и Ольга, чтобы не будить любимого, стрелой метнулась к столику с аппаратом.

— Доброе утро, Ольга Викторовна, — донесся из динамика знакомый голос уверенной в себе женщины. Ольга не смогла сразу его вспомнить, но точно знала, что вот-вот вспомнит. А еще — с этим голосом были связаны какие-то приятные воспоминания.

— Доброе утро, — ответила она.

— Я вас не разбудила?

— Нет, Наталья Игоревна, — наконец вспомнила Шеметова. — Что, у вас какие-то проблемы?

— Нет, нет, со мной все нормально, — успокоила та.

— Деньги вам выплатили?

— До копеечки, — усмехнулась невидимая собеседница. — Даже расходы на поминки.

— Отлично! — искренне обрадовалась Ольга.

— Спасибо вам еще раз, — поблагодарила Наталья Игоревна. — Выручили вы меня.

— Да не за что, — отмахнулась Ольга, хотя как раз было за что.

Тут Шеметова и фамилию своей доверительницы вспомнила — Фадеева. Начальница всей медицины в маленьком, километров сто от Москвы, городке.

— Ольга Викторовна, можно я ваш телефон еще одной девушке дам? — спросила Фадеева. — Она очень просит.

— А она меня знает? — удивилась Ольга.

— Вас теперь полгорода знает, — усмехнулась та. — По крайней мере, в медицинских кругах. В общем, она хочет стать вашей клиенткой.

— А что с ней случилось?

— Ее муж обвинен в убийстве, — как-то сухо ответила Наталья Игоревна, явно не желая вдаваться в подробности.

— Я не занимаюсь убийствами, — слегка расстроилась Ольга. Она была вовсе не против тринадцатого дела в своем активе. Но не с убийством.

— Почему? — удивилась Фадеева.

— Мне не всегда их жалко. Нет куража. Разве что невинного обвиняют.

— Здесь именно тот случай.

— Почему вы так думаете?

— Я не могу говорить, у меня сейчас совещание начнется, — вместо ответа торопливо произнесла Наталья Игоревна. — Так можно, я ваш телефон дам?

— Пожалуйста, — ответила Шеметова. Телефоны адвокатов — информация совершенно открытая. Ее мобильный и домашний висят даже на информационном стенде адвокатской конторы.

— Спасибо еще раз, — сказала Фадеева и повесила трубку.

Все это было немножко странно. Как будто она чего-то боялась. А чего можно бояться, давая телефон адвоката третьему лицу?

Спать уже расхотелось, странный звонок разогнал сон. И Ольга отправилась на кухню готовить утренний омлет.

— Кто тебе поутру названивал? — поинтересовался Олег, который тоже проснулся и поспешил на запах, доносящийся с кухни.

— Помнишь дело с ДТП в Подмосковье?

— Где ты поминальный ужин включила в расчет?

— Ага. Все деньги получены с виновника аварии.

— Ничего сработала, поздравляю.

— Спасибо, — усмехнулась Ольга.

— А чего звонила-то — поблагодарить?

— Да, поблагодарить, — кратко ответила Шеметова. — А еще спрашивала, можно ли дать мой телефон другой женщине, у которой муж обвиняется в убийстве.

— И ты не хочешь братья? — усмехнулся Багров. — Тогда мне отдай.

— Не отдам, — разозлилась Ольга.

— Как хочешь, — рассмеялся в ответ Олег.

После завтрака Ольге почему-то очень захотелось в контору. В ее сладковатый, «архивный» воздух. К друзьям.

Сегодня там все соберутся. И старик Гескин, который после своей онкологической операции не каждый день выходит. И Волик Томский, которого неделю не видела. И их бессменная секретарша-управительница Валентина Семеновна. И даже шустрый Тошка Крымов, бывший их стажер, а теперь полноценный адвокат, также выйдет из отпуска.

— Олечка, а, может, съездим в контору? — предложила она.

— Давай, — сразу согласился Багров. Ему там тоже было комфортно.

Поехали на трамвае. Он в это время не переполнен, можно посидеть, поглазеть в окно и подумать об утреннем звонке.

Дело тогда и вправду было нелегким.

Наталья Игоревна — не последний человек в своем Городке, начальница департамента здравоохранения — попала в настоящие жернова судьбы.

Ее муж, успешный индивидуальный предприниматель, инженер-архитектор, погиб в дорожно-транспортном происшествии. «Шкода-октавия» мужа в результате лобового столкновения превратилась в кусок мятого и рваного железа.

Во втором автомобиле — роскошном огромном английском джипе — водитель отделался ушибами и испугом.

Поначалу знакомые гаишники объяснили Фадеевой, что виновник аварии — однозначно джип. Но уже через день все изменилось. Куда-то исчезли записи с видеокамер наружного наблюдения. Более того, пропал видеорегистратор из автомобиля мужа.

И теперь тот же самый гаишник, краснея, бледнея и запинаясь, объяснял Наталье Игоревне (только что вернувшейся с похорон мужа), что сделать ничего нельзя, что нужно смириться, и что все эти манипуляции уже не в его, майора, власти.

Фадеевой было жалко бело-красного майора, всю его семью она лечила, еще будучи участковым врачом, да и сейчас нередко помогала, но гораздо больше ей было жаль своих маленьких детей, пяти и девяти лет. Они не только остались без любящего и любимого папы. Они еще и попали в группу риска по материальному признаку. А над Натальей Игоревной замаячила страшная мысль о том, что с ними станет, если, не дай бог, что-то случится с ней самой.

Вот почему она не была готова прекратить борьбу, несмотря на советы многих умных людей, в том числе — мэра их Городка.

Тот честно пытался помочь Фадеевой, и даже договорился с истинным виновником аварии — большим московским чиновником из элитного кот-

теджного поселка за речкой — о довольно солидной разовой материальной компенсации.

Наталью не устроила разовость.

Пока она в норме, детей и сама прокормит. Но ей хотелось подстраховаться именно на случай, если она будет не в норме. Поэтому в ее жизни появилась Ольга Викторовна Шеметова.

Используя все дозволенные законом средства — от дополнительных экспертиз, жалоб и ходатайств до вынесения истории на суд читателей популярной московской газеты — Ольга добилась своего. Суд первой инстанции стал на сторону истицы — дети Фадеевой получили осязаемую материальную поддержку, сравнимую с половиной заработка покойного отца, до их совершеннолетия.

Кстати, это был не уголовный суд. Наталья Игоревна вовсе не стремилась загнать чиновника за решетку. Она билась за гарантии для своих детей, только и всего.

Но был и отрицательный результат.

Отношение коллег из городского руководства к добившейся справедливости Фадеевой заметно ухудшилось.

Пожалуй, ухудшилось — не то слово. Коллеги насторожились.

Вертикаль не любит, когда какое-то ее звено начинает проводить самостоятельную политику, пусть даже и верную. А тем более — спорить с другим, вышестоящим звеном. Это как бы нарушает стройность рядов...

Вот почему Наталья Игоревна ныне старалась особо не высовываться. В том числе — и помогая Жанне Клюевой в поисках безбашенного адвоката. Впрочем, все это Ольга Шеметова поняла гораздо позже, уже вполне погрузившись в атмосферу милого Городка.

В конторе их ждало полное разочарование. А именно — пустота. Даже дверь пришлось открывать своим ключом.

На столе нашли записку, сильно облегчавшую положение.

Оказывается, народ разошелся по делам на пару часов, после чего обещал вернуться с тортами и прочими радостями жизни.

Зато не успели войти в кабинет, как следом за ними — даже не вошла, а влетела — молодая женщина.

Короткая стрижка, красивое, слегка грубоватое, лицо. Дорогие, ладно сидящие джинсы.

— Вы — Ольга Викторовна? — спросила она.

— Я, — кивнула Ольга.

— А я — Жанна Ключева. Мой муж в тюрьме. Называйте ваши условия, я согласна.

— Я пока не знаю, — уклончиво начала Ольга.

— Разве адвокат не должен помогать всем? — удивилась гостья.

Шеметовой стало как-то неуютно под этими прямыми резкими глазами.

— Я не занимаюсь убийствами, — попыталась объяснить она. — У каждого адвоката своя специализация.

— Вы не можете мне отказать, — подумав, заявила Жанна. — Марья Викторовна сказала, что вы не испугаетесь.

— А кто такая Марья Викторовна? — машинально спросила Ольга.

Разговор завязался.

Через пару минут ситуация прояснилась.

Марья Викторовна — главврач городской больницы. Именно у нее работает Мадина Ибрагимовна, мама Жанниного мужа, сама Жанна, да и братья тоже работали с ней. Да так работали, что отпускать их не хотели ни в какую.

Когда Коля Ключев попал в переплет, умные люди объяснили семье, что на местных адвокатов, тем более — назначенных, можно не рассчитывать. И живым парень из тюрьмы не выйдет.

Кто-то вспомнил про Ольгу, которая не побоялась влезть в крайне неприятное дело и выиграла его. Координаты знала Фадеева.

Наталья Игоревна Фадеева совсем не хотела встречать в не свою войну, но отказать старой подруге Марье Викторовне не смогла.

И вот Жанна Ключева в кресле напротив, ожидает решения. Да с таким видом, как будто Шеметова не адвокат, а судья.

— А вы сами как думаете, он убил того мента или не он?

— Не знаю, — пожала плечами Жанна. — Мне без разницы.

— Но он мог убить?

— Конечно, мог, — удивилась она наивному вопросу. — Он горячий очень. Вспыльчивый.

Ольга чувствовала, что увязает все глубже, однако уже не могла остановиться.

— А мог полицейского кто-то другой убить? — спросила она.

— Конечно. Его полгорода с удовольствием убили бы. Такая сволочь была!

Чтобы не сидеть молча, — а что говорить, пока было непонятно, — Ольга связалась по телефону со следователем, ведущим дело Ключева. Нынче это не сложно, имея Интернет, телефон и некоторые навыки.

Следаки, кстати, те, кто умный и опытный, никогда не отказываются общаться с адвокатами. Лучше начинать разговаривать с ними на следствии, чем потом, в зале суда, когда подсудимый разом откажется от показаний, не закрепленных присутствием его адвоката.

Следователь Ключева оказался из умных и опытных. Любезно зачитал необходимые выдержки из следственного дела. В том числе сообщил точное время смерти полковника — десять часов вечера плюс-минус тридцать минут, необходимая экспертиза уже была в его руках. Попытался убедить Ольгу, что дело ясное, и самое лучшее для ее подзащитного — искреннее признание. Уже даже веревка найдена, которой Николай Ключев задушил своего оппонента.

— А почему задушил-то? Какие мотивы? — поинтересовалась Шеметова.

— Да сколько угодно мотивов, — рассмеялся тот. — Он при свидетелях говорил, что ненавидит ментов.

— Их многие не любят, — не согласилась Ольга, — но не убивают же.

— А вы знаете, что у него рак? Ему жить осталось пару месяцев. Вот и позволил себе осуществить мечту детства.

Про рак Шеметова пока не знала. Но это лишь запутывало ситуацию.

— Короче, у вас против моего подзащитного только веревка и слова, — спровоцировала она собеседника.

Провокация удалась.

— Не только. Он еще из гранатомета стрелял по дому начальника криминальной полиции. Есть такая оперативная информация, сейчас отрабатываем. И коммерсанта сжег вместе с автомобилем. Два года назад.

— А чего ж два года ждали?

— Ну, сейчас начали всех шерстить, пошла информация. Вы же понимаете, сколько всплывает в таких ситуациях.

— Понятно, — вздохнула Ольга. Шестое чувство подсказывало, что тринадцатое дело все-таки может появиться в ее портфеле. Уж очень напорист и неубедителен был следак.

Положив трубку, она в лоб спросила у Жанны:

— Мне для себя важно знать, убивал он или нет. Где он был в тот вечер, в десять часов?

— В десять часов? — непонятно отчего просияла жена потенциального подзащитного. — Этот козел склеил ласты в десять часов?

— Плюс-минус полчаса. А что вас так обрадовало?

— Это не Колька! — громко сказала Жанна. — Точно не Колька!

— Откуда такая уверенность? — Ольга почему-то прониклась ее напором.

— Потому что в это время шел «Голос». Знаете, передача такая?

— Знаю, хорошая передача. — Шеметова уже не пыталась скрывать свое недоумение. — И что?

— А то, что мой Коленька — фанат «Голоса»! Это все знают! Любого в компании спросите. Жизнь прекращается, когда идет «Голос». Понятно?

— Теперь понятно, — деловито ответила Ольга. — Тогда давайте начинать работать.

И достала пустую папку для бумаг. Тринадцатое дело начало обрастать первыми документами.

Глава 2

Семь километров от Городка. Пансионат «Стожки». Библиотекарь Беляева и прапорщик в отставке Бойко

Пансионат «Стожки» был построен на закате советского времени, да так в нем навсегда и остался.

Унылые серые панельные корпуса: трех- и пятиэтажный. Несколько построек в хоздворе. Да старый, тоже посеревший от возраста, бетонный забор, по кругу опоясывающий немеряную, еще по прежним стандартам, территорию.

Впрочем, уныние на этом не заканчивалось: ступени каменных лестниц были с отбитыми краешками, ковры вдоль коридоров вытерлись до серой основы, из трех положенных лифтов работал только один, и тот с перерывами.

И, наконец, с неба сыпалось что-то безостановочное и почти неприличное. Это даже не дождь, это именно какое-то унылое безобразие, для точного определения которого в лексиконе интеллигентной Неонилы Леонидовны Беляевой просто не имелось слов. Конечно, будь у нее выбор, она бы выбрала Канны или Ниццу. Или, чтобы не впадать в несбыточные мечты, даже те же Стожки, но летом, в крайнем случае — даже зимой. Лишь бы без этой летящей с серого неба мелкой мокрой гнуси.

Однако выбора у Неонилы Леонидовны давно уже не было никакого.

Должность библиотекаря технической библиотеки загнивающего НИИ диктовала все остальное: уровень потребления, круг общения и даже отпускные предпочтения.

Зарплату, кстати, в бюджетном НИИ уже несколько лет давали вовремя. И ее вполне хватало для того, чтоб заплатить за квартиру, «двушку-маломерку», за еду без претензий и мелкий ремонт зимней одежды.

На остальное — уже не хватало.

Короче, когда пришел отпуск, — а он всегда подступал внезапно, — и ей предложили бесплатную путевку, она не стала отказываться. Потому что слабо представляла себе, как вынести еще тридцать дней беспросветного одиночества.

Теперь же, в «Стожках», эти соображения перестали казаться ей единственно верными. По крайней мере, в ее квартирке не так холодно и влажно, как в огромном не отапливаемом номере с чудовищно большими продуваемыми окнами.

Ладно, хватит ныть!

Нила взяла себя в руки, застегнула на все застёжки свою серую ношеную курточку и, перед тем как покинуть относительно теплый вестибюль, оглядела себя в большом зеркале.

Там, — в зеркале имеется в виду, — все, кстати, было относительно неплохо.

Сорокалетняя, вполне сохранная блондиночка невысокого роста. Зато с талией и прямыми ножками. Ну, положим, талия и ножки прикрыты поношенной курткой и старыми джинсами. Зато соломенные локоны, не знавшие краски, гламурно ниспадают по плечам маленькой библиотечарши.

И почему на них толком никто так и не клюнул?

Нила еще раз глянула в зеркало, слегка зажмурилась и толкнула тяжелую входную дверь.

Холодная мокрая гнусь облепила лицо, перехватив дыхание. Как говорят англичане, с неба сыпались кошки и собаки.

Но Нила отступить не привыкла.

Спустилась с бетонных ступенек и пошла по размеченному терренкуру. Два километра четыреста метров. И ни шагом меньше. Она должна так устать, чтобы даже котлеты из местной столовки сумели вызвать аппетит.

И сделает это.

Она брела по терренкуру уже довольно долго. Накопившаяся водяная морось начала потихоньку стекать по ее подмерзшим щекам. Но не поворачивать же назад?

А вот и деревянный мостик над длинным узким прудом.

Ровно половина маршрута.

По мостику пройдет, дорожка вильнет вправо, и дальше с каждой минутой будет приближать ее к неэстетичному, но, по крайней мере, сухому и относительно теплomu зданию пансионата.

Мостик был деревянным и горбатеньким. Идти следовало осторожно: некоторые планки отсутствовали. Провалиться не провалишься, однако грохнуться об мокрые деревяшки — легко.

На верхней части выгнутости остановилась, подошла к перилам, посмотрела на воду и продолжила путь.

Точнее — попыталась продолжить. Потому что каблук попал в выщербленное пространство между планками и застрял в нем. В то время как небольшое, но крепкое ее тело еще продолжало движение вперед.

В общем, стукнулась Нила об мостик вовсе не элегантно и не эстетично, совсем не так, как должна была бы упасть хрупкая невысокая блондиночка.

Грохнулась, как лошадь с застрявшим копытом.

Ну, ладно. Надо подниматься. Не лежать же на мостике под дождем?

Она оперлась руками о доски, попробовала встать, но вдруг почувствовала сильную боль в ноге. Неонила поняла, что, если не сможет встать, то придется ползти больше километра. И медаль ей никто за подвиг не даст.

Почему-то стало смешно. А по щекам побежали слезы.

И ведь придется ползти — ни один нормальный человек на прогулку в такую погоду не выйдет.

Она еще раз попыталась подняться, и снова боль пронзила лодыжку. Не выдержав, Нила дала себе волю и разревелась, как маленькая.

— Чего ревим? — неожиданно раздался мужской голос.

Нила испуганно подняла глаза. Крепкий мужик с усами смотрел на нее сверху вниз. Разве что усы его, намокнув, сильно потеряли в молодцеватости.

— Ногу подвернула, — нехотя призналась она.

— А все потому, что не положено в такую погоду дамочкам гулять, — строго проговорил мужчина.

— Почему это не положено? — разозлилась Неонила.

— Потому что не положено!

— А вам положено? — съязвила она.

— Мы не на каблуках, — достойно ответил мужчина и галантно представился: — Меня Петром Ивановичем зовут. Бойко! Прапорщик в отставке.

— Нила, — мрачно ответила Беляева.

— Чего? — не расслышал мужчина-прапорщик.

— Неонила! — чуть не рявкнула она.

— Понял, не глухой, — спокойноотреагировал Петр Иванович. — Сейчас мне на плечи сядешь.

— Куда сяду? — ужаснулась библиотекарьша.

— На плечи, куда еще? Или ты жить здесь решила?

— А можно, я на вас обопрюсь? На одной ноге доскачу.

— Не положено, — хмуро проговорил Бойко. — Еще вторую повредим.

— Да кем не положено-то? — Неонила потихоньку впадала в бешенство. — Можно подумать, правила есть, как падать и как скакать.

— На все есть правила, — спокойно ответил усатый философ. — А кто их нарушает, тот ноги ломает.

Сначала прапорщик Бойко нес ее на руках. А потом просто перебро-сил, как мешок с морковкой, через плечо и поволок к пансионату.

Было неудобно, тряско и ужасно обидно.

Но другого выхода не наблюдалось. Нила не сомневалась, что, если она опять взбунтуется, то снова услышит что-нибудь типа — «Ну, живи тут».

У входа в здание встретили Беллу Эдуардовну, заведующую библиотекой пансионата. Они познакомились в первый же день. Нила все собиралась зай-ти к ней в гости, но так и не собралась. Хорошие книги привезла с собой, а в разоренном пансионате никаких интеллектуальных открытий не ожидала.

— С охоты, Петр Иванович? — поинтересовалась библиотекарьша.

— Да вот, на каблуках некоторые гуляют, — ответил, тяжело дыша, Бойко. — Лодыжки вывихивают. А где наша врачиха?

— Мирра Леонидовна в отпуске, — «обрадовала» Белла. — Со вчераш-него дня. Через три недели будет. А сам вывих не вправишь?

— Вправлю, почему нет? — Похоже, Петр Иванович был мастер на все руки. И ноги.

— Ну, тогда вперед. Пошли в библиотеку.

— Это вы про меня? — спросила Неонила, вися на плече Петра Ивано-вича почти вниз головой. — И зачем в библиотеку?

— Там криков не слышно, — по-доброму объяснил прапорщик Бойко. Наконец добрались до библиотеки.

Бойко положил Нилу на спину, на роскошный кожаный диван, и стал мягко, но не больно, ощупывать лодыжку.

— Ну, так дергайте уже, — не выдержала Беяева.

— Не положено без осмотра, — ответил добровольный лекарь. Затем, наконец, сказал: — Думаю, справимся. — Взял в крепкие пальцы ее лодыж-ку, снова легонько помял набухающую отеком ногу. И вдруг резко дернул!

— Ой!.. — громко вскрикнула Неонила.

Между тем вывихнутая лодыжка тут же встала на место, боль немного отпустила, но отек все равно уже налился.

Белла отправила проголодавшегося целителя на обед и долечила коллегу сама. Нарисовала йодную сеточку, надела на леченую ногу толстенный шерстяной носок, а сверху — настоящий валенок.

— Красота, — оценила она свою работу по завершению.

— Спасибо вам, — поблагодарила Нила.

— Может, уже пора на «ты»? — предложила та.

— С удовольствием.

В сопровождении Беллы Нила поскакала к себе в номер. Идя через пустой мрачный вестибюль — все ушли в столовую на обед, — они нос к носу столкнулись с незнакомой женщиной, явно чем-то озабоченной.

— Могу помочь? — дружелюбно спросила Белла Эдуардовна.

— Еще как можете! — обрадовалась та. — Еду вот в Городок, а в туалет хочется, сил нет! Есть у вас туалет? — Это оказалась Ольга Викторовна Шеметова.

— Есть, но года три как заколочен, — бесстрастно ответила библиотекарьша пансионата. Зато Неонила сжалилась и вошла в положение:

— Пойдемте ко мне в номер, решим проблему.

Отправляясь дальше в городок, Ольга на прощанье оставила своим спасительницам визитку.

Нила пробежала ее глазами. Сначала хотела выкинуть — вряд ли ей когда-нибудь понадобятся подобные услуги, — но не выкинула, передала Белле.

Та положила ее в сумочку.

Потом Белла пошла на обед.

Неонила же осталась в номере, лежать на диване, наслаждаясь покоем, отсутствием боли и наличием двух новых друзей, обретенных в этом забытом богом пансионате.

Настроение было отличным.

Все-таки жизнь бывает симпатичной даже в такую паскудную погоду.

Глава 3

Городок. Ольга Шеметова. Первый визит

Преодолев более ста километров почти за пятьдесят пять минут и приехав в Городок, Ольга сразу отправилась на квартиру старшего из братьев Клюевых.

Хорошую квартиру заработал своими умелыми руками стоматолог Иван. Три больших комнаты, современная мебель, двое деток-школьников.

Однако сейчас здесь было совсем невесело.

Заплаканная мать, потерянный пожилой отец.

А из братьев, собственно, один Иван и остался: оба близнеца находились в следственном изоляторе.

— Мы на вас очень рассчитываем, — раз в четвертый повторял он, тебя толстыми большими пальцами так и не закуренную сигарету.

— Сделаем все возможное, — так же в четвертый раз повторяла Ольга.

Договор на защиту уже заключен. Точнее, договоры. Защищать предполагаемого убийцу начальника РОВД будет Олег Всеволодович, а его брата Анатолия — сама Ольга.

Анатолия тоже задержали сразу, когда начали мести всех подряд. Обвиняли его в драке на городской бензозаправке, случившейся ровно два года назад. Дело прекращалось производством, возобновлялось, приостанавливалось и вот теперь опять возобновилось.

Драка та действительно была.

Пожилой отец братьев подъехал на своей заслуженной «пятерке» заправиться. Остановился у колонки, вставил заправочный пистолет со шлангом в горловину бака и пошел платить в кассу. В это время какой-то молодой «мажор» на черном американском мастодонте «тахо» с московскими номерами, подъехавший позже, вытащил заправочный пистолет из бака «жигуленка» и вставил его в свою машину. Видимо, сильно спешил, потому что рванул бегом к кассе, и уже у самого окошка опередил старика, грубо его оттолкнув.

Не учел лишь одного: здесь же заправлял свой мотоцикл один из близнецов, Толя. Владелец «тахо» тут же получил по физиономии и свалился

в маслянистую, пахнущую бензином и соляркой грязь.

В полиции инцидент постарались прикрыть, но москвич оказался не из простых, поэтому дело все же возбудили. Но лишь для того, чтобы со временем тихо спустить на тормозах.

И вот теперь скелеты начали строем вылезать из шкафов.

Самое забавное, что в этом же избиении нынче обвиняют и Николая. В суде фокус, конечно, не прокатит — не может один хулиган раздвоиться, даже если речь идет о близнецах. Однако на данном этапе следствия надежнее «закрыть» персонаж сразу по нескольким эпизодам, чем по одному. Поэтому Николаю «пришили» и темную историю с убитым коммерсантом, найденным в сожженном автомобиле. Якобы один из «братков» слышал от самого подозреваемого об этой разборке...

Ольгу не отпустили от Клюевых, пока не напоили горячим какао. Это было очень уместно, она здорово замерзла в дороге.

После горячего какао захотелось расслабиться в домашнем тепле. Не было никакого желания переться в СИЗО. «Ну, да кому сейчас легко?» — вспомнила Ольга любимую поговорку Олега Всеволодовича и оторвала расслабленное тело от мягкого кресла.

— А вы сегодня наших мальчиков увидите? — спросила Жанна. Легкая в движениях, стремительная, порывистая, такая за любимого горло перегрызет.

Жена второго близнеца, Марина, тоже была в квартире, явно переживала, глаза заплаканные, но за все время пока не проронила ни единого слова.

— Анатолия увижу, — ответила Ольга. Допустить ее могли только к своему подзащитному.

Тему своего адвоката следует раскрыть отдельно.

Свой адвокат — принципиально важно. С назначенным тебя легко могут нагрузить чем-нибудь сильно ненужным. Потому что с гражданами, задержанными или пока свободными, проводятся как бы два вида допросов. Сначала дознаватель получает объяснения — то есть общается с фигурантом без адвоката. Эти записи не являются доказательством по делу, но в дело, тем не менее, вкладываются.

Затем вызывается адвокат, и при нем уже следователь осуществляет собственно допрос. Именно для закрепления доказательств. Потом подследственный уже не сможет заявить, что, дескать, меня били и пытали, потому и подписал.

И здесь следователи очень любят иметь дело с собственными, «ручными» адвокатами. В маленьком городке такой подход часто может стать неразрешимой проблемой.

Даже самый ответственный защитник не может позволить себе ссориться со следователем или судьей, это станет, скорее всего, его профессиональной смертью. Кто ж пойдет в подзащитные к адвокату, который в ссоре с единственным в районе судьей? И на что после этого кормить семью?

В Москве, конечно, все проще. Тридцать три суда, и в каждом суде по восемь-десять, а то и больше, судей.

И это только по уголовным делам!

В общем, у адвокатов в большом городе есть возможность быть свободным, если хочешь им быть. А в маленьких городках все гораздо сложнее.

К Анатолию Ключеву Шеметова попала на удивление быстро. Похоже, будущие процессуальные противники пока врага в ней не видят.

Ее порадовало, что парень выглядит спокойным, хотя явно переживает за брата.

— А лекарства он получает? — дважды переспросил Анатолий. — Если нет — срочно звоните Гохману, заведующему ЛОР-отделением в нашей больничке.

— Надеюсь, да, — на всякий случай успокоила его Ольга, сделав себе пометку выяснить про лекарства.

— Как ему еще помочь? — задумчиво спросил страдающий за брата Толя.

— Сейчас больше, чем ты и остальные ребята, ему никто не поможет.

— Я понимаю, — опустил он голову. Потом расспросил про жену, а под конец свидания попросил передать письмо маме.

Ольга не отказала, но открыто предупредила, что прочтает его. А на прощание повторила подзащитному:

— На давление не реагируй. Просто пропусти мимо ушей. Ты не один. За тебя борются. И у тебя свои интересы, не совпадающие с интересами следствия. Если сможешь, доведи эту установку до остальных ребят. С их адвокатами я постараюсь связаться. Попробуй объяснить им, что оговорами они свою участь не облегчат. Наоборот, усложнят.

— Попробую, — пообещал Толя. Будь он на свободе, мог бы сделать больше, но и здесь его слова кое-что значат.

А пока все шло не очень хорошо.

Когда широкий бредень прошелся по Городку, в ИВС утянули весь подходящий для внушения контингент. И почти каждого из «закрытых» было за что прижать. Дальнейшее являлось лишь делом техники.

Следствие по ряду причин отказалось от лежащей на поверхности идеи отработать версию вины майора Слепнева, видимо, слишком много грязи могло выползти наружу. И поэтому приняло решение назначить убийцей начальника РОВД смертельно больного Николая Ключева. После чего началась уже осознанная и целенаправленная обработка колеблющихся. Ее основные результаты Шеметова надеялась узнать у следователя, к которому был запланирован следующий — и последний на сегодня — визит. Теоретически он мог ей отказать, так как по договору она защищала Анатолия, а убийцей пытались назвать Николая, но, к счастью, не отказал.

Капитан юстиции Владимир Александрович Маслаков встретил Ольгу дружеской улыбкой.

Кстати, стереотип о вражде адвокатуры и следствия очень часто бывает ложным. Они точно не враги, особенно если вместе пытаются найти истину. Но — так уж устроена наша жизнь — иногда преступников «назначают»,

исходя из разных рациональных соображений. В этом случае дружба с принципиальным адвокатом у следствия никак не получается.

И все же капитан всячески пытался привести ее под свои знамена. В принципе, будь Николай и Анатолий Клюевы реально виноваты в инкриминируемом им деянии, подобный вариант поведения мог бы иметь смысл для последующего снижения наказания подзащитному в суде. Но здесь был совсем другой случай.

— Вот веревка, — продемонстрировал Маслаков вынутый из сейфа вещдок. Ольга поежилась: именно этим куском был задушен главный полицейский Городка. — А вот такую мы нашли в багажнике машины вашего клиента, — вытащил идентичный на взгляд моток улыбчивый следователь. — Химэкспертиза показала полное совпадение.

Шеметова, пропустив мимо ушей ненавистное «клиент», старательно записывала.

— Это все? — спросила она.

— Ну что вы, — улыбнулся капитан. — Вот, например, Епишев Алексей Павлович, одноклассник Николая Клюева, пишет: «Николай Иванович Клюев ненавидит ментов. Всегда их ненавидел. А как раком заболел, обещал перед смертью забрать с собой в могилу пару-тройку «мусоров». Не убедительно?

— Не очень. Что там наш Епишев натворил? И что ему было обещано за это признание?

— Ну, вы прямо совсем негативно мыслите, — рассмеялся Маслаков. — Давайте дальше читать.

— Давайте, — безрадостно согласилась Шеметова.

Похоже, за неделю без адвокатского присмотра — или с назначенными местными адвокатами — тут выросла такая куча юридического дерьма, что ее теперь разгрести и разгрести.

В принципе она могла и поверить всем этим признаниям, и озвученным, и лежащим наготове, но в памяти все время звучали слова Жанны, которая нисколько не сомневалась в способности своего мужа «склеить ласты» главному полицейскому Городка. Но — только не в момент передачи «Голос»!

Вот же великая сила искусства...

— Значит, читаем дальше, — выбирал капитан из стопки, лежащей на столе. — Власов Владимир Андреевич. Старый знакомый Николая Клюева. И соучастник нескольких его преступлений.

— Вместе Кеннеди убивали? — невольно усмехнулась Ольга.

— Вместе обстреливали дом майора полиции Слепнева из гранатомета РПГ-7. Клюев стрелял, его в десантуре долго учили, а Владимир возился

с оружием, и потом присыпал дорожку отхода красным перцем. Собачки служебные обчихались.

— И что в результате обстрела взорвал хорошо обученный Клюев? — Ольга была уже в курсе этих событий, имея вполне обоснованные сомнения. Поскольку капитан юстиции промолчал, она сама ответила на свой вопрос: — Отлично подготовленный десантник Николай Клюев. Старший сержант. Три раза фотографировался у знамени части. В течение службы — два краткосрочных отпуска домой за успехи в боевой подготовке. Пульнул из базуки через речку шириной в куриный скок и попал в пустую собачью будку, а в коттедж трехэтажный не попал.

— Похоже, мы с вами каши не сварим, — процедил Маслаков, окончательно стирая с лица свою широкую улыбку и убирая в ящик стола подготовленные к дальнейшей демонстрации бумаги.

— Я, вообще-то, по другой части, — согласилась она. — Омлет, харчо, котлеты и монастырское варенье.

— А еще мне непонятно, — уколол капитан, — почему вы Николаем интересуетесь, когда ваш подзащитный — Анатолий.

— Но вы же сами начали мне рассказывать, — снова усмехнулась Ольга. — К тому же вы наверняка в курсе, что мы с Олегом Всеволодовичем Багровым, известным московским адвокатом, работаем в тандеме. А он защищает Николая.

— Мы о многом в курсе, — многозначительно произнес капитан юстиции. — Не хотите дружить — будем воевать.

— Да хотим мы дружить, — попыталась снизить градус противостояния Шеметова. — Просто не за счет интересов моего подзащитного.

— Лично мне важнее интересы общества, — закончил разговор Маслаков и поднялся.

— Оговор никогда не был в интересах общества, — тоже поднимаясь, оставила за собой последнее слово Ольга. — Хотите войну — будет вам война.

Глава 4

Москва. Адвокаты на отдыхе. Юбилей профнепригодности и Агентство Неотвратимой Справедливости

Сегодняшний день Ольга собиралась провести без работы. То есть, не касаясь ни одного из тринадцати находящихся в производстве дел, даже если подобные занятия составляют главный смысл шеметовской профессиональной жизни.

Потому что, во-первых, сегодня — воскресенье. А, во-вторых, их в гости ждали Волик Томский с женой Мариной, удивительной девушкой, успешно работавшей в теоретической математике, а «по совместительству» — концертировавшей, пусть нечасто и без гастролей, в качестве солистки-виолончелистки. Последнее, к великому сожалению, — в прошедшем времени.

— Что подарим ребятам? — спросил Олег Всеволодович.

— А у них какое-то событие? — испугалась Ольга. Обычно она не забывала памятные даты близких ее сердцу людей.

— Вроде нет, — задумался Багров. — По-моему, они всех просто так позвали.

И вдруг до них, обоих сразу, дошло.

Минуло ровно два года с того черного для Маринки дня, когда врачи объявили ей, что музыкальная карьера виолончелистки Томской завершена. Сложная операция, на которую все тогда так надеялись, результатов не дала. Два пальца на левой кисти оставались малоподвижными, один и вовсе не сгибался.

— Помнишь Маринкин праздник — со слезами на глазах? — спросил Олег. Юная, но крепкая духом, жена Томского удивила тогда многих, устроив странноватый, точнее, горьковатый прощальный концерт. Ее программу играл ее же струнный квартет, только на месте Марины была другая солистка.

— Точно! — поразилась Ольга. Невеселый, конечно, юбилей. Может, просто совпадение? Хотя у профессионального математика любые совпадения закономерны.

А начался весь тот ужас со страшной аварии, в которую Волик с молодой женой попали на Минском шоссе.

Олег с Шеметовой тоже могли бы быть с ними, в путешествие по Европе поехали ведь вместе. Но Ольгу тогда выдернули из древней ганзейской столицы, города-острова Любек, срочным звонком, и она на реактивных перекладных помчалась обратно. Да не в Москву, а в крошечный волжский городок, куда этапировали ее подзащитного, задержанного Интерполом в Венгрии и экстрадированного в Россию.

Да уж, тот ее подзащитный оказался совершенно не тривиальным человеком.

Борис Семенов, сложись его судьба иначе, мог бы быть гениальным актером, влюбляющим в себя миллионы. Однако всю юность звезда КВНа Борик провел в качестве не менее гениального консолидатора ваучерных и акционных активов, что позволило ему заработать долларовые миллионы, а его клиентам — долларовые миллиарды. Но если у главных бенефициаров миллиарды и были основной целью жизни, то Борис хотел совсем другого — спокойного счастья в доме на холме, с виноградником и на берегу океана, в окружении друзей и близких.

Все это он, в итоге, получил. И имел бы дальше в свое удовольствие, если бы не неосторожная прогулка в Венгрию, которая всегда с особым тщанием исполняет предписанное циркулярами Интерпола.

В общем, полноценного европейского отдыха в компании друзей и коллег у Ольги с Олегом тогда не получилось. И именно поэтому в жестокое дорожное столкновение в Гагаринском районе Смоленской области попали только Волик с Мариной.

Все тогда было не просто, друзей пришлось спасать и по юридической, и по медицинской части. К счастью, обошлось без фатальных по-

следствий. Единственное, что было потеряно безвозвратно — музыкальная сторона Маринкиной жизни. Многочисленные переломы рук и пальцев не оставили ей шанса вернуться к любимому делу.

Зная ее всепоглощающую любовь к музыке, все девушке сочувствовали.

Впрочем, никто не считал, что потеря слишком уж трагична. Марина молода, красива, супругам Томским пора было уже задумываться о детях. Да и математика тоже была ею любима, и даже приносила относительно приличную зарплату.

Но не такая была жена у Волика, чтобы сразу согласиться с очевидным.

Два года — восемь операций, и это только на левой руке и пальцах. И пока — без очевидного результата. Правая рука пострадала меньше, однако высоким специалистам из отделения реконструктивной хирургии пришлось поработать и здесь.

Очень помогла Маринке в это тяжелое время Муна, молодая гражданская жена их самого старшего коллеги по конторе, Аркадия Семеновича Гескина. Ведь сразу после травмы, да и потом, после многочисленных операций, Марина была житейски не самостоятельна. Впрочем, Муна помогала ей не только, так сказать, физически. Веселый, даже слегка бесшабашный характер молодой азиатки, много чего уже повидавшей в жизни, очень поддерживал слабеющий Маринкин дух.

Кстати, когда Муна только появилась в жизни Аркадия Семеновича, к ней отнеслись не очень хорошо. В конторе же все, как родственники. Вот и здесь исподволь подозревали Муновар — так ее звали полностью — в меркантильном интересе.

Валентина Семеновна, их бессменная секретарша, признала Муну первой. Презрев некую тайную ревность, она сумела заставить себя заметить, как расцвел их старик. А ведь еще недавно, после поставленного онкологического диагноза, он без особого страха и трепета собирался на кладбище. Теперь же Гескин был, как говорится, живее всех живых.

Шеметову поначалу слегка коробила финансовая организация этого брака-мезальянса. Старик, не желая обижать родных детей, ныне живущих за океаном, написал завещание в их пользу. Ольга знала детали, поскольку он ее же и попросил в этом поучаствовать.

Интересы Муны Гескин защитил самым прямым образом: к себе на Фрунзенскую прописывать не стал, равно, как и официально оформлять брак. А купил ей, прямо на ее имя, приличную квартирку в спальном районе, ну и деньгами делился щедро, старик никогда не был жмотом.

Ольга почему-то часто о них думала. Единственно, что пугало ее в этих отношениях — их будущее. Уже сейчас Муна относительно независима, еще год-два — и деньги Гескина уже будут... не то, что не нужны, но — не

необходимы. А ведь она молода. Она может влюбиться. Наконец, ей захочется детей. И тогда уж точно уйдет от старика. Для Аркадия Семеновича такой вариант может оказаться пострашнее рака...

Поскольку было непонятно, что дарят на юбилеи печальных диагнозов, Ольга решила взять с собой свое знаменитое монастырское варенье. Она прекрасно готовила его по старому монашескому рецепту: изюм, виноград, абрикосы, орехи, чего там только не было! Даже те самые специи, которые превращают пищу в блюдо.

Специально для «экспорта» готовила несколько банок с сахаром. Так что взяла сразу две, одну большую — стандартно сладкую, другую маленькую — сладкую лечебно. Не сидеть же ее собственному любимому без любимого лакомства?

Доехав до прекрасной квартирки Томских — здесь уж постарался не только Волик, но и его слегка олигархический папа, — обнаружили не слишком большую компанию. Ну, конторские в полном составе, что понятно: Гескин с Муной, Валентина Семеновна, Тошка — «юный пионер». Из чужих — лишь Ефим Аркадьевич Береславский, со своей женой Наташей. Тоже, кстати, не совсем чужие. В свое время, когда только познакомились, Наташа Ольгу просто очаровала. Спокойная, красивая, она до сих пор выглядела очень сексуальной, несмотря на честные под пятьдесят. А главное — по-девичьи была влюблена в это свое толстенькое чудовище, чьи глазки посверкивали так же нагло, как и стекла его очков. Профессор Береславский был фантастически нахальным, громким, самовлюбленным и циничным человеком. По крайней мере, таково было первое впечатление Шеметовой от этого шумного и полного безумных идей персонажа.

Последующие впечатления несколько ослабили негатив.

Нет, он вовсе не стал похожим на мать Терезу. Но наглость в этом человеке легко сочеталась с деятельным сочувствием, эгоизм — с быстрой помощью страждущим, в том числе малознакомым. Даже его всем известная искренняя любовь к быстрым деньгам и то слегка нивелировалась тем, как он потом эти деньги тратил.

Если тремя словами — быстро, легко и без сожалений.

А еще Береславского обожали дети и животные, в связи с чем Ольга сделала вывод об интегральной приемлемости этого нестандартного человека.

Вот почему, пока Маринка с Муной, Наташей Береславской и Валентиной Семеновной возились на огромной кухне, Шеметова вела неспешную беседу с безумным профессором.

— Как поживает ваша идея с экодеревней? — спросила она. Вот уж действительно безумная идея.

— Нормально, — ответил Береславский. Но как-то без энтузиазма. Три года назад, когда он к ней только приступал, — заливался соловьем.

— Что, не получилось? — расстроилась Ольга.

Даже ее тогда заразил Ефим Аркадьевич, она не раз потом вспоминала про этот проект. Если в двух словах, то профессор придумал и просчитал вовсе не очередной экопоселок для богатых (или, наоборот, бедных) любителей естественной жизни. Он раскручивал, по его же собственному определению, совершенно иной концепт — уникальную, постоянно действующую выставку достижений. Правда, не всего «народного хозяйства», как раньше, а лишь того, что относилось к загородной жизни и экологическому сельскохозяйственному производству.

При таком подходе деньги собирались не только от продажи земельных участков, домов и произведенной экопродукции, но, прежде всего, от трафика посетителей. А уж на нем зарабатывали все: и кто кормил, и кто возил, и кто охранял, и кто продавал землю. Трафик же оказывался велик: в сферу интересов «выставки» и запланированного на ее базе учебного центра попадало слишком многое — от безхимических методов растениеводства до альтернативной энергетики и экостроительства. Короче, безумному профессору удалось собрать лучших специалистов, а потом к этим лучшим подтянулись серьезные деньги.

Вот почему Ольга, поначалу никак не поверившая в успех странного предприятия, теперь слегка расстроилась от невеселого тона профессора.

— Почему не получилось? — искренне удивился профессор. — У меня проколов не бывает. Только победы. Капитализация проекта выросла в 14 раз.

— Так чего ж вы в печали? — рассмеялась Ольга.

— Я не в печали, — объяснил Береславский. — Просто тот проект перестал меня куражить.

— А что теперь вас куражит? — уже всерьез заинтересовалась Ольга.

— Я бы хотел создать Агентство Неотвратимой Справедливости, — спокойно сказал Береславской.

— Что-что? Какой справедливости?

— Неотвратимой, — невозмутимо повторил профессор.

— Да, не хило, — улыбнулся Волик. С профессором всех познакомил именно он, потому что Береславский дружил с его папой. Вообще, когда Ефима Аркадьевича узнаешь получше, вдруг выясняется, что тяжело найти заметного человека, с которым он не дружит. — Это что-то типа Организации Всемирного Счастья?

— Нет, так глобально задача не ставится, — пренебрег профессор ехидной сутью вопроса. — Вот смотрите, мои юные друзья. Нас с вами каждый день... — Он замешкался, явно подбирая приличный вариант слова вместо готового вырваться с языка неприличного. — ... Ну, короче, нечестно обманывают.

— Что вы имеете в виду? — уточнил Волик.

— Ни за что списали деньги с телефона, прислали незаслуженный штраф, обещали трафик 100 мегабит в секунду, а выдали 6. Вон мой приятель из Новосибирска прислал жировку от управляющей компании за июль. В ней, среди прочего, 145 руб. за уборку снега. Конечно, Новосибирск не Сочи, но в июле и там снег бывает только в холодильнике. Конечно, суммы подобных поборов, может, и невелики, зато количество бесконечно. В карман гражданина лезут все, кому ни лень. Связисты, интернетчики, коммунальщики, транспортники, госслужбы, нотариусы. Все нас имеют. Понемногу, но часто.

От интересного разговора всех отвлек вкуснейший обед. А после него к этой теме уже не возвращались.

Береславского занял разговорами зашедший на огонек папа Волика, человек с примерно таким же психотипом. А еще через двадцать минут всех «развлекла» хозяйка вечера, Маринка.

В дверь позвонили, и в гостиную вошли трое: две девушки и мужчина. Их узнали — музыканты из бывшего Маринкиного квартета.

«В самом деле, юбилей», — подумала Ольга, в очередной раз пожалев бедную подружку.

Гости ушли с хозяйкой в другую комнату, а вышли уже переодетые и с инструментами, заранее припрятанными в недрах бескрайней квартиры Томского.

Марина тоже была в шикарном концертном платье до пят, благородного зеленого бархата, с черными парчовыми вставками. Прекрасная фигура, лебединая шея, гордо посаженная голова, чудесное лицо — все это отходило на второй план. Потому что взоры притягивали ее глаза.

Потому что ее виолончель сверкала лаком, а ее глаза — счастьем.

... Расходились довольные, радостные и... какие-то пристыженные, что ли. А они смогли бы так?

Восемь операций. Восемь наркозов. Сотни часов болезненных упражнений. И все это — не ради заработка, даже не ради признания. А только лишь для того, чтобы снова ощутить под пальцами струны.

«А я бы смогла», — вдруг решила Шеметова.

Не из-за музыки, конечно.

Но если бы что-то угрожало главному интересу ее жизни — она бы пошла и на сто операций, и на сто наркозов.

Она бы вообще на все пошла, лишь бы оставаться тем, кем и была — Защитницей.

Глава 5

Пансионат «Стожки», а также деревня Стожки. Библиотекарша и прапорщик. Продолжение банкета

А в пансионате «Стожки» вдруг все круто поменялось.

Нет, безликие панельные корпуса не раскрасились в одночасье радужными знаменами. Еда не стала разнообразней и вкусней. И даже дырки между планками на горбатом мостике остались столь же зияющими.

Но зато теперь, проходя мимо них, московского библиотекаря Неонилу Леонидовну Беляеву надежно поддерживала крепкая мужская рука.

Правда, ее напрягало в новом знакомце все: проскальзывавшее в разговоре фрикативное «г», усы торчком, тренировочные штаны, которые тот искренне считал универсальной одеждой. Еще от него пахло дешевым табаком.

И все же время с появлением на ее жизненном горизонте усатого отставного военного пошло гораздо быстрее и проходило значительно веселее.

На этот раз Белла пригласила своих новых друзей из пансионата к своим старым друзьям из Стожков. Петр Иванович тоже их знал, по каким-то своим каналам.

Собственно, жителями Стожков те бывали только по выходным, в остальное время трудясь в столице. И сейчас, прибыв на уик-энд, пригласили Беллу и Петра в гости. А та уже позвала Нилу и Бойко.

Во второй половине дня, подхватив Беллу Эдуардовну, отправились в Стожки.

Деревня Стожки, когда-то не самая маленькая в Московской области, выродилась в одну-единственную улицу. Сходишь с мостика, еще двадцать метров земляной дороги — и вот она. На этой улице жили всего трое «аборигенов» — круглогодичных местных жителей. Точнее, жительниц. Еще точнее — по настоящему местной была только одинокая старушка Семеновна. Второй местной была тетя Наринэ со своим многочисленным семейством. Именно она держала и кур, и козу. Зимой жила одиноко, летом наезжали внуки.

Она угодила сюда четверть века назад, и ей было без разницы, где поселить своих троих детей, потому что бежала Наринэ с детьми

из Сумгаита. Ее мужа убили все в том же Сумгаите, одном из первых кровавых мест, где напрочь сломался тезис о братских народах, населявших бывший СССР.

Кроме Наринэ и старушки Семеновны в деревне постоянно жила еще одна неполная семья. Та еще семейка. Сильно пьющая мамаша и ее маленький ребенок. Московскую квартиру пропила, переехала сюда. На что жили, непонятно. Ребенка вечно подкармливали друзья Беллы. Но это по выходным. Кто его кормил по будням и долгой зимой, было неясно.

Рожковы только что приехали из Москвы, так что предстоящий банкет еще следовало приготовить.

Их было трое: Виталий, его жена Валентина и ласковый и нежный зверь Аргентум. Именно так супруги представили довольного крупного ротвейлера, страшного, как и положено породе, снаружи, и доброго, как уверяли хозяева, внутри.

Неонила с опаской погладила зверя по плоской черной голове. Поначалу ей было страшновато, а потом стало даже обидно. Потому что Аргентум попросту не заметил ее ласк, поймав на свежем воздухе приятную дремоту. Затем хозяева насыпали ему сухой корм в миску, и он, услышав чудесный шум — стук гранул об алюминий, — рванул к еде, вновь проигнорировав Нилу.

А вот прапорщик ее точно игнорировать не собирался.

Галантно подставив руку, Бойко отправился с Неонилкой к тетушке Наринэ, благо, куриц он у нее покупал уже не однажды.

Наринэ ковырялась на огороде, полола сорняки.

При виде гостей она разогнулась, вытерла лицо белоснежной тряпочкой и повела их в дом.

Там все было чистенько, уютно.

Нилу удивило лишь пианино в углу деревенской избы.

— Вы играете? — машинально спросила она.

— Играю, — спокойно ответила Наринэ, почему-то вздохнув. — Зимой, когда время есть, сажусь иногда. Раньше мечтала о минутке свободной, а теперь маюсь, когда нечем заняться. Вот дети пианино и привезли. Вы удивляетесь, откуда у деревенской тетки такие навыки? — неожиданно рассмеялась она. — Я же бакинскую консерваторию окончила. Когда мужа убили, пришлось удирать. В чем были, в том в Москву и убежали. Детей в охапку, такси, автобус, поезд. Тогда границ еще не было. Кто-то жил у родных, кто-то надеялся на государство.

— А почему в Москву? — спросила Нила.

— Она казалась нам самым безопасным местом. Представить себе не могла, что здесь будут стрелять.

— А родственники? — не выдержал прапорщик.

— У нас нет близких родственников, — невесело усмехнулась Наринэ. — Родные мужа погибли в Спитаке, при землетрясении. Я сама — очень рано осиротела. Когда его не стало, я осталась одна в самом прямом смысле. И трое детей. Короче, Москва — потому что видела погромы и верила, что здесь такого не будет. Деревня — потому что на земле не умрешь с голоду.

— Вы молодец, — с нескрываемым уважением произнесла Неонила.

— Да ладно, — отмахнулась Наринэ. — Куда от детей денешься? Родились — расти.

— Так и положено, — согласился с ней Петр Иванович и добавил: — А вы, конечно, молодец.

Бойко и Неонила ушли от Наринэ с двумя увесистыми, уже ощипанными, курицами, парой десятков яиц и свежей, только что с грядки, зеленью.

— Не повезло ей, — затворив калитку, сказала Неонила. — Такая тяжелая жизнь получилась.

— Повезло, — возразил прапорщик. — Жизнь получилась.

— Пожалуй, вы правы, — после длительной паузы ответила она.

А на даче Рожковых народу прибыло.

Мальчик лет трех уплетал за обе щеки бутерброд с сыром — горячая пища пока не подоспела. Он опасливо глянул на пришедших и еще активнее принялся за еду.

— Это наш Мишка, — объяснила Валентина.

Оказалось, что Мишка — как раз сыночек той горе-мамаши, которой лучше было бы не размножаться вовсе.

При внимательном взгляде на Мишку его неудачное происхождение становилось очевидным.

Довольно дорогой летний комбинезончик — как выяснилось, тоже подарок Рожковых, от их старшего внука, — был таким грязным, как будто его вовсе не стирали. Впрочем, всю глубину беды демонстрировали вовсе не проблемы с одеждой.

Гораздо больше Неониле не понравилось другое — глаза мальчишки сверкали совсем не детским, недобрым блеском. А бедного Аргентума, пришедшего на запах сыра, он даже чувствительно огрел палкой по голове. Пес рыкнул и, от греха подальше, удалился к забору, в тенек.

— Мишенька, нельзя собачку бить, — сказала Валентина. Но у мальчишка на этот счет было явно иное мнение, хотя он все время молчал.

— А он уже разговаривает или нет? — спросила Нила.

— Говорит, говорит, — странно усмехнулся Виталик. — Иногда такое скажет...

Тем временем мужчины соорудили самодельный гриль, и замаринованные курицы заняли свое место на адской карусели.

Мишка же вдруг... исчез. Только что был — и уже нет.

— А был ли мальчик? — задумчиво проговорила Белла Эдуардовна.

— Был, — подтвердила Валентина. — Сейчас от курицы запах пойдет — снова появится.

Она оказалась права. Мальчик быстро вернулся. Да не один, а, похоже, с матерью, обрюзгшей женщиной непонятного возраста.

— Соседи, не одолжите сотню-другую? — обратилась она к Рожковым.

— Нет, Маша, — твердо ответила Валентина. — Не одолжим.

— Ну, и черт с вами, — сказала та. Однако не ушла, а, наоборот, присела на траву.

— Маша, я положу тебе кусок курицы, и, пожалуйста, уходи, — сказал Виталий.

Женщина приняла одноразовую тарелку с приличным куском курятины. Мишка тут же полез к ней с вытянутой рукой, но, моментально получив затрещину, громко заплакал и кинулся в открытую дверь домика Рожковых.

— Ну, ты и сволочь, — процедила Белла Эдуардовна.

— Твое какое дело? — повернулась к ней женщина. Рожковы молчали, не желая втягиваться в конфликт. Их можно понять: такая тварь и дом спалит — не моргнет. Если уж ей своего ребенка не жалко.

— Вали отсюда, курва рваная, — тихо, но очень отчетливо сказала Белла, да еще добавила несколько словосочетаний, уже вовсе нелитературных.

Соседка Рожковых молниеносно схватила из корзинки кусок хлеба и рванула со своей курицей за калитку. А Белла заплакала, да так, что успокаивать ее кинулись обе женщины, отпаивая водой и принесенной из домика валерьянкой.

Обед прошел в молчании, пока Белла окончательно не пришла в себя.

Тут и Мишка появился, для него оставили шикарный кусок грудки. Мальчик принялся за мясо, быстро и некрасиво заглатывая непрожеванные куски.

— Не спеши, Мишенька, — ласково произнесла Валентина. — Это твой кусочек, никто не заберет.

Он сверкнул глазами, слегка сбавив темп, но видно было, что мальчишка настороже.

— Как волчонок, — вздохнула Неонила.

— Вырастет — будет волком, — сказал Виталик. — Старшие уже. Один в тюрьме, другой в спецшколе.

Над импровизированным столом повисло долгое молчание.

После еды еще немножко посидели, поговорили на разные темы. Веселье и утреннее настроение так и не вернулись.

А на следующий день, в одиннадцать утра уже был отъезд. Петр Иванович оставался еще на неделю, а Неонила уезжала. Он пошел провожать ее до автобуса.

— Не надо, зачем время терять, — пыталась отказаться Неонила. — Чемодан же на колесиках.

— Не положено, — мрачно ответил прапорщик. — Колесики мелкие. В гравии застрянут.

— Спасибо вам за все, — искренне поблагодарила его Неонила, садясь в автобус.

— Это вам спасибо, — ответил Бойко. Был он сейчас весь унылый, выглядел старше своего возраста и вовсе не оправдывал свою фамилию. — Можно я вам позвоню?

«А смысл?» — подумала про себя Неонила, но вслух сказала:

— Можно, конечно.

Пусть звонит, ей не жалко.

Глава 6

Городок. Адвокаты, чиновники и граждане

В этот раз Ольга приехала в Городок с любимым Олегом Всеволодовичем.

На въезде в город, на посту дорожной полиции, опять был шмон. Более того, данные о приезжающих даже вносились в портативный компьютер. Не забыли спросить про цель приезда. Адвокаты ответили, что намерены пообщаться со свидетелями по делу.

Визиты в СИЗО в плане не стояли, все необходимое с томящимися в узилище братьями было уже обговорено. Защитники хотели пообщаться с некоторыми причастными к делу: с отпущенными из ИВС гражданами, ставшими участниками оговоров, с их местными адвокатами. Да и просто с горожанами, от которых хоть что-то могло зависеть.

Единственная официальная встреча предстояла с нынешним исполняющим обязанности начальника РОВД Городка Георгием Витальевичем Слепневым. И то, по вопросу, имеющему к юриспруденции лишь косвенное отношение.

Дело в том, что Николай Ключев из положенных ему четырех лекарств получал в камере лишь два. Формально было сообщено, что остальные относятся к разряду запрещенных, в связи с присутствием наркосодержащих компонентов. Неформально — что так решил лично Слепнев, используя снабжение лекарствами как один из рычагов давления на будущего процессуального противника.

И сейчас Олег Всеволодович собирался с ним говорить на эту тему, имея на руках заключение, в котором черным по белому было написано, что лекарство наркотиком не является.

Документ тоже появился не сам по себе. Его составил друг лечащего врача Ключева, к которому Ольга подъезжала в Москве. С самим лечащим врачом, Михаилом Аркадьевичем Гохманом, Олег также побеседовал по телефону.

Оказывается, Гохман на встречу к Слепневу ходил сам. Рассказал тому и про необходимость совместного приема Ключевым всех препаратов, и про отсутствие наркосодержащих компонентов в запрещенных к передаче лекарствах.

Слепнев, улыбаясь, объяснил пожилому врачу, что теперь в Городке все решает он, Георгий Витальевич. Пока еще майор, но представление на повышение уже ушло в Москву. И должность, которую он твердо намерен занять, даже не подполковничья, а полковничья.

Гохман осведомился, какое отношение это имеет к лечению лейкомыосаркомы носоглотки. В ответ услышал, что теперь он, Слепнев, имеет прямое отношение ко всему, что происходит в Городке. Более того, без его высочайшего повеления ничего здесь происходить и не будет. Так что пусть заведующий ЛОР-отделением и дальше им заведует, ни во что ненужное не вступая. Во избежание, как говорится, последствий.

Ошарашенный Гохман, после долгой паузы, задал последний вопрос: не стыдно ли будущему полковнику так разговаривать с человеком, который лечил его родителей, его жену, да и его самого?

Тот сразу посерьезнел, чуть сбавил тон и откровенно поделился с врачом сокровенным.

Нет, не стыдно. Мир так устроен, причем — не им, Слепневым. Он всегда был так устроен. Кто сильный, тот и прав. Против доктора он ничего не имеет. Если, конечно, доктор не станет ему, Слепневу, сильно мешать. В этом случае майор лишится хорошего врача, а доктор — всего сразу. Причем врача при таком раскладе найти будет легче, чем работу, свободу и здоровье. В общем, все очень конкретно объяснил.

У доктора даже давление поднялось. Он вышел из кабинета, не протянув будущему хозяину Городка руки.

— Как все запущено, — прокомментировала Ольга, когда Олег пересказал ей телефонный разговор с Гохманом.

Первая деловая встреча состоялась в кафешке при автозаправке. Такое странное место для randevу выбрал Михаил Петрович Косицын, адвокат Володи Власова, бывшего одноклассника Николая Клюева.

Одноклассники — это на всю жизнь. А приятелем он теперь точно стал бывшим, потому что именно Володя, в присутствии Косицына,

подписался под признанием, где рассказал, как они с Ключевым Николаем обстреливали дом нынешнего руководителя РОВД из гранатомета РПГ-7.

Признание было написано максимально «комфортно» для Власова. Он сам не стрелял, базуку и боеприпас — да, таскал, не более того, даже не знал заранее, зачем Ключев притащил его на этот тихий бережок. Ну, и поскольку здорово разбирался в оружии, помог привести реактивную гранату в боевое положение и зарядить гранатомет, не думал же, что будут по живым людям палить.

Красной нитью в его показаниях проходила любовь к оружию. Потому и поперся с Николаем в лес, что хотелось «в полигонных условиях» опробовать как базуку, так и якобы бывшие при них гранаты РГД-42 и Ф-1.

Гранаты предположительно были приобретены Ключевым у «черных копателей», и Власов, любитель и знаток оружия, помог привести их в боевое состояние.

Единственная реальная вина Власова — именно он посыпал дорожку отхода красным перцем. Собачки служебные потом обчихались и след не взяли.

Перец Володя захватил из дома, несколько упаковок, так что не жадничал, сыпал щедро. А взял по просьбе того же Ключева, намекнувшего ему, что потом, после стрельб, собирается «подломить» некий магазинчик.

Короче, Володя, согласно этой бумаге, конечно, не ангел, но уж точно не потенциальный убийца и террорист. Так, мелкий жулик, правда, с любовью к оружию. А потому, после подписания сего документа подследственный был отпущен из ИВС под подписку о невыезде.

Кто просидел хоть денек в следственном изоляторе, тот понимает разницу между арестом и подпиской о невыезде...

Олег, Ольга и Михаил Петрович сидели за крохотным круглым столиком в полутемной кафешке.

Косицын выглядел, честно говоря, не очень. Глазки умные, но окруженные темными, нездорово отекшими кругами. Большой нос и дрябловатые не по возрасту щеки часто прорезаны тонкими сине-красными жилками. Не нужно было быть медиком, чтобы определить вредные привычки юриста.

Ольга и Олег заранее знали о пагубных пристрастиях Косицына, однако из соображений тотальности исследования решили его не пропускать. Старательным многое удастся из того, что не получается у ленивых.

— Ну, что, друзья, намерены сокрушить местную Немезиду? — хриловато хихикнул Михаил Петрович.

— Да бог с ней, с Немезидой, — улыбнулась Ольга. — У нас задачи попроще.

— Как вы видите ваши цели? — посерьезнел юрист. Москвичи уже знали, что когда-то он действительно был хорошим юристом. Служил в прокуратуре и, как многие пьющие прокуроры, заканчивал профессиональную карьеру здешним же адвокатом.

— Вытащить невинных из тюрьмы, — ответил Олег. — Вот и все цели. Власть свергать не намерены.

— Слава богу, — хмыкнул Косицын. — У всех свергателей жизнь короткая.

Багров продолжал про себя удивляться, что Ольга увидела в опустившемся юристе? И все же он решил взять быка за рога и спросил напрямик:

— Михаил Петрович, мы точно знаем, что ваш подзащитный оговорил нашего. Мы сможем с вами как-то посотрудничать в этом вопросе?

— Это я ему посоветовал, — ответил Косицын, наливая себе коньяк. — Иначе, боюсь, получилось бы, что стрелял Вовка. А он мухи не обидит. И в тюрьме ему ничего не светит.

— А кому-то в тюрьме сладко? — не понял Багров.

— Братовья отсидят — не моргнут, а у этого место будет у параша, если не под шконкой. Слабый он.

— Значит, получается, слабому можно оговорить другого? — возмутилась Ольга.

— Вот же москвичи! — беззлобно рассмеялся Михаил Петрович. Похоже, он стремительно пьянел. — Это у вас там — газеты, телевизоры, оппозиция. А у нас оппозиций не бывает, все в одной и той же позиции.

Шеметова перестала вообще понимать, почему Косицын, несмотря на свой пессимизм, согласился на встречу.

— То есть, если мы схватимся жестко, вы нам категорически не поможете? — спросила она.

— Ни-ко-гда! — по слогам произнес адвокат. И добавил: — Живу я здесь, понимаете?

— А зачем тогда вообще согласились встречаться? Вдруг кто узнает?

— Чтоб на вас посмотреть. И, может, сообщить что-нибудь, — вдруг, словно мгновенно протрезвев, ответил Косицын.

— Посмотрели — сообщайте, — широко улыбнулась Шеметова.

— Вовка в армии не служил.

— И что? — не поняла Ольга.

— Нежный он очень, прям как девица красная. Короче, он в показаниях и про тип гранатомета, и про ручные гранаты — все «написал». С марками, с цифрами. А опознать — не сможет, в глаза не видывал. Эти идиоты списали из методички, а я вмешиваться не стал. А еще он признался, что дорожку отхода красным перцем посыпал. Десять пачек из дома принес. У матери из шкафа взял.

— И что? — не поняла Шеметова.

— У матери аллергия на красный перец, вплоть до анафилактического шока. — Бывший прокурор явно не забыл умные слова. — В больницу возили, а то бы померла.

— Давно возили? — начала понимать Ольга.

— Года три назад. Я заранее у Гохмана неофициально выяснял. Все записи в больнице остались.

— То есть, красного перца в доме быть не могло?

— Исключено. А он из дома принес. Десять пачек. Даже из какого шкафа и с какой полки взял — все написано.

— Спасибо. Вы — молодец, — искренне поблагодарила Ольга. Непонятно пока, как это использовать — но чем больше подобных фактов, тем проще будет развалить обвинение. Тем более что впереди маячил суд присяжных, а они, как правило, реально пытаются вникнуть в дело. Увидев столько вранья, могут не поверить остальному.

Москвичи поднялись и сказали напоследок:

— Если еще что-то вспомните — звоните.

— За успех вашего безнадежного дела, — поднял свою опять не пустую чашку старый юрист.

День начался удачно.

А вот далее выпали сплошные разочарования.

Адвокат Епишева, тоже местный, не только отказался встречаться, но и пригрозил рассказать «органам», если они еще будут ему звонить. Епишев, «сдавший» намерение Николая Ключева «убивать ментов», конечно, не был коренным свидетелем обвинения. Но все равно обидно.

Гохман встретиться не отказывался, однако, поскольку он лежал с сердечным приступом в своей же больнице, адвокаты сами перенесли встречу.

Оставалось только одно дело — беседа с участником следственной группы, начальником местного РОВД Георгием Витальевичем Слепневым. Пока — и.о. начальника РОВД. Впрочем, Багров почему-то не сомневался, что Слепнев свой вождеденный пост получит.

Ольга с Олегом не пошла, поехала к Ключевым. Утешать и психологически поддерживать — такая обязанность не прописана ни в одном адвокатском контракте. Но она имеется в душе каждого нормального адвоката.

А Багров прошел по пути, который в прошлый раз достался Шеметовой.

Ему быстро выписали пропуск и проводили в кабинет.

Слепнев встретил широкой улыбкой и крепким, энергичным рукопожатием.

— Ну что, надеюсь все-таки на сотрудничество, — сказал он. — Ваша супруга излишне романтична. Ну, так она женщина, ей положено.

Олег промолчал, ожидая, когда ему объяснят принципы предполагаемого сотрудничества.

Ожидание оказалось до неприличности недолгим.

Похоже, они тут, в своем Городке, совсем берега потеряли. Хотя, с другой стороны, разве в Москве по-другому? Захотят посадить — посадят. И все же в Москве Олег ни разу не сталкивался со столь откровенными непотребными предложениями. Правда, прежде чем их озвучить, майор попросил сдать ему мобильный телефон, который был немедленно убран в сейф. Затем включил какой-то мудрый прибор. Надо полагать, проверял, нет ли на Багрове неких хитрых устройств. Убедившись, что нет, сразу перешел к сути.

— Итак, что мы имеем. — Разговор еще не начался, а уверенный в себе майор уже подытоживал. — Два брата. Один убийца, болен раком, вот-вот помрет. Второй — здоровяк, тоже преступник. Может сесть надолго. С диспозицией согласны?

— Нет, конечно, — улыбнулся Багров.

— Это неважно, — улыбнулся в ответ Георгий Витальевич. — Вариантов развития два. — Тут он сделал паузу.

— Какие же? — включился Олег.

— Первый — правильный. Убийца сознается и будет не жестоко, с учетом смертельной болезни, осужден. Хотя до суда, скорее всего, не доживет. Ему пару месяцев от силы осталось. Его брат окажется невиновным и выйдет на свободу. Надо же кому-то кормить детей и племянников?

— Надо, — согласился адвокат. — А что со вторым вариантом?

— Вторым — неправильный. Убийца не сознается и все равно помирает до суда. Даже, может, быстрее.

— Без лекарств? — уточнил Багров.

— Ну, не будем же мы в следственный изолятор наркотики возить, — мягко улыбнулся Слепнев. — Короче, этот вариант во всех смыслах неправильный. Убийца и умирает быстрее, и мучается больше. А брат, вместо того чтобы работать за двоих, идет на зону по трем неприятным составам. Выбор направления практически целиком зависит от вас с Ольгой Викторовной.

«Навел-таки справки о нас, — подумал Олег Всеволодович. — И не такой уж он всесильный. Микрофона-то испугался».

— У меня тут справка есть, — выложил бумажку на стол адвокат. — В лекарствах нет наркотиков.

— Неважно, — даже не посмотрел на нее Слепнев. — Вы сразу ответите, или нужно время посоветоваться, подумать?

— Сразу, — твердо ответил Багров.

Майор перестал улыбаться. Видать, понял, что будет сказано дальше.

— Думаю, братья не виновны. В отношении них имеется оговор и преступления со стороны правоохранительных органов.

— Что вы еще думаете? — жестко спросил Слепнев. Его глаза были прищурены, будто майор уже смотрел в прицел.

— Еще я думаю, что тоже готов предложить вам два варианта, хороший и не очень.

— Валяйте, — разрешил тот.

— Хороший — выпускаем братьев, прекращаем оговоры, восстанавливаем справедливость и стараемся все забыть.

— А плохой?

— Не выпускаем братьев. Шьем им дела, которые разваливаются в суде присяжных и привлекают к делу общественное внимание. Начинаются настоящие поиски настоящих убийц.

— И чем же второй вариант плох? — зло улыбнулся вновь испеченный начальник РОВД.

— Слишком долго. Слишком рискованно. Слишком непредсказуемо, — ответил Багров.

— Вроде все правильно понимаете, — задумался майор, — а тоже ведете себя, как юноша романтический.

— Профессия у нас такая, — спокойно проговорил Олег Всеволодович.

— Значит, вы все окончательно решили? Пока не покинули кабинет, можете передумать. Да и потом можете, только условия будут уже другие.

— Мы все окончательно решили, — подвел черту Багров.

— Хорошо, — кивнул майор. — Пошло-поехало. Великая битва быка с тепловозом.

— Однажды теленок уже бодал дуб, — напомнил ему адвокат. — И дуб рухнул.

— Только не в нашем случае. — Слепнев поднялся из-за стола, давая понять, что аудиенция закончена.

— И в нашем — тоже. — Багров также встал, ожидая, когда ему вернут телефон. — Не берите на себя слишком много. Вы — не бог.

— Это почему же? Здесь, в городе, я именно бог и есть.

— Не-а, — весело ответил адвокат. — Боги «прослушки» не боятся и телефоны в сейфы не прячут.

Он вышел из кабинета, спиной ощущая два глаза-ствола.

Конечно, Олег не хотел войны. Однако жизнь порой ставит в такие ситуации, когда выбирать уже не приходится.

Глава 7

Снова Стожки. Библиотекарь Беляева и прапорщик Бойко. ЧП в деревенском доме

Она действительно не видела никакого будущего рядом с Бойко. Не то что общего, но даже хотя бы частично совместного.

Конечно же, Неонила была очень благодарна bravому прапорщику. Страшно даже вспомнить, как она валялась на мокром дощатом мостике, зареванная и несчастная, искренне уверенная, что ее нога сломана безвозвратно, а жизнь закончена. В таком контексте появление Петра Ивановича не могло рассматриваться иначе как подарок судьбы. Да и дальше, весь ее так бездарно начавшийся отпуск, он сделал все, чтобы заслужить если не любовь, то большую благодарность.

Благодарность заслужил. Искреннюю.

И все же — не любовь.

Потому что Неонила — как-никак, столичная интеллигентка в энном поколении. Пусть это качество уже лет сто не рассматривается в родной стране как достоинство, но истинным интеллигентам гримасы и ужимки текущей власти мало интересны. Им текущая власть параллельна в самом прямом смысле этого математического понятия. Эстетически не пересекаются. Интеллигенты самодостаточны. И, если так можно сказать, — самогорды.

Нет, нет, упаси бог, Неонила Беляева никогда не делила людей на белую и черную кость. А слова чернь или плебей вызывали у нее яростное негодование. Неонила Леонидовна готова была грудью встать на защиту человека из народа. Но, если честно, не готова была делить с ним свою единственную жизнь. Даже в таком варианте, когда больше делить было не с кем.

Бойко в этом плане отличался от нее разительно. Он-то как раз был готов немедленно разделить со спасенной библиотекаршей все то небольшое, что у него было. Более того, в его от рождения неглупой, хоть и упертой голове даже мыслей не возникало, что симпатичных друг другу людей могут разделять некие нефизические субстанции, типа «читал ли ты Кафку?»

Дураком прапорщик точно не был и сразу понял, что Кафку нужно-таки прочесть.

Единственная проблема — он не знал такой фамилии — Кафка. Просто нутром чуял, что для повышения его шансов субтильная библиотекарша должна выдать прапорщику некие свои «военные тайны». Он же постоянно

слышал их чириканье с Беллой Эдуардовной, их мгновенный переброс неведомыми именами или событиями. Вот прапорщик и решил изучить тот язык, понимая, что иначе до столь взволновавшей его женщины не добратся.

Выведав десяток заветных имен, Петр Иванович приступил к их освоению. Начал, разумеется, с главного. Неспешно, но обстоятельно прочитал избранное в двух небольших, грязно-желтого цвета, томах. Поразился и от всего сердца пожалел автора. Википедия подтвердила его подозрения о тяжелой жизни бедного Франца Кафки. Ненавистная скучная работа плюс букет различных болезней — как говорится, спасибо, не надо. Хотя, например, история превращения несчастного клерка в насекомое захватила даже обычно не склонного к рефлексии прапорщика. «Странно, но интересно», — сделал он вывод. И не преминул вставить пару фраз в разговор с Неонилой.

Библиотекарь Беляева понимала, конечно, откуда растут у прапорщика «интеллектуальные ноги», но, волей-неволей, одобряла процесс приобщения. А как еще могла реагировать библиотекарь на читательскую активность?

Лишь однажды Бойко допустил ошибку. Зато — почти фатальную, сочтя вполне научной книгу о новом прочтении истории, где Иван Грозный и хан Батый были одним и тем же человеком. Заметив закипающий в глазах любимой гнев, быстро перевел все в шутку. Нет, прапорщик был однозначно умным и находчивым человеком.

Итак, сначала Нила не отвергала тянущегося к знаниям прапорщика из соображений профессиональных: он же к знаниям тянулся, пусть и не только к ним.

Потом — из соображений бытовых.

Бойко, краснея и смущаясь, как-то напросился к ней в гости.

Сначала, прямо держа спину, долго пил чай. После чая с пирожными — их, кстати, он сам принес — бывший прапорщик деловито прошелся по квартире. В итоге в туалете появился свет (до этого без малого год хозяйку выручал лишь фонарик в мобильном телефоне), в унитазе перестала постоянно течь тоненькая струйка воды, а дверь в спальню, наконец, начала закрываться, причем без скрипа. Последним преимуществом влюбленному прапорщику воспользоваться практически пока не удалось, но он, помня старика Суворова, четко знал, что любую крепость можно взять. Если не штурмом, то осадой. Главное, чтоб правила осады соблюдались неукоснительно.

Постепенно квартира Нилы преобразилась.

Нет, она не стала больше или роскошнее. Просто все в ней теперь работало, причем без запредельных люфтов и неприятных звуков. Отодранное было привернуто или приклеено обратно, а разболтанное свинчено и отрегулировано.

Неонила, конечно, не слепая, все видела, все понимала. И не сказать, чтобы ей было неприятно.

Однако даже слегка жалела бравого военного пенсионера. Несмотря на теперешнее знание Кафки, вряд ли ему что-либо светило. Когда она пыталась намекнуть на это обстоятельство, прапорщик делал вид, что не понимает столь тонких намеков.

Библиотекарша не настаивала.

Во-первых, боялась обидеть. Во-вторых — он же своим присутствием не отгонял от нее других, более достойных кавалеров. К тому же, их просто не было.

В общем, замуж конкретно за данного представителя мужского пола Неонила по-прежнему не хотела, а вот поехать отдохнуть к знакомым на дачу, к тем же Рожковым, в лесу побродить да в озере искупаться — была вполне готова.

Но для начала Бойко предложил ей прогулку в парк Горького. Просидеть выходные дома в такую чудную погоду было обидно, и Неонила охотно согласилась.

Петр Иванович заехал за ней ровно в десять утра, как и договаривались. Неонила, будучи женщиной, была готова к выходу в 10.45. Соответственно, сорок пять минут Петр, не выказывая никакого недовольства, просидел на кухне, попивая чаек. Еще точнее, чаек он попил треть указанного времени, а за оставшиеся две трети успел починить отказавший утюг и заменить прокладку в допотопном кухонном кране.

— Зачем? — не поняла Нила. — Подумаешь, три капли в час.

— Не положено, — не оригинально объяснил прапорщик. — Тем более, у тебя водомер стоит индивидуальный. — Он все еще путался с «ты» и

«вы», не зная, на чем уже можно остановиться. Нила принимала любой вариант, однако поводов к сближению не давала.

— А если б не индивидуальный? — подколола она. — Тоже не положено?

— Тоже, — подтвердил Бойко. — Вода — достояние человечества.

Неонила ушла переодеваться и, вернувшись в гостиную, сказала:

— Я готова.

Они вышли на лестничную площадку, и она уже стала закрывать дверь на ключ, как вдруг зазвонил телефон прапорщика.

— Да, Виталь, слушаю.

Затем пошел какой-то текст, не слышный Неониле. Однако она видела, как Бойко напрягся.

— Не очень, Виталь, — ответил он. — Если только не архиважное. Мы тут в парк на прогулку собрались.

В следующую минуту Нила поняла, что невдомый ей Виталий все-таки говорил про архиважное. А потом, из реплик Бойко и Виталия ситуация окончательно нарисовалась. Похоже — крайне неприятная ситуация.

— Мальчик укусил собаку? — переспросил Бойко. — Собака мальчика? Господи, за лицо!

Дальше опять пауза.

— Сейчас спрошу, — наконец поникшим голосом проговорил прапорщик и, зажав микрофон ладонью, повернулся к Ниле: — У Рожковых беда. Мишка, помнишь его? Волчонок из Стожков. Ел котлету у них. Аргентум подошел на запах. Мишка укусил его за нос, а тот в ответ цапнул в лицо. Валентина в истерике, Виталик тоже паникует. «Скорую» вызвали. Просят подъехать. Что делать?

— Вот и поедем вместе, — ответила Нила.

Бойко сразу расслабился, и если б не ситуация с покусанным ребенком, наверное, вообще расцвел бы от счастья.

Они спустились вниз, к машине Петра. Ездил бывший прапорщик на черной «Волге» ГАЗ-24. Тоже «бывшей» — раньше возила какую-то важную номенклатурную единицу. Потом лет двадцать гнила в разных гаражах, пока, наконец, не стала личной собственностью Петра Ивановича.

Он относился к ней точно не как к средству передвижения.

Нила впорхнула в предупредительно раскрытую дверь и села на удобное и широкое переднее сиденье.

— Я все-таки не поняла, — заговорила она, когда они уже выехали за город. — Мальчик действительно укусил собаку?

— Не удивлюсь, если так и было, — мрачно ответил Бойко.

— Да, помню его глаза, — вздохнула Неонила. — А ведь это ребенок. — И вдруг неожиданно проговорила: — Бедная Белла! Вот бы отдать мальчика ей! Было бы справедливо.

— При живой матери не положено, — проявил строптивость прапорщик. — Да и не справится она.

— Почему не справится?

— У Беллы, кроме любви, ничего нет. А с волчатами одной любви мало.

— Что, еще плетка нужна?

— Если кого любишь, плетка никогда не нужна, — спокойно возразил Петр Иванович.

— А что же тогда? — допытывалась Нила. Ей действительно стало интересно.

— Понимание, за что берешься. И готовность к проблемам.

— А вы, значит, готовы к проблемам?

— Нет, не готов, — неожиданно ответил Бойко. — Потому и не берусь.

Они замолчали.

Под мощный гул движка Нила задремала, а проснулась оттого, что Петр Иванович выключил мотор. Оказывается, уже приехали.

Сразу увидели «скорую», сельский вариант — серый «уазик-буханка», с красным крестом.

Вышли из машины, открыли калитку и направились к дому, где женщина-фельдшер обрабатывала малышу лицо. Все действительно оказалось серьезно. И именно так, как рассказал Виталий.

Голодный Мишка пришел, как всегда, поесть. Ему дали поджаренную котлету. Аргентум не удержался, подошел поближе. Огромный ротвейлер, раза в три тяжелее ребенка, никак не ожидал, что его инстинктивное любопытство вызовет такое же инстинктивное нападение.

А дальше — собака есть собака, какой бы добродушной она ни была. В ответ на укус, скорее всего, последует укус.

Итог оказался печальным: на левой щеке мальчика была одна сквозная рана, одна глубокая, от клыков, и две неглубоких. На правой щеке — две царапины, клыки только скользнули по коже.

Аргентум, напуганный не меньше Мишки, прятался где-то в огороде.

Валентина плакала рядом с фельдшером, не в силах взять себя в руки. Бледный Виталий помогал держать малыша.

Странно, но мальчик не плакал. Однако не был больше похож на волчонка. А даже если и на волчонка, то не злобного, а жалкого.

— Молодец, терпишь, парень, — сказал Мишке прапорщик. Тот косо взглянул на него, даже не попытавшись что-то сказать в ответ, и Петр Иванович добавил: — Пока молчи. Потом поболтаем. И что-нибудь вкусное съедим.

При этих словах Мишка еще раз взглянул на Бойко.

В этот момент фельдшерица, средних лет полная дама, исследовала зондом сквозную дырку, на предмет необходимости наложения швов. И тут стало понятно, что Мишка, несмотря на свой неестественный жизненный опыт, обычный маленький мальчик. Не выдержав боли, он заплакал:

— Мне больно, не надо! Тетя, не надо!

— Еще чуть-чуть, миленький, — попыталась успокоить его фельдшерица, но Мишка стал ерзать в руках Виталия, мешая ей, и Бойко пришел на помощь.

Левой рукой, — предварительно посадив мальчика на колени, — он прихватил его за туповище, правой аккуратно взял за лоб и, чуть приподняв голову, затылком прижал к своей груди.

— Потерпи, малыш, — неожиданно нежно проговорил он. — Все будет классно! Хочешь покататься на машине?

Несмотря на остроту момента, Мишка попытался кивнуть в знак согласия.

— Вот и покатаемся, — пообещал Бойко. — Я тебе порулить дам.

— В больницу он покатается, — объявила фельдшерица. — «Антистолбнячку» я сделала, раны обработала. Но детей в таких случаях дома не оставляем. Так что в Городок поедет. — И, уже обращаясь к Рожковым, спросила: — Справка о прививке от бешенства у вас есть?

— Да, — тихо ответил Виталий. — Каждый год прививаем.

Он уже отошел немного от первого шока, Валентине же, наоборот, становилось хуже. Если сначала она собиралась ехать с малышом в больницу, то теперь это представлялось маловероятным, разве что вторым больным в «Скорой помощи».

Фельдшерица померила ей давление, сделала пару уколов, и вроде Валентине стало немного лучше.

Мишка в больницу не хотел категорически. Почему-то его смертельно пугало это слово. Петру Ивановичу еле удалось его успокоить.

А тем временем в дом вернулась Мария, Мишкина мама.

— Что с моим сыном сделали, сволочи?! — громко забарабанила она в дверь.

Мишка сразу сжался и почему-то схватился за руку Петра Ивановича.

Все, кроме оставшейся лежать Валентины, вышли на улицу, к санитарному «уазику».

— Ну, что, кто с мальцом поедет? — спросила фельдшерица. — Документы возьмите, свои, ребенка и собачьи.

Тут к ним опять подскочила не до конца протрезвевшая Мария.

— Что они с тобой сделали? — громко закричала она, впрочем, не пытаясь взять мальчика, которого нес Бойко, на руки. — Я вас всех, твари, засужу! На что я его лечить буду?

— Мы все оплатим, — неловко вступился Виталий. — Все лечение оплатим.

— А я на что жить буду? — не унималась та.

— И вам заплатим, — покорно кивнул он головой.

— Сейчас давай! — угрожающе махнула рукой Мария.

Виталий полез в карман пиджака за бумажником.

Но тут, неожиданно даже для себя самой, взорвалась Неонила:

— А вам-то за что? Без ребенка меньше на станции насобираете?

— Не твое дело, — отрезала та. — Мой Мишка, что хочу, то и делаю.

— Не все, что хочешь, — уже не могла остановиться обычно тихая и спокойная Нила. — За такое родительских прав лишают. Ты ж его не кормишь даже!

— Отстань! — махнула рукой Мария. — Себе роди и тогда воспитывай. — Она уже оценила противника, как неопасного. И опять здорово ошиблась.

— Не давайте ей денег, — жестко проговорила Неонила, обращаясь к Виталию. — Она больше собаки виновата. Не за что ей деньги давать.

Виталий в замешательстве остановился. Умом он понимал, что, если поддастся нажиму, его будут шантажировать постоянно, но понятия не имел, что со всем этим делать. Да и чувство вины мешало принять окончательное решение.

— Попробуй не дай! — разозлилась пьянчужка. — Да я вас всех засужу! Все попродаете, сволочи!

— Исчезни, тварь, — сквозь зубы процедила Неонила. — Исчезни, или прибью.

Мария, ощутив реальную опасность, тихо ретировалась. Правда, еще немного поорала им вслед, но уже за забором.

— Я поеду с ребенком, — сказала Нила фельдшернице.

— А я тогда за вами, — встрепенулся Петр Иванович.

Он передал Мишку Ниле, та не очень ловко взяла его на руки. Но Мишка сам ей помог, обвил ручонкой ее шею. Виталий, поблагодарив, неуверенной походкой пошел в дом, к жене.

— Поехали, — сказала Нила фельдшернице, залезая с Мишкой в «уазик». Потом обернулась и крикнула уже отходившему Петру Ивановичу: — Позвони Белле, пожалуйста. У нее телефон адвокаты. Она знает. Пусть найдет и передаст тебе.

— Хорошо, — уже ничему не удивляясь, согласился Бойко.

«Буханка», завывая двигателем, потихоньку поползла по щербатой деревенской улочке.

Глава 8

Городок. Узел затягивается

Постепенно визиты в Городок стали рутинной. Конечно, не ежедневные.

У удачливых адвокатов потому так много дел в одновременном ведении, что ведутся юридические процедуры, как правило, неспешно. И, понятно, не из-за адвокатов.

По серьезному преступлению полтора-два года в СИЗО до суда — обычное дело. Если осудят — этот срок идет в зачет. А если оправдают, то задержанный настолько счастлив, что, как правило, уже не протестует из-за потерянного куска жизни. Главное, чтобы тюрьма не повторилась — власть очень не любит признавать свои ошибки.

Тем не менее, до «белых мух» Ольга, одна или с Олегом, не раз приезжала в Городок.

Много чего сделали.

Например, в магазине «Хозтовары», по адресу ул. Ленина, 22, купили пять метров веревки. Ровно такой, какой был задушен бывший начальник полиции Городка и которую нашли в багажнике автомобиля Николая Ключева.

Здесь линия защиты была очевидна: эта веревка могла быть в багажнике у доброй тысячи горожан.

Олег не поленился записать показания хозяйки магазина: веревки у поставщика было закуплено много, из соображений дешевизны опта. А покупателей, конечно, если не тысячи, то многие сотни.

На основании этого Багров обратился с официальным ходатайством к следователю Маслакову В.А. Он просил, с учетом сложности идентификации принадлежности веревки конкретным гражданам, провести порографическую экспертизу, то есть, попытаться определить на конкретном куске веревки, найденном на месте преступления, некие элементы, а конкретно — выделения кожи рук подозреваемого.

Ходатайство было официально отклонено. Неофициально было объяснено, что «ваша порографическая экспертиза — просто трата государственных денег».

По всей видимости, капитан юстиции Маслаков В.А. пока не видел судебных перспектив у данного дела. А если проще — следствие пребывало в полной уверенности, что рак скоро добьет Ключева, и суда в связи с этим просто не будет.

Такая позиция была весьма удобна для адвокатов. Следователи делали ошибку за ошибкой. Обычный суд мог и не обратить на них особого внимания, но здесь было убийство, и было полное отрицание вины будущим подсудимым, стало быть, с судом присяжных гораздо сложнее «проштемпелевать» халтурно слепленное дело.

Ольга тем временем активно встречалась с адвокатами и родителями оговоривших Ключева парней. Лишь с двумя не удалось найти общего языка, с остальными же вполне получилось. Ведь кем были все эти запуган-

ные «оговорщики»? Мелкой сошкой. Оговорили из страха. Теперь из страха же отказывались от сказанного. В активе Ольги Викторовны были уже три отказа от ранее данных показаний против ее подзащитного.

И вот тут-то Багров с Ольгой поняли, что ее тринадцатое дело, на самом деле, мягко говоря, необычное.

Конечно, адвокаты не часто бывают закадычными друзьями прокуроров, но, как правило, взаимное уважение присутствует.

У каждого — своя работа. Если переходить на высокий штиль — именно совместная работа каждого делает жизнь социума справедливой и безопасной. Для точности — вставим словечко «более». Более справедливой и более безопасной. Останься в судах одни адвокаты — и мир захлебнется в безнаказанной преступности. Изгони адвокатов из зала суда — и мир захлебнется в беззаконии и самодурстве.

Короче, судья, прокурор и адвокат — не враги, а участники ОБЩЕГО во всех смыслах процесса обретения справедливости.

Здесь же все было гораздо печальнее.

Например, за осень дважды прокалывали колеса шеметовской машинке. Их латали быстро, однако подобный подход уже на данном этапе рисовал весьма мрачные перспективы в будущем.

Олег Всеволодович попытался снизить накал противостояния, зайдя еще раз к Слепневу.

Тот был вполне любезен, но его видение устройства мира не изменилось. Либо вы с нами, либо вы против нас. Причем, судя по дыркам в шинах, представитель правопорядка никоим образом не стеснялся этот правопорядок нарушать. Впрочем, испорченные колеса быстро стали мелочью.

Вчера полицейские задержали жену Николая Клюева Жанну. За попытки создать помехи следствию. Это был уже открытый произвол.

Оформив соглашение на ее защиту, Ольга встретила в ИВС с Жанной.

Та была в весьма боевом настроении и не нуждалась в какой-либо психологической поддержке.

— Крысами решили меня запугать, козлы! — сообщила она.

— В самом деле, были крысы?

— Откуда там крысы? — зло усмехнулась Ключева. — Они там от холода передохнут.

Оказалось, ее посадили в одиночную камеру, где температура была близкой к уличной.

На допросы ни разу не вызывали. Да, наверное, и не вызовут. Знакомый мент шепнул Жанне, что больше двух суток держать не будут. Ясно же, что задержание производилось не в интересах установления истины, а как средство давления на мужа.

— Скажите Коле, у меня все отлично. Пусть не волнуется. Будем стоять жестко, пока наших не выпустят.

— Я тоже так думаю, — подтвердила Шеметова, стараясь выдавить из сознания мысль о саркоме. Как поведет себя злая опухоль и как с ней бороться — этого она уж точно не знала. — У вас еще какие-то просьбы или пожелания есть?

— Есть, — сказала Жанна, зло сверкнув глазами. — Маринку спрячьте. Она крыс боится.

— Марина уже уехала, — успокоила ее Ольга. Эта же мысль — о робкой и впечатлительной жене второго брата — пришла к ней сразу, как только узнала о задержании Жанны. — В Новосибирск, к маме. До нашего звонка.

— Ну, и слава богу, — закончила беседу супруга Николая. — Передайте мужу, у меня все отлично. В бою не подведу.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась Шеметова и с уважением пожала крепкую ладонь Жанны.

После ИВС Ольга встречалась с Косицыным. Снова на «конспиративной» автозаправке.

Тот был гораздо веселее, чем при прошлой встрече.

— Разворошили вы муравейник, — уважительно сказал он девушке.

— Стараемся.

— Коньячку будете?

— Нет. Мне потом за руль.

— Понятно. Лихо вы троих перевербовали. Плюс мой, в запасе, с красным перцем. На суде хорошо прозвучит, присяжные такое любят.

— Да уж, сделаем максимально драматично.

— Только все равно у вас ничего не выйдет.

— Почему это? — тут же встрепенулась Ольга.

— Потому что сила солому ломит, — уже без улыбки проговорил бывший прокурор.

— Делай, что должно, и будь, что будет, — тоже поговоркой ответила Ольга. — Может, еще какой подарочек нам принесете? Вклад, так сказать, в обогрев космоса.

— Да берите, у меня много, — ухмыльнулся Косицын. — Вот адресок. — Он подтолкнул к Шеметовой сложенную бумажку. — Только никаких ссылок на меня.

— Есть, сэр. — Ольга вцепилась в бумажку, мгновенно отправив ее в свою сумочку.

— А полковника убил майор. Больше некому, — неожиданно произнес Косицын.

— Есть доказательства? — Эту версию Ольга слышала в Городке уже неоднократно. Именно у Слепнева были в тот вечер и мотив, и возможность.

— Нет доказательств. И не будет, — мрачно подытожил Михаил Петрович. — Просто противно прокурору, хоть и бывшему, хоть и спившемуся, на все это смотреть.

— Да вы, Михаил Петрович, просто рыцарь на белом коне, — искренне сказала Шеметова.

Старый юрист не смог сдержать довольную улыбку.

— Было бы таких, как вы, хоть двадцать процентов — Слепневы бы не взяли город, — закончила, поднимаясь, Ольга.

— Это точно, — вздохнул Косицын.

Ольга подъехала по выданному бывшим прокурором адресу. Точнее, пошла — уж больно ее желтая машинка была заметной. По дороге пару раз оглянулась. Нет, похоже, до наружного наблюдения пока не дошло. Хотя, если процесс пойдет такими темпами, то скоро придется заказывать личную охрану.

Дойдя до облезлого трехэтажного дома, выкрашенного в салатный цвет лет, наверное, тридцать назад, она поднялась на второй этаж и нажала на звонок.

Открыл интеллигентного вида человек.

— Я пришла поговорить про...

— Проходите, — перебил ее мужчина, торопливо закрывая за гостьей дверь.

«Тоже боится», — подумала Ольга. С другой стороны, если бы сильно боялся, не напрашивался бы на встречу. Вряд ли Косицын дал бы его адрес без предварительной договоренности.

Мужчине было на вид лет пятьдесят. Щуплого телосложения, в однотонном сером свитерочке, в линялых джинсах и с аккуратно зачесанными назад седыми длинными волосами.

Комнатка небольшая, но чистая. Даже уют какой-то заметен, правда, наведенный, скорее всего, не очень умелыми мужскими руками.

— Садитесь, пожалуйста. — На круглом столе уже стояли две чашки с блюдцами, заварной чайник с торчащим из носика ситечком, гжельская посуда с печеньем. — Может, вы голодны? Я сделаю бутерброды.

— Нет, спасибо, — отказалась Ольга. Конечно, она была голодна, но времени катастрофически не хватало, а предстояла еще большая работа. — Так что вы хотели мне рассказать?

— Сейчас, — сказал мужчина, отходя, как выяснилось, за горячим чайником. Он по старинке закипал на газовой плите. — Меня Леонид зовут. Богданов. Я виолончелист. Бывший.

— Вот здорово! — неожиданно воскликнула Шеметова.

— Что здорово? Что — бывший? — невесело улыбнулся Леонид.

— Нет, что вы, — смутилась она. — Просто у меня подруга тоже виолончелистка. — Ольга названа ансамбль, в котором играла — и теперь снова играет — их несгибаемая Маринка Томская.

— Так я их знаю, — обрадовался хозяин. — Серьезные музыканты. А что, у виолончелистки тоже была травма?

— Еще какая! — И Ольга вкратце описала всю героическую историю возвращения в музыку ее подруги.

— Сколько же ей это стоило, — задумчиво проговорил Леонид.

— Вы про мужество или про деньги? — переспросила она.

— Про деньги, — усмехнулся Богданов. — У меня похожая история. И мужества бы хватило на сто операций. А вот денег, к сожалению, нет.

— Вы тоже попали в ДТП?

— Нет. Я оказался не в то время не в том месте. Попал на глаза.

— То есть? — Похоже, Ольга начинала что-то понимать.

— На глаза товарищу Слепневу. Он тогда еще был капитаном. Очень активно стоял на страже законности.

— А каким образом виолончелист пересекся с капитаном полиции?

— Поверите, я в жизни своей никогда не совершал ничего противоправного, — после паузы начал свой рассказ Леонид. — А тут затмение как будто нашло. Я тогда еще курил. И вот вышел из электрички, шел по перрону, искал глазами урну. Не нашел. Черт дернул бросить пачку прямо на перрон. И вдруг почувствовал такую страшную боль в правой руке, что тут же потерял сознание. Очнулся в милицейской машине. В отделении подписал протокол и пошел в больницу. Переломы оказались со смещением. Короче, больше на виолончели я не играю. — Леонид отвернулся, чтобы скрыть выступившие слезы, потом вообще встал и вышел из комнаты.

Ольга сидела ошарашенная. Господи, где мы живем? Понятно, что, профессионально посещающая СИЗО и тюрьмы, она всякого насмотрелась. Но здесь уже был какой-то трэш.

Вскоре Леонид вернулся и, покачав головой, произнес:

— Вот такая история.

— И вы не предприняли никаких юридических действий? — спросила Шеметова.

— А какие действия я мог предпринять? — уже спокойно ответил бывший музыкант. — Сначала руку лечил. Потом работу искал — есть-то чего-то надо. Хорошо хоть, что одинокий. Написал заявление в милицию. Получил ответ — ничего противоправного в действиях задержавшего меня капитана Слепнева не обнаружено. Полицейский, в соответствии с инструкциями, предпринял меры для предотвращения правонарушения. Вот как-то так.

— Ну да, не расстреляли же, и слава богу, — вздохнула Ольга. — А как давно это было?

— Два года назад.

— А вы не хотите продолжить эту историю? Наверняка все документы сохранены. Лечились ведь в местной больнице?

— Да. И документы есть. Только смысла не вижу.

— Тем не менее, смысл во встрече со мной вы увидели.

— Да, увидел, — кивнул Леонид, подливая еще чай себе и гостю.

Ольга с удовольствием откусила печенье. Некстати вспомнив, что дала страшную клятву до конца месяца не есть мучного, взяла следующее. На сто бед один ответ.

— И какой смысл вы увидели? — еле выговорила она с набитым ртом.

— Я их ненавижу, — просто сказал виолончелист. — Если моя история может нанести им вред, я дарю ее вам.

— Может, — согласилась Шеметова. — Любая правда об их беззакониях может нанести им вред. И, соответственно, помочь мне и вам. Вы готовы выступить в суде?

— А что мне терять? — усмехнулся Леонид. — Все уже потеряно.

— Плохая позиция, — поморщилась Ольга. — Я бы предложила другую платформу.

— Озвучьте.

— Пожалуйста. У Маринки Томской выясняем имена реальных докторов, спасающих безнадежные руки. Узнаем, сколько это стоит в денежных знаках. Выставляем иск местной полиции на вышеназванную сумму. По-моему, такой план интереснее.

— Вашими бы устами... — недоверчиво произнес хозяин квартиры. Но видно было, что он задумался.

На прощанье Леонид неожиданно подбросил еще одну бомбу. Оказалось, что убиенный полковник и бравый майор делили между собой не только деньги от автобизнеса, но и женщину. Когда майор был еще лейтенантом, а полковник — майором, Иванов отбил у Слепнева жену. Так что нынешняя полковничья вдова — бывшая лейтенантская жена.

Брось рассказчик такую кость автору детектива — тот пришел бы в восторг. Но практикующий адвокат не сочиняет детективов. А также не разыскивает истинных убийц, спасая своего подзащитного. Практикующий адвокат гораздо более практичен, простите за тавтологию. Тем не менее, подобные факты всегда с особым тщанием хранятся в его рабочем портфеле. Чем их больше, тем серьезнее станет Слепнев опасаться за собственную шкуру. И тем меньше будет давить на адвоката.

«Если, конечно, не решит его одномоментно грохнуть», — довела мысль до логического конца Шеметова.

Что ж, она, конечно, ни разу не попадала в подобные ситуации. Но ведь отступить некуда. Так что остается просто приложить все усилия, чтобы не стать жертвой.

На этом длинный день в Городке и не думал завершаться.

Последовал еще один весьма странный звонок. Мало того, что связь была неважная, так Ольга еще минуты три не могла понять сбивчивый текст в трубке, пока, вконец разозленная, не рявкнула:

— Вы связно говорить можете? Мальчик укусил собаку? Собака укусила мальчика? И какое вам дело до того, где мне приспичило в туалет? От меня-то что вам надо? — И тут же расхохоталась, вспомнив своих спасительниц в забытом богом пансионате.

Дальше смешного было мало. Ввязываться в новое дело сейчас не хотелось — на старые едва хватало сил. Но дама на другом конце провода молила о помощи, и Шеметова не смогла отказать.

— Завтра подъезжайте в контору, — сказала она. — Адрес в визитке есть.

— А сегодня нельзя? — чуть не плача, спросила Неонила.

— Я не в Москве, и когда вернусь, не знаю. — А чтобы собеседница не заподозрила, что от нее отрециваются, Ольга вслух назвала Городок.

— Господи, а мы тоже здесь! — воскликнула библиотекарша. — Мы в райбольнице.

— Ну, дела, — удивилась Шеметова. — А я как раз туда сейчас еду. — У нее действительно была запланирована встреча с Иваном, старшим братом Клюевых. Он должен был перечислить ей на счет конторы деньги, а она — согласовать с ним план дальнейших действий.

Больница была небольшой. Желтый трехэтажный главный корпус и три серо-желтых

флигеля: инфекционное, психиатрическое и, не к ночи будет сказано, патолого-анатомическое отделения.

Иван ждал в главном корпусе, в крошечном кабинетике мамы, Мадины Ибрагимовны, здешней старшей медсестры.

По дороге Шеметова встретила Фадееву, местную начальницу здравоохранения, которую в свое время серьезно выручила в деле о ДТП с ее погибшим мужем. Наталья явно узнала ее, но только холодно кивнула и прошла мимо. Что ж, это понятно. Хотя почему-то все равно обидно.

Зато в каморке у Клюевых Ольгу ожидал совсем иной прием. Она уже стала почти своей в этой семье, понявшей, что на нее можно положиться, как на себя.

Присутствовали Иван, Мадина Ибрагимовна и старший Клюев. Ольга сообщила о результатах, в том числе, о встрече с Жанной.

— А на вас не давят? — спросила она Ивана, старшего брата-стоматолога.

— Вроде нет, — ответил тот. За два месяца общения он стал ощутимо похож на младших братьев. Спала некая докторская благообразность, жестче стали черты лица. Бывший добряк-стоматолог теперь вполне органично смотрелся бы с автоматом. Или с мечом.

«Нет, зря все-таки Слепнев выбрал в качестве мишени ассирийских воинов», — с удовлетворением подумала Шеметова.

Что ж, первые итоги неплохие.

Конечно, до освобождения близнецов далеко. Да и рак носоглотки никто, к несчастью, не отменил. Но из прошлого «беспросвета» выползли. Наверное, им Бог помогает. Вон, даже зашедший на огонек старик Гохман подтвердил, что болезнь Николая Клюева находится в стадии ремиссии. Другими словами, его положение сейчас даже лучше, чем полгода назад. Видать, помогла экспериментальная терапия. Гохман попытался объяснить принцип действия противораковых генномодифицированных препаратов, но Ольга лишь руками замахала — главное, чтобы Коля Клюев был жив, а секреты профессии оставьте себе, ей и своих хватает.

Наконец нашли взывавшую о помощи Неонилу Леонидовну.

Они с мальчиком и Петром Ивановичем были в инфекционном отделении. Там решался вопрос, подвергать ли ребенка антирабической профилактике: укусы были серьезными, к тому же — на голове, но и собака, во-первых, была домашней, а, во-вторых, действительно ежегодно прививалась от бешенства.

Ольга сразу вспомнила симпатичную стройную блондинку, выручившую ее в смешной, но острой ситуации. Выслушав историю, наметила и план действий по преодолению последствий. К счастью — или, наоборот,

к сожалению, для кого как, — владельцев кусачих псов в России особо не наказывают. Отбиться было не сложно, тем более что с моральной точки зрения все сделали чисто: владельцы собаки брали на себя безусловное обязательство оплатить любое лечение травмированного малыша.

Но тут выяснилось, что Неонила хотела гораздо большего.

Во-первых, лишит родительских прав Мишкину нерадивую мать. И, во-вторых, ни много ни мало, — усыновить Мишку.

Причем Ольга мгновенно вычислила, — с женской и профессиональной проницательностью, — что решение библиотечарши было хоть и быстрым, однако абсолютно серьезным и вовсе не случайным.

Такое бывает. Долго копится, а потом быстро выстреливает.

Рядом, во время переговоров, стояли двое. Один, явно встревоженный, чуть поодаль — это был подъехавший чуть позже Виталий, хозяин собаки. Второй, крупный насупленный мужчина лет под пятьдесят, с щегольски подстриженными усиками, соответственно, Петр Иванович Бойко. Он не вмешивался в разговор, хотя явно его не одобрял.

По большому счету, не одобряла его и Шеметова. Уж она-то нагляделась на криминальные семейства и имела свое мнение о генетических особенностях преступной среды.

— Вам точно это надо? — прямо спросила она. — Ребенок вообще не игрушка, а такой — особенно.

— Мне точно это надо, — ответила Неонила, и почему-то Ольга ей окончательно поверила. Такие движения души не бывают внезапными. Их внезапность — лишь внешняя оболочка, потому что готовятся они всю жизнь.

— Ты мне pomoжешь? — обратилась Неонила к мужчине.

— Помогу, — без раздумий ответил он. — Хотя, по-моему, мы делаем ошибку.

— Тогда лучше не помогай, — с горечью проговорила Нила. — Тут надо или все, или ничего.

— Нет уж, лучше помогу, — улыбнулся мужчина, тут же став гораздо менее строгим. — Но на каком основании ты его сейчас забираешь?

— Ни на каком. Просто забираю.

И, судя по тому, как к ней приник малыш с забинтованным лицом, слова Нилы не собирались расходиться с делом.

— Ладно, — сказала Шеметова. — Я попробую помочь, но ничего не обещаю. Усыновление — вообще скользкая тема, особенно при живой мамаше. Вы сама-то замужем? И есть ли свои дети?

— А это имеет значение? — удивилась Нила.

— Принципиальное, — подтвердила Ольга.

Нила беспомощно и как-то по-детски зашевелила губами, но ничего не произнесла.

— Тогда замужем, — кратко сказал усатый мужчина.

— Почему — тогда? — не сразу поняла Ольга.

— Ну, раз значение принципиальное, — широко улыбнулся он.

Нила ничего не сказала. Она вцепилась в притихшего пацана, а он, похоже, с не меньшей силой держался за нее.

— Ладно, живы будем — не помрем, — подвел жизнеутверждающий итог мужчина.

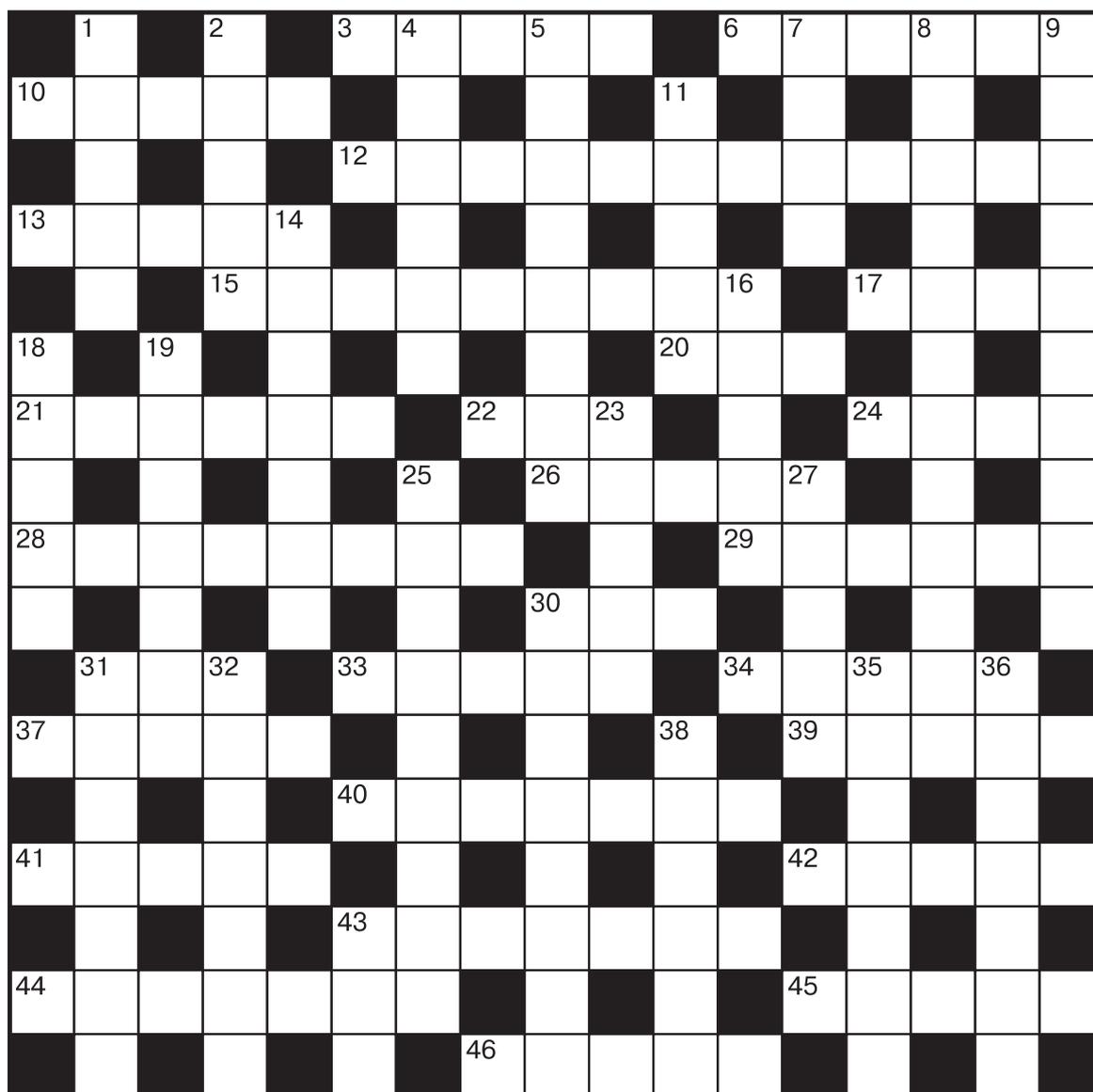
Клюевы проводили Ольгу к ее «мазде», которая, слава богу, стояла со всеми четырьмя целыми колесами. А Неонила с ребенком, в сопровождении мужчины, направилась к черной «Волге», когда-то роскошной, но и сегодня не потерявшей своего шика.

...Короче, все продолжалось по-прежнему: Вселенная расширялась, братья Клюевы сидели в тюрьме, Ольга торопилась в Москву к любимому, полицейский вариант «доктора-Зло» майор Слепнев стремился поработить Городок.

И лишь для трех присутствующих при нынешней встрече жизнь грозила измениться революционно. Никогда не знаешь, что будет в конце революции, но одно было понятно точно: перемены грядут. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Архитектура величия. **6.** Чужая мысль для украшения своей точки зрения. **10.** «Зубная броня». **12.** «Запасной вариант» при принятии решений. **13.** Раскрученная марка. **15.** В начале XX века его считали опасной едой бедняков, которую продавали только с тележек у фабрик. **17.** «Никто не приобретет для

тебя твой жизненный ...» **20.** Осинный клан. **21.** Судья футболистов. **22.** «Не дай нам ... дожить до того дня, когда все будет так плохо, как пишут в газетах». **24.** В какой европейской столице можно сходить в музей кораблей викингов? **26.** «Чайный гарнир». **28.** Криминальный эпизод. **29.** «Искуснее всего скрывает

свой ... тот, кому нечего скрывать». **30.** Чутье ищейки. **31.** Железный утиль. **33.** Реакция на оскорбление. **34.** «Хобот» у чайника. **37.** Поварской топорик. **39.** Ажиотажный ... **40.** Город с самым длинным названием в мире из «Книги рекордов Гиннесса». **41.** «Никогда не заявляйте на вечеринке, что вам нельзя сегодня пить! ... жизни всех присутствующих сведется к тому, чтобы вас напоить». **42.** Какую птицу за глаза прозвали «степным великаном»? **43.** Где прошел «медовый месяц» Пабло Пикассо с Ольгой Хохловой? **44.** Что вырабатывает ГЭС? **45.** Приглашение к любовным шашням. **46.** Какая героиня картины Джорджоне стоит ногой на отрубленной голове Олоферна?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой компонент дорогих духов запрещено продавать в Штатах? **2.** «Он есть существо необычайно коварное и опасное, пока не приручен: он крутится, прыгает, изгибается, пускает под се-

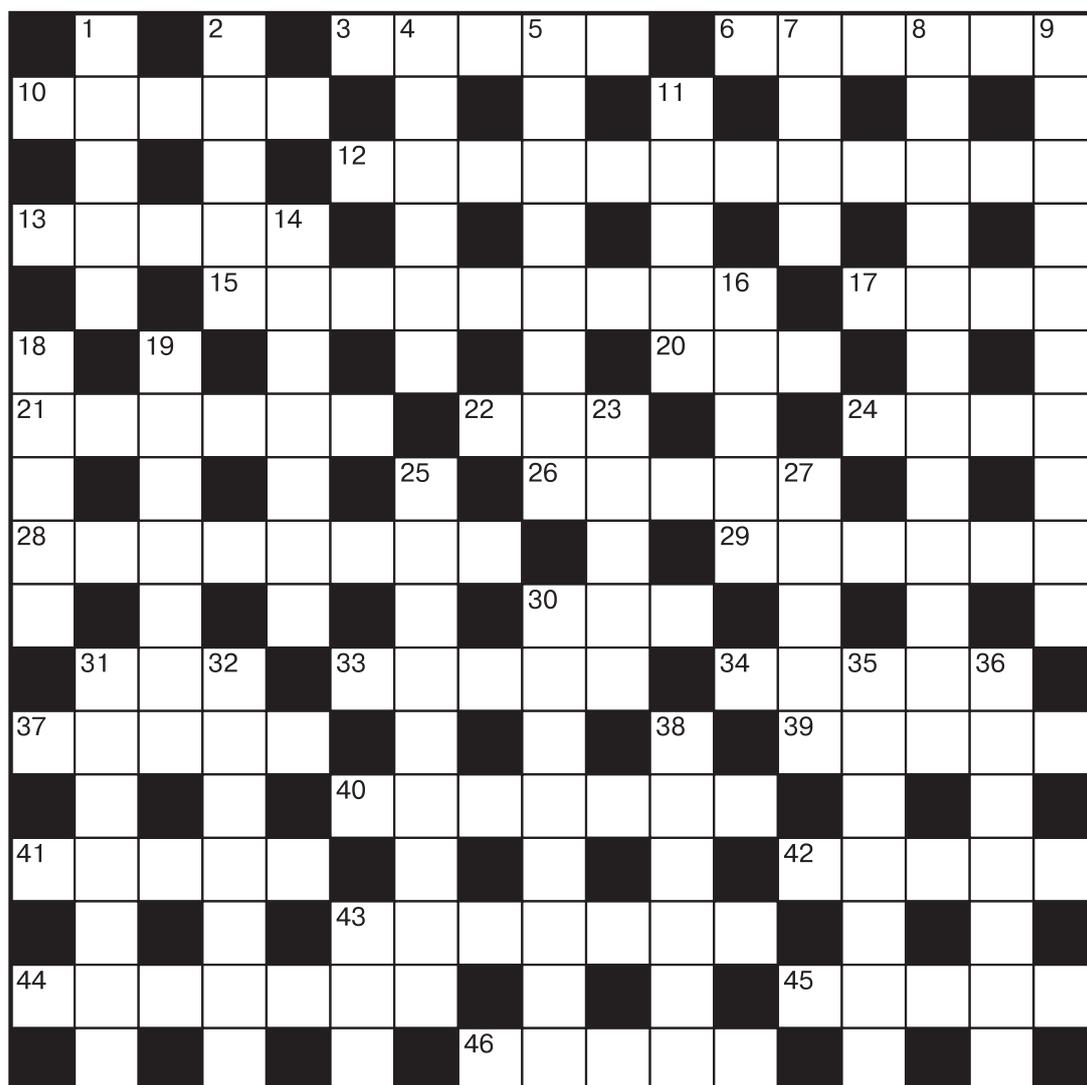
бя пропасть воды и с наслаждением полощется в грязи, которую сам развел». Что имел в виду Карел Чапек? **4.** С какой песней Ирина Понаровская в 1976 году завоевала Гран-при фестиваля в Сопоте? **5.** Какая организация преследует уголовников в мировом масштабе? **7.** Совладелец Персидского залива. **8.** Кто вылетает из аэропорта? **9.** Пристрастие к игре. **11.** «Мандат новосела». **14.** Какой врач зуба лишиться может? **16.** В 1981 году некий рабочий Кэндзи Урада с завода Kawasaki стал первой официальной жертвой. От «чьей руки» он погиб? **18.** Пятигорская гора. **19.** Какой фрукт китайцы считают символом трусости? **23.** Ажурная материя. **25.** Самая урановая страна в мире. **27.** Главный агрегат на водокачке. **30.** Где установлен памятник «Тысячелетие России»? **31.** Прожорливый хомяк из тундры. **32.** Музыкальный мэтр. **35.** Самый долгий путь от периферии к центру. **36.** «Не путай ... со счастьем». **38.** Самый большой паук в мире. **43.** Абсолютный информационный минимум.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Борщ. **3.** Змея. **7.** Спуск. **11.** Хадж. **12.** Авторитет. **13.** Овраг. **14.** Аякс. **17.** Энзим. **20.** Корыто. **21.** Ока. **22.** Виолетта. **24.** Тренер. **28.** Акупунктура. **29.** Атаман. **30.** Драка. **34.** Самообман. **37.** Миллион. **38.** «Левит». **39.** Побег. **41.** Спорт. **42.** Жучка. **43.** Ужас. **44.** Винил. **45.** Жизнь. **46.** Школа. **47.** Квас. **48.** Сезам.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Брак. **2.** Рутинка. **4.** Мать. **5.** Яхта. **6.** Едок. **8.** Поверье. **9.** Счастье. **10.** Архив. **15.** Янтарь. **16.** Скат. **17.** Экскурсия. **18.** Минни. **19.** Плеть. **23.** Апокалипсис. **25.** Ритуал. **26.** Немо. **27.** Ринг. **31.** Хан. **32.** Токовище. **33.** Облепиха. **34.** Сопрано. **35.** Несушка. **36.** Циркуль. **40.** Рурк. **41.** Сажа.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Что индейцы клали в череп убитого зверя, дабы примириться с его духом? **6.** Что, кроме мясного фарша и тертой картофелины использует голливудская суперзвезда Шерон Стоун, делая маску для своего очаровательного лица? **10.** Что изучал в Гарварде американский президент Барак Обама? **12.** Откуда родом олимпийская чемпионка по фигурному катанию на коньках Елена Бережная? **13.** Чем скульптор отверстия сверлит? **15.** На какой планете

происходит действие романа «Ада» Владимира Набокова? **17.** Румынский танец. **20.** Королевский замок близ французского городка Амбуаз, где прошли последние годы гениального Леонардо да Винчи. **21.** Бассейн в античных банях. **22.** Парусник крестосцев. **24.** Зверь из Южной Америки, сильно смахивающий на свинью. **26.** «Гырмызы дон» из Средней Азии. **28.** Ночная лодка древнегипетского бога Ра. **29.** «Ночлежный дом» для экономных туристов. **30.** Британская

пресса фамильярно именовала Иосифа Сталина «дядя ...» **31.** Надбавка к цене на аукционе. **33.** Чуть ли не самый знаменитый артист балета при дворе Людовика XIV, танцевавший до 75 лет. **34.** Туркменские пельмени с бараниной. **37.** С каким луком в Эльзасе тушат виноградных улиток? **39.** Локалатор, прощупывающий водную гладь. **40.** Польский город с «пивным колоколом». **41.** Та самая бочка, где жил античный философ Диоген. **42.** Испитанная сторона древнего папируса. **43.** Чем изначально был нынешний интернетовский «спам»? **44.** Динозавр с «булавой» на хвосте. **45.** Кто исполняет колыбельную в фильме «Голодные игры»? **46.** Не так давно в Америке ..., запущенный каким-то злоумышленником на фабрику одежды, нанес владельцам ущерб на миллион долларов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какое мелодическое украшение происходит от итальянского «дребезжания»? **2.** Старейший город Испании. **4.** Какое заболевание часто возникает при вегетарианском питании из-за недостатка железа в организме? **5.** Кто убивает 70 сво-

их братьев в Ветхом Завете? **7.** Армянская копейка. **8.** Австрийские клецки. **9.** Модник эпохи Директории. **11.** Помесь змеи с акулой у Льюиса Кэрролла. **14.** Водный шиликун. **16.** Какой бог имеет прямое отношение к возникновению футбольной кричалки «Оле-оле-оле»? **18.** Сто тридцать пять миллионов долларов заплатили на аукционе в 2006 году за «Портрет Адели Блох-Бауэр». Кто из модернистов его написал? **19.** Герой абхазского эпоса, родившийся от «непорочного зачатия». **23.** Рассветный намаз. **25.** Голливудский секс-символ, которого в молодости не брали в бродвейские постановки по причине «слишком хорошей внешности». **27.** Погребальный храм из античной жизни. **30.** Паровое отверстие русского самовара. **31.** Черный медведь из «Красной книги». **32.** Мундир с гусарского плеча. **35.** Первая женщина, вставшая во главе IBM. **36.** Какой спорт родился благодаря американским летчикам, взявшим двигатель от газонокосилки «Уэст бэнд»? **38.** Какой газ закачали в автомобильные фары? **43.** Индийский булат.

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Шуба. **3.** Папа. **7.** Сплав. **11.** Суни. **12.** Ндрангета. **13.** Траур. **14.** Гуйя. **17.** Бигос. **20.** Ханаан. **21.** Рок. **22.** Басенджи. **24.** Нритья. **28.** Вейтпуллинг. **29.** Пхачич. **30.** Хокон. **34.** Тулукызах. **37.** Мезозой. **38.** Нурми. **39.** Йорки. **41.** Томаш. **42.** Арарэ. **43.** Оман. **44.** Халва. **45.** Хинин. **46.** Стена. **47.** Азям. **48.** Керчь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шенг. **2.** Баррик. **4.** Абец. **5.** Асаг. **6.** Ануй. **8.** Пиренеи. **9.** Акумаль. **10.** Андоб. **15.** Ундина. **16.** Яхин. **17.** Бодегонес. **18.** Самум. **19.** Шееле. **23.** Этнохороним. **25.** Рихман. **26.** Тэчу. **27.** Ямча. **31.** Жуй. **32.** Аутодафе. **33.** Тышкевич. **34.** Тонатю. **35.** Хурриты. **36.** Хмурень. **40.** Мора. **41.** Тахя.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2015 года через редакцию.

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте. Теперь данная услуга доступна и для жителей Республики Крым и г. Севастополя.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Банка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 1-е полугодие 2015 года в любом отделении почтовой связи. Теперь данная услуга доступна для жителей Республики Крым и г. Севастополя. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 70656 — годовая подписка Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

СМЕНА №1, 2015

«Если удалить толстый слой лака, покрывший за десятилетия страницы истории гражданской войны в России, откроется достаточно неприглядная картина жесточайшего кровопролития, в котором «борцы за светлое будущее» были вне конкуренции. Дело могло закончиться Мировым Пожаром Революции, но — не получилось.

Если бы не предательство верхушки власти, не страх союзников, что Россия станет первой в новом мире, и не подтачивающая тыл и армию агитация революционеров всех мастей... у нас была бы совсем другая история, и даже тачанку не пришлось бы изобретать. Но Германия объявила России войну, и кровавая карусель закружилась...

Светлана **Бестужева-Лада** «Гражданская бойня»

«Он стоит в одном ряду с такими титанами, как Гомер, Данте и Шекспир. А широтой научных интересов Иоганн Вольфганг Гете мог сравниться с самим Леонардо. Он занимался анатомией, астрономией, геологией, ботаникой, философией, немало времени тратил на политическую деятельность, и в то же время был одним из величайших гениев мировой литературы. При этом ничто человеческое было ему не чуждо — автор «Фауста» влюблялся в женщин до глубокой старости и последний раз всерьез собирался жениться в 74 года на девятнадцатилетней девушке...

Алла **Зубкова** «Мудрец из Веймара»

«Ровно 75 лет назад, 27 января 1940 года, «за шпионскую деятельность против СССР» был расстрелян выдающийся писатель Исаак Эммануилович Бабель. Прочное положение на Олимпе советской литературы и житейское благополучие — все это рухнуло в одночасье. Майским утром 1939 года 45-летний, пышущий здоровьем Бабель еще прогуливался возле своей дачи в Переделкино, а уже на следующий день он был арестован. Лишь немногие догадывались, что истинной виновницей трагедии была супруга кровавого наркома внутренних дел Ежова — роковая сердцеядка и страстная искательница приключений Евгения Соломоновна Ежова, которую окружающие называли «Стрекоза» — по причине ее крайнего легкомыслия...

Александр **Аннин** «Стрекоза и Бототель»

«Окончание криминального романа Иосифа **Гольмана** «Защитница»